

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика

2018

Том 18

Выпуск 4

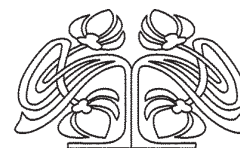
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2018 Том 18
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Барлыбаев Х. А.** Козволюция глобальных процессов, устойчивого развития и солидарных отношений 366
- Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А.** Проблема сложности мироздания в полемическом диалоге между наукой и теологией 371
- Иванов А. В.** Цифровая религия 377
- Кутырева И. В.** Экспертные сообщества в структуре властных отношений: к вопросу о возможности манипулирования общественным сознанием 382
- Лузина И. И., Елисеев Ю. Ю.** Экологическая этика и региональные экологические проблемы: междисциплинарный аспект 387
- Мартынович С. Ф., Орлов М. О.** Проблематизация вопроса рациональности в научных исследованиях Карла Маркса: историко-философские основания философии науки 393
- Мацына А. И.** Культура преодоления в религиозно-эзотерической танатологии 399
- Михель И. В.** Освобождение земли, воды и семян: философия Ванданы Шивы 404
- Стеклова И. В.** Идея проблемности и эйдетическое познание 410
- Устьянцев В. Б.** Социальная память в жизненном пространстве социума 414

Психология

- Аксеновская Л. Н.** Ордерная диагностика организационной культуры: уровень управленческой команды 419
- Арендачук И. В.** Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления 425
- Бочарова Е. Е.** Социальный капитал как психологический феномен 433
- Романова Н. М.** Представления студентов о рисках вовлечения личности в криминальную деятельность: фокус-групповое исследование 439
- Хрисанфова Л. А.** Особенности опознавания женщинами эмоциональных фотозаталон в микроинтервалах времени в связи с ведущими тенденциями личности 445
- Шкурко Т. А., Лабунская В. А.** Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант 450
- Экедегва Р. О.** Субъективные суждения молодых наркоманов о социально-психологических причинах вовлечения в наркопотребление (на материале исследования нигерийской молодежи) 457
- Ясин М. И.** Внутренняя религиозная мотивация у православных христиан 463

Педагогика

- Игошин В. И.** О качестве подготовки бакалавров и магистров педагогического образования по профилю «Математическое образование» 468
- Листвина Е. В.** Образовательная среда: социокультурный аспект 474
- Гусейнов А. З.** Теоретические проблемы современного педагогического творчества 478

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 09.00.00 – философские науки; 19.00.00 – психологические науки; 13.00.00 – педагогические науки)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 30.11.2018
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 161-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Barlybaev Kh. A.** Coevolution of Global Processes, Sustainable Development and Solidary Relations 366
- Duplinskaya Yu. M., Friauf V. A.** Problem of Complexity of the Universe in Polemic Dialogue between Science and Theology 371
- Ivanov A. V.** Digital Religion 377
- Kutyreva I. V.** Expert Communities in the Structure of Power Relations: on the Possibility of Manipulating Public Consciousness 382
- Luzina I. I., Eliseev Yu. Yu.** Environmental Ethics and Regional Environmental Problems: the Interdisciplinary Aspect 387
- Martynovich S. F., Orlov M. O.** Problematicization of a Question of Rationality in Scientific Research of Karl Marx: Historical and Philosophical Bases of Philosophy of Science 393
- Matsyna A. I.** The Culture of Overcoming in Religious Esoteric Thanatology 399
- Mikhel I. V.** Sovereignty of Land, Water and Seeds: a Philosophy of Vandana Shiva 404
- Steklova I. V.** The Idea of Problematic and Eidetic Cognition 410
- Ustyantsev V. B.** Social Memory in the Life Space of Sotium 414

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Order Diagnostics of Organizational Culture: Level of Managerial Team 419
- Arendachuk I. V.** Value-based Meaningful Characteristics of Social Activity of Youth, Depending on the Forms of its Manifestation 425
- Bocharova E. E.** Social Capital as a Psychological Phenomenon 433
- Romanova N. M.** Notions of Students about Risks of Involvement of the Person in Criminal Activity: Focus-Group Research 439
- Khrisanfova L. A.** Recognizing Ekman's JACFEE Set of Stimuli by Female Subjects in Varied Time Intervals in Correlation with the Driving Forces in Their Personality 445
- Shkurko T. A., Labunskaya V. A.** Why Do We Look Younger or Older than We Are: the Search for Psychological Determinants 450
- Ekedegwa R. O.** Subjective Judgments of the Young Addicts and the Social and Psychological Reasons of Their Involvement in Drug Abuse (on Material of the Research of Nigerian Youth) 457
- Yasin M. I.** Orthodox Christian's Intrinsic Religious Motivation 463

Pedagogy

- Igoshin V. I.** On Quality of Training Bachelors and Post-graduate Students of Pedagogical Education (Mathematical Education) 468
- Listvina E. V.** Educational Environment: Socio-Cultural Aspect 474
- Guseynov A. Z.** Theoretical Problems of Modern Pedagogical Creativity 478

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гасилин Владимир Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Тельтевская Нателла Ваханговна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

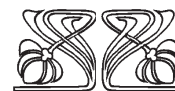
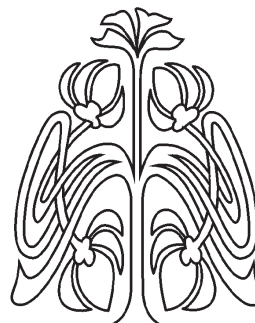
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

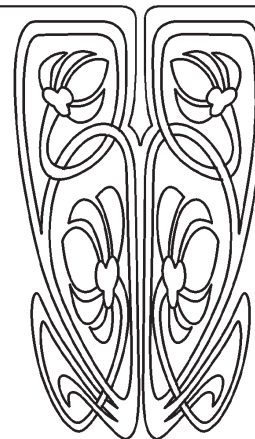
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Vera V. Afanasyeva (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Vladimir N. Gasilin (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Natella V. Teltevsckaya (Saratov, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.5

КОЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СОЛИДАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Х. А. Барлыбаев

Барлыбаев Халиль Абубакирович, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, hbarlybaev@rambler.ru

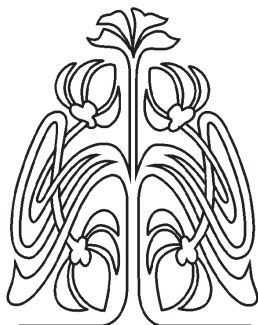
Анализируется синергетическое, коэволюционное взаимодействие глобализационных процессов, перехода к устойчивому развитию и формирования солидарных отношений. Раскрывается содержание каждого из этих понятий, предлагается их авторское определение, выявляются связующие их предпосылки, закономерности, факторы, элементы и механизмы. Под термином «солидарология» подразумевается новый подход в раскрытии содержания и определении малоизученных в обществоведении солидарных отношений, обозначенных как состояние взаимного интеллектуального и духовного согласия, а также процесс согласованной жизнедеятельности людей, когда индивидуальная идентичность субъектов конвергируется с интересами и сознанием их сообществ, превращается в единый интерес, в стремление каждого и всех к общей цели, благу и гармонии. Высшим типом и ступенью солидарных отношений считается всемирная солидарность, формирующаяся в процессе глобальных трансформаций в общественных отношениях для становления на земном шаре единой общности всех его обитателей, включая человечество, животный и растительный мир, всю окружающую среду. Показано преимущественное значение перехода от конфликтно-революционного к солидарно-эволюционному характеру развития современной цивилизации.

Ключевые слова: коэволюция, солидарные отношения, глобализация, глобальные процессы, устойчивое развитие, солидарное общество.

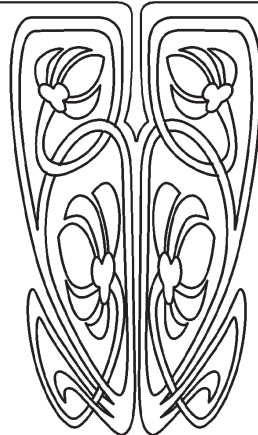
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-366-370>

Переход к устойчивому развитию и глобализационные процессы немислимы без формирования и развития солидарных отношений, требующих особых способов, механизмов и инструментов своего осуществления. Содержание концепции устойчивого развития, деструктивный характер современной глобализации и закономерности происхождения и разрешения *конфликтных* отношений в литературе рассмотрены развернуто и основательно. Синергетические, коэволюционные взаимосвязи *солидарных* отношений с указанными проблемами ждут своего исследования.

Жизнедеятельность людей носит организованный характер под влиянием *внешних и внутренних* факторов. Внутренние факторы составляют заложенные в сознание человека здравый смысл (интеллект, разум) и нравственность (мораль, духовность), а также психические и подсознательные мотивы личности, которые нацеливают людей на идеальные цели и практические действия. Ряд типов солидарных отношений, в частности, кровно-родственные, религиозные, этнические исходят именно из внутренних побудительных сил личности, имеющих во многом сакральный, пассионарный характер. Для перехода к солидарным отношениям и устойчивому развитию требуются кардинальные изменения во внутренних побудительных силах землян,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

их моральном облике, нравственных воззрениях и интеллекте, ибо они играют решающую роль в таком переходе. Прогрессивные изменения в этих сферах будут происходить по мере *осознания* людьми возрастающих глобальных угроз существованию цивилизации, на основе просветительской, воспитательной, организаторской и управленческой работы соответствующих общественных структур в области внешних побудительных сил поведения людей.

Внешние побудительные силы, требующие и призывающие людей к солидарным отношениям, в основном исходят из материальных интересов, из окружающей природной среды (экологии) и социальных факторов, к которым относятся экономика, политика, государство, право (законодательство) и этические нормы. При этом экология выступает как важнейшая детерминанта солидарных отношений; экономика – основа их осуществления; политика, государство, право (законодательство) – ведущие инструменты их осуществления; этические нормы – критерии, обеспечивающие и характеризующие состоятельность солидарных отношений. Механизм осуществления солидарных отношений раскрывается при анализе каждой из этих категорий. С моральной точки зрения субъектами солидарных отношений могут быть и положительные, и отрицательные персонажи, но в философии, науке и реальной жизни множество моральных категорий, таких как дружба, любовь, толерантность, солидарность и т. п., обладая противоречивым содержанием, априори рассматриваются только в позитивном контексте.

В многомерной системе общественных отношений двумя ее целостными подсистемами являются только конфликты и солидарные отношения. Поскольку конфликты неплохо исследуются недавно сформировавшейся наукой *конфликтологией*, здесь речь идет о пока малоизученных солидарных отношениях. Возникающая при этом дисциплина может обозначаться термином *солидарология*, которая, возможно, станет взаимодополняющей к конфликтологии теоретической системой.

Солидарное отношение представляет собой состояние взаимного интеллектуального и духовного согласия, а также процесс согласованной жизнедеятельности двух и более субъектов, когда индивидуальная идентичность, личные интенции и сознание субъектов полностью «сливаются», конвергируются с интересами и сознанием их сообществ и превращаются в единый, всеобщий интерес, в стремление каждого и всех к общей цели, благу и гармонии [1, с. 26]. Такие отношения, в зависимости от социально-экономической

сущности исторической эпохи, могут иметь как возмездный, так и безвозмездный характер: до нынешнего этапа развития социума они преимущественно имели возмездное содержание, а современные тенденции показывают, что в обозримой перспективе они могут приобрести безвозмездный, альтруистический характер. Осваивая земную жизнь, человек постепенно втягивается во всеобщую сеть возмездных и безвозмездных солидарных связей со множеством представителей общества: становится потребителем всех благ, солидарно созданных и оставленных ему многочисленными предыдущими поколениями; подключается к потреблению и использованию разнообразных материальных ценностей, поставляемых ему из разных источников по законам и принципам общественного разделения труда; осваивает интеллектуальные и духовные ценности по законам и принципам воспитания и передачи знаний из поколения в поколение, через деятельность образовательных систем, сферы культуры и искусства; в течение жизни находится в мириаде непрерывных связей и общения со множеством людей, проявляющихся, например, по меньшей мере в том, что он постоянно носит одежду, изготовленную кем-то другим, или с пробуждением включает электричество и воду, доставляемые ему, главным образом, на возмездно-солидарной основе совершенно незнакомыми людьми. Всему этому способствует то, что человек, в отличие от остальных живых существ, при общении пользуется сознанием, речью и другими способами взаимной передачи информации.

Классификацию солидарных отношений можно осуществлять:

по источникам и предпосылкам – естественным (первобытное стадо), естественно-природным (сексуальные и иные связи и отношения), естественно-социальным (племя, род, община, семья), социальным (протогосударственные образования, государство), социально-духовным (народность, народ, нация, религия), духовным (любовь, дружба, сострадание), социально-политическим (партии, политические движения, коалиции, блоки и т. п.);

по субъектам – межличностным, межгрупповым, между сообществами, межгосударственным, международным; профессионально-трудовым (профсоюзы, трудовые коллективы, сослуживцы, соратники); творческим (творческие союзы, любительские организации, объединения по интересам и т.п.); учебным (одноклассники, однокурсники, выпускники различных учебных заведений); территориально-пространственным (соседи, односельчане, земляки, спутники); досуговым (празднества, совместный отдых, приемы

гостей, совместные занятия художественной самодельностью, спортом, физкультурой и пр.);
по времени – краткосрочные, продолжительные, пожизненные;

по степени прочности – слабые, крепкие, сверхпрочные;

по сферам деятельности можно выделить солидарную политику, солидарную экономику, солидарное право, солидарную экологию, солидарное управление, солидарную этику и т. п.

В каждой из названных сфер солидарные отношения осуществляются в тесной связи с переходом к устойчивому развитию, иными словами, в них солидарность ведет к устойчивости, а меры по переходу к устойчивому развитию способствуют становлению и развитию солидарных отношений. Среди этих сфер особое место занимает *солидарная экология*, включающая систему отношений, при которой люди как с природой, так и между собой живут солидарно, во взаимном согласии, сотрудничестве и взаимопомощи во имя общего блага, обеспечивая безопасность и системную целостность: а) земной природы в соответствии с биосферными законами; б) человеческого общества на основе принципов гуманизма и природо-сберегающей жизнедеятельности.

Концепция устойчивого развития как официальная, масштабная, жизнеутверждающая и реальная концепция возможного солидарного развития человечества – это переходная ступень учения о ноосфере, общественно-политическая, социально-экономическая *доктрина* и также выражающая ее философско-мировоззренческая *категория*, и разрабатывающая ее принципы *научная система*, которые определяют *необходимость* переустройства всех сфер жизнедеятельности общества (человечества) с целью обеспечения повсеместного и непрерывного безущербного и гармоничного *взаимодействия* людей между собой и с природной средой [1, с. 211]. По содержанию это: симбиоз всемирного и локального развития; гармоничное и неразрывное единство экономического, экологического и социального развития; полное экологобезопасное социоприродное развитие; формирование безотходной, энерго- и материалосберегающей, экологически безвредной, социально эффективной экономической системы; стремление к справедливому распределению социальных благ, удовлетворению базовых социальных потребностей в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении; нравственное «перерождение» людей; появление поколений, руководствующихся вновь созданной системой гуманистических ценностей; сохранение Земли пригодной для будущих поколений; обеспечение безопасности благодаря устойчивому развитию; обеспечение

сохранности языка, культуры, традиций и верований всех народов. Такое содержание данной концепции никак не может быть реализовано без глобальных солидарных отношений между людьми, народами и государствами.

Синергетическая связь солидарных отношений и концепции устойчивого развития заключается в том, что первые выполняют целевую функцию, а вторая обеспечивает средства и способы достижения этих целей. Иными словами, они представляют собой «две стороны одной медали». Солидарные отношения характеризуют *ценностную*, критериальную основу, смысл и содержание общественной деятельности людей, а концепция устойчивого развития – средства, механизмы и способы осуществления этой самой деятельности. В этом смысле оба этих феномена стремятся к обеспечению гармонии и содержательности общественной жизни.

Сегодня общественная жизнь и деятельность людей происходят в условиях расширяющихся глобализационных процессов, что предопределяет специфическую *направленность* солидарных отношений и переход к устойчивому развитию, когда они должны осуществляться не только на локальном и местном уровнях, а достигнуть всемирных масштабов. *Глобализация* – это противоречивый, многомерный, закономерный, объективно-субъективный процесс становления глобальной солидарной общности людей в масштабе всего человечества в единстве с природной сферой планеты Земля, замещения локальных, изолированных форм и норм жизнедеятельности людей общемировыми, формирования единообразия, взаимодействия и взаимообусловленности различных сторон жизни отдельных континентов, стран, народов и людей в рамках единого мира, распространения принципов свободы личности, а также открытости и устранения барьеров на пути к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, этических, эстетических и иных солидарных форм общения между людьми [2, с. 24]. Такое «усредненное» понимание глобализации отражает ее сущностное содержание, которое реально может проявляться в самых разнообразных – гуманных, античеловечных, уродливых – формах, подобно тому, как понятие «человек» отражает единую сущность одного биологического вида, имеющего как гениальные, так и самые дикие типы.

Глобализация в целом выступает как многоуровневый и разнонаправленный процесс, начинающийся с зарождения человечества и проявляющийся как тенденция, создающая предпосылки формирования в исторической перспективе единого солидарного общечеловеческого мира. В этом отношении глобализация идет параллельно с социогенезом – зарождением, становлением

и развитием социальной структуры общества, с первобытной жизни по сегодняшний день. При таком рассмотрении глобализация проявляется как нарастание социальных и иных связей между людьми, как процесс поступательного движения от неглобализированного мира к состоянию глобальной солидарной жизни человечества.

Современные глобализационные процессы на жизнь отдельного человека и человечества в целом оказывают как позитивное, так и отрицательное влияние в разных направлениях и в различной степени. К сожалению, сегодня такое влияние преимущественно деструктивное, поскольку происходит в условиях конфликтных денежно-капиталистических отношений. Для придания глобализации конструктивного содержания необходимо, чтобы указанные отношения были заменены социально справедливыми, солидарными. Только при реализации данного условия можно говорить о достижении *истинно* солидарных отношений и обеспечении перехода мирового сообщества к *действительному* устойчивому развитию. Иными словами, гуманизация современных глобализационных процессов невозможна без действительного перехода мирового сообщества на путь реального устойчивого развития и конструктивных солидарных отношений.

Различные формы солидарных отношений имеют коллективный, ограниченный, осуществляемый в рамках отдельных человеческих сообществ характер. Эти отношения сопровождаются острыми противоречиями и конфликтами между сообществами и внутри них, поэтому их можно рассматривать как квазисолидарные, недостаточно зрелые, низшие формы солидарных отношений. Такой вывод предполагает логическое заключение: должна быть их наиболее зрелая, высшая форма, представляющая собой конечную цель, высшую ступень, венец солидарных отношений. Такой формой может быть та, которая превратит в единый коллектив всех особей данного человеческого биологического вида. Этимологически подобный коллективизм может быть определен как общечеловеческая, глобальная или всемирная солидарность. «В XXI веке наша глобализация уже не глобальное “установление контактов”, – утверждала бывший генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова, – а глобальное “обобществление”. Сейчас люди все больше осознают себя частью всемирного сообщества. Это сообщество стало теснее, пространство и время сконцентрировались, народы, самобытные традиции и культуры смешиваются все больше. Все страны являются субъектами одного и того же процесса глобализации <...> Мы должны придать новый стимул солидарности и восстановить всемирное сообщество» [3, с. 15–16].

Развитие различных типов солидарных отношений имеет специфическую закономерность: они тесно взаимосвязаны и коэволюционируют друг с другом, более того – один тип формируется из другого, из низшего типа исторически вырастает более высокий, зрелый тип. Сегодня реально существующей, системно состоявшейся, наивысшей, наиболее концентрированной, действенной и эффективной формой солидарных отношений может считаться национальное государство.

Очевидно, что эволюция солидарных отношений не может остановиться на этой ступени. Как в течение сотен и тысяч лет по «ступенькам» разного уровня солидарные отношения дошли до сегодняшнего государственного состояния, точно так же последнее должно стать очередной ступенью следующих, более высоких и зрелых форм солидарных отношений, для реализации функций которых рамки государства оказываются тесны. Такая ступень формируется в процессе глобальных трансформаций во всемирных общественных отношениях при становлении на земном шаре единой общности *всех* его *живых* обитателей, включая человечество, братьев его меньших и всю окружающую среду. «Сейчас, в ситуации глобальной взаимозависимости и взаимоуязвимости, – пишут М. Лайтман и В. Хачатурян, – альтруизм “для своих” недостаточен и в ряде случаев, число которых неуклонно возрастает, вреден. Системой, на которую должен работать альтруизм, является уже не только семья, социальная группа, государство-нация, а человечество в целом, весь Социум, а потому альтруизм “для своих” каким-то образом необходимо сочетать с альтруизмом “для всех”, причем так, чтобы не создать между ними противоречий. Это крайне сложная задача, и не случайно в наши дни диссонанс между глобальным и локальным ощущается особенно остро и трагично» [4, с. 73]. Данный процесс около тридцати лет назад получил название «глобализация», которая выступает как однопорядковое и взаимосвязанное с социализацией и солидарными отношениями между людьми явление.

Сегодняшнее устройство мира, состоящее из разнообразных государств, аналогично когда-то имевшему месту состоянию греческих городов-государств, германских земель, итальянских областей, русских княжеств или американских штатов до их объединения, которые в последующем воссоединились в современные целостные государства. Аналогичные процессы происходили на всем земном шаре.

Не вызывает сомнения, что, подобно этому, в обозримом по историческим меркам будущем ныне обособленно существующие государства на земном шаре воссоединятся в рамках единого

всемирного сообщества граждан Земли, институциональная форма и время появления которого пока непредсказуемы, но оно будет. Иного не дано. Эта закономерность может не реализоваться только в случае исчезновения человечества по тем или иным причинам с лица Земли. Весь вопрос только в этом, ибо весьма вероятен вариант, когда указанная закономерность не будет реализована из-за какой-либо космической катастрофы или, скорее всего, самоуничтожения человечества в случае продолжения его сегодняшнего, далеко не разумного образа жизни на социопланете Земля.

При анализе перехода к солидарным отношениям и устойчивому развитию чрезвычайно важное значение имеет определение и реализация соответствующего характера перехода: *конфликтно-революционного или солидарно-эволюционного*. В отличие от прежних форм смены одних социальных систем на другие, имевших в основном революционно-разрушительный характер, переход к солидарной системе, ввиду его осуществления на принципах консенсуса, согласия, толерантности, сотрудничества, единения,

взаимопомощи и консолидации, не может быть иным, как путем использования постепенных эволюционных способов перехода с беспрекословным соблюдением в обществе всех указанных принципов солидарных отношений. Интеллектуальным лидерам человечества предстоит окончательно отказаться от когда-то популярного лозунга о «*мировой революции*» и осваивать новый императив: необходимость осуществления на планете *глобальной социальной эволюции* в направлении формирования социально справедливого, солидарного мирового сообщества.

Список литературы

1. Барлыбаев Х. А. Солидарология. Философия солидарности. Уфа, 2016. 360 с.
2. Барлыбаев Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М., 2003. 336 с.
3. Бокова И. Новый гуманизм в XXI веке // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М., 2014. С. 12–17.
4. Лайтман М., Хачатурян В. Перспективы XXI века: рождение интегрального мира. М., 2013. 304 с.

Образец для цитирования:

Барлыбаев Х. А. Коэволюция глобальных процессов, устойчивого развития и солидарных отношений // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 366–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-366-370>

Coevolution of Global Processes, Sustainable Development and Solidary Relations

K. A. Barlybaev

Khalil A. Barlybaev, Institute of Philosophy, RAS, 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia, hbarlybaev@rambler.ru

The synergetic, co-evolutionary interaction of globalization processes, the transition to sustainable development and the formation of solidary relations is analyzed. The content of each of these concepts is revealed, their author's definition is proposed, their prerequisites, regularities, factors, elements and mechanisms are revealed. Under the term solidarology a new approach is presented in the disclosure of the content and definition of little-studied in social science solidary relations, designated as a state of mutual intellectual and spiritual consent, as well as the process of coordinated life of people, when the individual identity of the subjects converges with the interests and consciousness of their communities, turns into a common interest, in the desire of each and all to a common goal, good and harmony. The highest type and level of solidary relations is considered to be the world solidarity, which is formed in the process of global transformations in social relations that are aimed at establishing globally a single community of all the inhabitants, including humanity, flora

and fauna, the entire environment. The primary importance of transition from conflict-revolutionary to solidary-evolutionary character of development of modern civilization is shown.

Key words: co-evolution, solidary relations, globalization, global processes, sustainable development, solidary society.

References

1. Barlybaev H. A. *Solidarologiya. Filosofiya solidarnosti* [Solidarology. Philosophy of solidarity]. Ufa, 2016. 360 p. (in Russian).
2. Barlybaev H. A. *Obshchaya teoriya globalizatsii i ustoychivogo razvitiya* [General theory of globalization and sustainable development]. Moscow, 2003. 336 p. (in Russian).
3. Bokova I. *Novyy gumanizm v XXI veke* [New humanism in the XXI century]. In: *Mesto i rol gumanizma v budushchey tsivilizatsii* [Place and role of humanism in the future civilization]. Moscow, 2014, pp. 12–17 (in Russian).
4. Laytman M., Hachaturyan V. *Perspektivy XXI veka: rozhdenie integralnogo mira* [Prospects of the XXI century: the birth of an integrated world]. Moscow, 2013. 304 p. (in Russian).

Cite this article as:

Barlybaev K. A. Coevolution of Global Processes, Sustainable Development and Solidary Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 366–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-366-370>

УДК 111+1(091)

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОСТИ МИРОЗДАНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ МЕЖДУ НАУКОЙ И ТЕОЛОГИЕЙ

Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, доцент кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., duplinskayay@mail.ru

Фриауф Василий Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, friauf50@mail.ru

Анализируется проблема невероятной сложности мироздания, которая констатируется на всех его этажах – от космологии до биологии. Она является предметом полемического диалога науки и теологии, сторонников креационизма и сторонников эволюционизма. Доводы сторонников «замысла Божьего» апеллируют к тому, что столь сложная сбалансированность мироздания не могла возникнуть без предварительного разумного плана. Исследование данной проблемы выявляет следующий парадокс: столь сложная сбалансированность не могла быть результатом слепого случая. Но столь сложная сбалансированность не могла быть и результатом замысла Божьего. Ни Бог, ни природа для создания мира не прибегают к расчетам на основе высшей математики. Аргументируется версия, что сложность научной картины мира обусловлена не собственной природой исследуемой реальности, а некоей *абerrацией восприятия*. Эту абerrацию можно назвать *ретроспективным видением*. Научное познание, по сути своей, есть *ретроспективная реконструкция реальности*, где умственный взор всегда устремлен в направлении, *противоположном* действительному становлению. Эта версия впервые сформулирована в философии А. Бергсона. На материале физики и биологии доказывается, что эта версия применима к проблемам современной науки.

Ключевые слова: креационизм, эволюционизм, концепция эволюции Бергсона, ретроспективная реконструкция реальности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-371-376>

Вызовом для мысли является невероятная сложность мироздания, которая констатируется на всех его этажах – от космологии до биологии. Вопрос, мог ли столь сложный мир быть результатом «слепого» формотворчества природы, является предметом полемического диалога науки и теологии, сторонников креационизма и сторонников эволюционизма. Доводы сторонников «замысла Божьего» апеллируют к тому, что столь сложная сбалансированность мироздания не могла возникнуть без предварительного разумного плана.

Примером может быть так называемый «*антропный принцип*» в современной космологии.

В последней есть определение, которое в чем-то перекликается с таким понятием древневосточных учений, как «проявленная реальность» (в отличие от «непроявленной реальности»). Это определение – «*интересный мир*», т. е. бывают «*миры*» и бывают «*интересные миры*». К «интересным» относятся те, в которых есть разнообразие и устойчивые структуры, в отличие от просто «*миров*», где царит хаос из частиц или существует только излучение, без вещества. В нашей Вселенной есть такие структуры, как планетные системы, атомы, молекулы, органические молекулы, живые организмы и, наконец, разумные живые организмы. Можно сказать, что наш мир, несомненно, принадлежит к разряду «интересных». Даже самое скучное заседание, с точки зрения космологии, это «интересный мир», ведь все тела здесь являют разнообразие устойчивых структур.

Космологи констатируют: для того, чтобы в процессе формирования Вселенной возник не просто «мир», а именно «интересный мир», в самые первые секунды после Большого Взрыва должна была установиться необыкновенно тонкая подгонка всех фундаментальных физических констант. Смещение баланса буквально «на волосок» сделало бы невозможным формирование каких бы то ни было устойчивых структур, даже атомов, не говоря уж о молекулах и тем более об органических молекулах. Дело в том, что просвет реальности, в котором может существовать «интересный мир», с математической точки зрения чрезвычайно узок. В нестационарной Вселенной реальность существует в просвете между двумя возможными космологическими катастрофами: 1) катастрофой коллапса, 2) катастрофой быстрого рассеивания. Для того, чтобы существовал «интересный мир», нужна очень тонкая сбалансированность между скоростью расширения Вселенной и силой гравитации. Как утверждает П. Дэвис, «если бы в момент времени, соответствующий 1 с., когда картина расширения уже четко определилась, скорость расширения отличалась бы от своего реального значения более, чем на $\pm 10^{-18}$, этого оказалось бы достаточно для полного нарушения тонкого баланса» [1, с. 202], что привело бы либо к катастрофе коллапса, либо к катастрофе рассеива-

ния. Столь же удивительна сбалансированность между гравитационной константой и совокупной массой вещества во Вселенной: силы гравитации во Вселенной не настолько велики, чтобы вызвать гравитационный коллапс, но и не настолько малы, чтобы допустить рассеивание вещества до того, как произойдет формирование звезд и планетных систем.

В свое время Г. В. Лейбниц пытался обосновать утверждение, обретшее статус афоризма: «Наш мир – лучший из возможных миров». Ведь Бог не стал бы создавать мира, который не был лучшим из возможных. Эту идею Лейбница блестяще высмеивает Ф. М. Вольтер в своей знаменитой повести «Кандид, или Оптимизм». В самом деле, похож ли наш мир на «лучший из возможных миров»? Казалось бы, вопрос чисто риторический. Тем не менее, как ни смешно, с точки зрения космологии это именно так! Можно предложить всем, кто сетует на инфляцию, утешаться мыслью о значении гравитационной константы G ($G \approx 6,673 \cdot 10^{-11} \text{ м}^3 \cdot \text{кг}^{-1} \cdot \text{с}^{-2}$) или массы протона ($m_p \approx 1,672 \cdot 10^{-27} \text{ кг}$), которые остаются постоянными и притом лучшими из всех возможных.

Факт столь тонкой сбалансированности всех физических констант расценивается космологией в качестве одной из «очевидных космологических загадок» [1, с. 203]. Упомянутая сбалансированность требовала столь точной подгонки этих констант друг к другу, что космология не может избежать вопроса: могла ли такая подгонка быть просто результатом счастливой случайности? Эта проблема получила название *антропного принципа*.

Существуют «*сильная*» и «*слабая*» версии антропного принципа. Вторая утверждает, что помимо нашей Вселенной есть еще множество других, ей параллельных, с другим набором констант и иной размерностью пространства-времени. Но подавляющее большинство из них не принадлежат к категории «интересных миров», а потому существуют, так сказать, «без свидетелей», и там некому задавать подобные вопросы. В «*сильной*» же версии допускается, что нечто, а может быть, Некто из всего множества возможных миров производит отбор, выбирая мир, в котором в ходе эволюции могли бы появиться разумные существа. Фантастичность «*слабой*» версии выявляется, как только мы расшифруем неопределенное понятие «множество» альтернативных вселенных и спросим: сколько именно? Современная М-теория, претендующая на роль «Великого объединения» современной физики, допускает 10^{500} (!!!) возможных миров. По словам С. Хокинга, «чтобы ощутить, насколько это

много, представьте, что если бы кто-то задался целью проанализировать законы, предсказанные для этих вселенных, затрачивая всего одну миллисекунду на каждую из них, и приступил бы к работе в момент Большого Взрыва, то к настоящему времени он изучил бы лишь 10^{20} из них» [2, с. 134–135]. И так, если допустить «простое» совпадение случайностей, то нам выпал счастливый шанс, вероятность которого равна $1 : 10^{500}$ степени.

Доводы сторонников «замысла Божьего» заключаются в том, что столь малая вероятность исключает апелляцию к «слепому» случаю; такая сложная сбалансированность не могла возникнуть без предварительного разумного плана. Добавим, что проблема подобных «исключительно маловероятных» совпадений возникает не только в связи с темой космологической эволюции. Еще больше аналогичных вопросов порождает картина биологической эволюции. Американский биолог Бен Хобринк приводит такое сравнение: «...вероятность того, что клетка возникает самопроизвольно, по меньшей мере, равна вероятности того, что какая-нибудь обезьяна 400 раз напечатает полный текст Библии без единой ошибки» [3, с. 382], что приблизительно равно $1 : 10^{200}$. Даже если мы допустим, что однажды произошло такое, исключительно маловероятное стечение случайностей ($1 : 10^{200}$), то и это не объяснит последующего развития жизни, так как на каждой новой ступени эволюции возникает аналогичная проблема – исключительно малой вероятности «случайного» появления любого нового признака. Можно привести примеры чрезвычайной сложности устройства даже «простейших» форм жизни. М. Бихи пишет о бактериальном жгутике, устроенном по принципу «маленького подвесного мотора», для его работы необходимо около 30 различных белков. Из них построены миниатюрные аналоги анкера, ведущего вала и гибкого соединения, посредством которых приводится в движение нить – пропеллер. В целом бактериальный жгутик – чудо нанотехнологии. Если из-за генной мутации хоть один из 30 белков окажется неактивным, весь механизм не будет действовать. Так можно ли допустить «случайное» совпадение удачных мутаций для каждого из 30 белков одновременно [4, с. 144]? Что же после этого можно сказать о вероятности удачных мутаций для такого сложного органа, как глаз млекопитающего?

На всех этажах научной картины мира – от биологии до космологии – можно было бы повторять наподобие рефрена: абсурдно полагать, что столь тонкая сбалансированность может возникнуть «сама собой», в результате случайности. На

этом и основывается теория «разумного замысла», доказывающая необходимость допущения вмешательства Творца на каждом этапе эволюционного процесса. Если столь сложный мир не мог быть результатом слепого формотворчества природы, стало быть, не остается ничего другого, как увидеть за всем этим конструктивную деятельность Творца – создателя Вселенной? Кажется бы, этот вывод напрашивается.

Но мы свернем с этой наезженной колеи, но не на другую – контраргументов сторонников эволюционизма. Мы аргументируем версию, которая не совпадает ни с позицией «креационизм против эволюционизма», ни с позицией «эволюционизм против креационизма», ни с известными на сей день попытками синтеза – такими как «теистический эволюционизм» (“theistic evolution”) [4].

Не вдаваясь в конкретные аспекты аргументации (версии антропного принципа, возникновения генома или полемику вокруг бактериального жгутика), поставим вопрос в максимально обобщенной форме. Может ли чрезвычайная сложность и тонкая сбалансированность всех параметров мироздания быть как таковая аргументом в пользу замысла Божьего? Дело в том, что ссылка на «замысел Божий» для объяснения шокирующей сложности мироздания содержит в себе очевидную нелепость. Можно верить в Бога, но трудно поверить в Бога-математика, создающего мир на основе уравнений высшей алгебры! Если допущение случайной подгонки физических констант кажется абсурдом, то почти столь же абсурдным представляется предположение, что подгонкой этих констант (до «дцатого» знака после запятой) занимался Бог. Расчеты, вычисления, сбалансированность фундаментальных констант – все это, по известному афоризму Ф. Ницше, «человеческое, слишком человеческое». Подчеркнем: мы ни в коей мере не отрицаем веру в Бога как таковую и не проповедуем атеизм! Нет, мы утверждаем другое: если верить в Бога, то в Такого, Который сказал «Да будет», и стало. Но наша интуиция сакрального вопиет против представления Бога в роли «математика» и «физика», проектирующего исходные параметры эволюции Вселенной, так же, как и в роли «химика», проектирующего коды молекул ДНК, и в роли «инженера», конструирующего такое чудо нанотехнологии, как бактериальный жгутик, и в роли «программиста», и т. д.

Констатируем парадокс: столь сложная сбалансированность не могла быть результатом слепого случая; столь сложная сбалансированность не могла быть и результатом замысла Божьего. Ни Бог, ни природа для создания мира не прибе-

гают к расчетам на основе высшей математики. Если у истоков мироздания стояла деятельность Творца, то Он создавал мир *просто* и у Него был другой, *короткий путь*. Если у истоков мироздания стояло стихийное формотворчество природы, то и здесь, очевидно, был другой, *короткий путь*. А может быть, в этих предложениях нам следует обратить внимание только на заключительную часть фразы – существует *короткий путь*? На проблему можно посмотреть иначе: следует подвергнуть анализу то нагромождение сложностей, которое имеет место в теоретическом аппарате современной науки и само по себе вызывает ощущение чего-то противосмысленного.

А. Бергсон в свое время высказал очень глубокую мысль, которая помогла бы нам объяснить чрезвычайно сложную сбалансированность мироздания, не помяная имени Божьего всуе. Сложность научной картины мира, по Бергсону, обусловлена не собственной природой исследуемой реальности, а некоей *абберацией восприятия*. Эту абберацию, которой по самой своей природе «заражен» наш интеллект, можно назвать *ретроспективным видением реальности*. Научное познание, по сути своей, есть *ретроспективная реконструкция реальности*, где умственный взор всегда устремлен в направлении, *противоположном* действительному становлению. Это сравнивается Бергсоном с устройством зрения существа, вынужденного, «двигаясь вперед, смотреть назад» [5, с. 236]. «Прямой» поток становления идет «от центра к периферии» и совершается просто, как взмах руки. Интеллект же совершает ретроспективную реконструкцию этого становления от периферии к центру. Бергсон иллюстрирует это на примере совершения жеста. «Когда я поднимаю руку от А до Б, это движение предстает мне сразу в двух аспектах. Воспринятое изнутри, оно – простой неделимый акт. Замечаемое извне – это путь, пройденный некоей кривой АВ. В этой линии я могу различить сколько угодно положений, и сама линия может быть определена как известная координата этих положений. <...> Механицизм видит здесь только положения. Телеологизм учитывает и их порядок. Но и тот, и другой проходят мимо движения, которое и есть сама реальность» [5, с. 114]. Так и наука «требует от природы самого трудного из подвигов Геракла, желая, чтобы она возвысила до простого акта видения бесконечное число бесконечно сложных элементов, тогда как для природы создать глаз было не труднее, чем для меня – поднять руку» [5, с. 115].

Решимся утверждать, что чрезвычайная сложность теорий в фундаментальной науке об-

условлена не столько глубиной проникновения в сложность «самой» исследуемой реальности, сколько *ретроспективным видением* этой реальности. Этот вывод прекрасно иллюстрируется на примере теорий «Великого объединения» (ТВО) в современной физике. Стратегией «Великого объединения» является поиск дополнительных групп симметрий, которые позволили бы найти инвариантные преобразования между четырьмя фундаментальными видами взаимодействия, а затем между фермионами (частицами вещества) и бозонами (частицами – переносчиками взаимодействия). В контексте вышеприведенных рассуждений стоит задуматься: а может ли вообще симметрия познаваться как-то иначе, нежели путем *ретроспективной реконструкции*? Как заметил С. Беркович, «идеальная симметрия не является операционально определенным понятием. Очевидно, симметричный процесс может начаться только в том случае, если эта симметрия окажется нарушенной каким-то, пусть незначительным, несовершенством» [6, с.80]. Из этого следует, что по самой сути своей поиски «суперсимметрии» не могут быть ничем иным, как *ретроспективной реконструкцией* реальности. Умственный взор здесь сфокусирован *вспять* по отношению к действительному развитию событий: от конечного пункта, где идеальная симметрия распалась, к достраиванию начального пункта, где она, предположительно, имела место. Поиски симметрий и суперсимметрий – это эволюция Вселенной, видимая в *ретроспективе*.

Ретроспективным видением и объясняется тот очевидный парадокс, что в теориях «Великого объединения» для описания минимально дифференцированного и, соответственно, максимально «простого» состояния физической реальности требуется максимально *сложный* теоретический аппарат. Этот парадокс явственно просматривается по контрасту с другой великой программой универсального синтеза, которая имела место в эпоху поздней античности: речь идет об учении неоплатоников. Восхождение к «Единому» в неоплатонизме, по сути, имело ту же направленность, что и стратегии «Великого объединения» в современной физике. Но у Плотина для такого восхождения требовалась «простота взгляда», соразмерная изначальной простоте «Единого», простоте, которая «превыше всякой единицы». А в современных ТВО постижение «Единого» состояния физической реальности, того, которое предшествовало дифференциации на четыре различных вида взаимодействия, требует, наоборот, максимально усложненного теоретического аппарата, который парадоксальным образом оказывается необходимым для постижения

максимально простого состояния реальности. И сложность эта обусловлена не большей глубиной научных теорий, по сравнению с религиозно-мистическими учениями, а той самой *ретроспективной фокусировкой* умственного взора, о которой шла речь.

Возможно, проблема *антропного принципа* в космологии имеет истоком ту же самую *ретроспективную аберрацию восприятия*. Это можно сравнить с тем, как если бы кто-то был поражен, насколько точно вписывается в свое русло река Волга, как она удачно проходит под всеми мостами и удобно подходит ко всем пристаням. Удастся ли приложить эту схему рассуждений к проблемам биоэволюции, где имеет место сходная дилемма: абсурдно объяснять столь сложную сбалансированность счастливой случайностью; абсурдно объяснять ее и замыслом Божьим? Нужно заметить, что идея ретроспективной аберрации восприятия, которая так хорошо иллюстрируется на примере современных ТВО, в свое время была высказана Бергсоном применительно не к физике, а именно к биологии. Но блестящая интуиция Бергсона, что «для природы создать глаз было не труднее, чем для меня – поднять руку», сегодня должна каким-то образом «разминуться» с генетикой. Эта наука только-только зарождалась в то время, когда А. Бергсон создавал свой главный труд «Творческая эволюция».

Приложить эту схему рассуждений к проблемам биологической эволюции позволяет нелинейная динамика, теоретический аппарат которой сегодня применяется к наукам о жизни. Живые организмы начинают пониматься в терминах *динамических паттернов*. В отличие от структуры, паттерн фиксирует не статичную, а *динамическую устойчивость*: паттерн – это периодически воспроизводящаяся конфигурация движения. В концепции паттернов можно увидеть своеобразное возрождение платоновского учения об идеях – первообразах всех вещей. Правда, в отличие от классической платоновской концепции, в XXI в. совершается «динамизация» эйдосов. Паттерн – это своеобразная «динамизированная» версия платоновского эйдоса. Но, как и эйдос Платона, паттерн являет некую неделимую целостность, которая не сводится к комбинаторике элементов. Важно подчеркнуть: в качестве матрицы живого организма паттерн представляет собой *нередуцируемую целостность* в отличие от дискретной комбинаторики генетической матрицы. Целостность паттерна поддерживается за счет петель *обратной связи*, которые обеспечивают саморегулирование и самоорганизацию системы.

Различие между паттерном и структурой артикулируется также в терминах дистинкции между *организацией* и *структурой*. Важно, что «данная организация может быть воплощена множеством разных способов на основе множества разных компонентов» [7, с. 115]. Таким образом, астрономическое число возможных перекombинаций нуклеотидов, которые предстают перед взором генетики (10^{200} !!!), сводятся к не столь уж большому числу вариаций на уровне паттернов. Эта версия получила развитие в так называемой *аттракторной модели эволюции*, предложенной С. Кауффманом [7, с. 222–225].

Это позволит объяснить «невероятно сложную сбалансированность» всех параметров биоэволюции все той же *ретроспективной фокусировкой* нашего умственного взора, о которой шла речь. Существует «прямой» поток становления. Он идет «от центра к периферии» – от динамического паттерна к структурам и элементам структур. Отправной точкой эволюции здесь являются не дискретные элементы структуры, а *паттерны*, каждый из которых, подобно эйдосу Платона, представляет собой нередуцируемую целостность. Дискретные компоненты структуры подчиняются логике паттерна, встраиваясь, наподобие «подручного материала», в его динамику. В этой фокусировке взора «невероятной сложности» нет. Однако в рамках такой науки, как молекулярная биология, умственный взор сфокусирован «от периферии к центру», т. е. в направлении, *противоположном* действительному процессу становления. Пред таким умственным взором живой организм предстает рассыпавшимся на множество дискретных элементов, которые и берутся в качестве отправного пункта познания. Динамическая же картина эволюции затем монтируется из этих элементов по принципу «ретроспективной реконструкции».

После всего сказанного в качестве гипотезы можно предложить более радикальный ход мысли. Уравнения нелинейной динамики, которыми описываются динамические паттерны, также могут рассматриваться в качестве *ретроспективной реконструкции*, где логика мысли обращена вспять по отношению к реальному вектору становления. Нужно заметить, что Бергсон аргументирует тезис, в соответствии с которым математический порядок по своей сути не может быть ничем иным, как ретро-спективной реконструкцией реальности [4, с. 214]). Тогда как гипотезу можно выделить два противоположных вектора фокусировки взора на динамическом паттерне. Один идет «от периферии к центру», описывая паттерны в сложных уравнениях нелинейной динамики;

второй – «от центра к периферии», совершаясь, как в примере у Бергсона, «просто, как взмах руки». Возможно, суть дела заключается в этом «не» состояний устойчивого *неравновесия*, которые постоянно воспроизводятся в динамике паттернов живых систем и описываются *нелинейными* уравнениями? Возможно, сложность математического описания обусловлена ретро-спективной реконструкцией, которая способна лишь в *негативных терминах* (неравновесие) артикулировать нечто такое, что «в самом себе» *сугубо позитивно*? Для того, чтобы постичь это «не» позитивным образом, требуется радикальная перефокусировка взора.

В русле вышеприведенного примера Бергсона с жестом сложности научного описания реальности можно было бы расценивать как аберрацию, возникающую в результате попыток *ретроспективной реконструкции* Жеста – взмаха Десницы Божьей, который сотворил мир, «просто» сказав «Да будет». Впрочем, это только метафора. Попытки Богопознания вряд ли могут обойтись без метафор, не входящих в формат нашего исследования. Поэтому ограничимся выводами, которые могли бы быть конструктивными не для теологии, а для философии науки. М. Мамардашвили в свое время высказал мысль о предельных точках бытия, таких как Бог, которые мы никогда не постигнем, но зато, устремляясь к этим точкам, мы начинаем яснее видеть все остальное. Так и мы далеки от претензий на радикальные выводы в полемическом диалоге науки и теологии. Но исследование этого вопроса помогло нам яснее увидеть некоторые проблемы научного познания. В теоретическом аппарате современной науки важно отличать сложность, которая является отражением «самой» исследуемой реальности, от той сложности, которая имеет своим источником *ретроспективную аберрацию восприятия*. Добавим к этому, что сложность современной науки – это лишь один из аспектов более глобальной проблемы: нарастающего усложнения всех сфер современной культуры. Насколько эта проблема актуальна как для современной культуры вообще, так и для современной науки в частности, распространяться излишне. К тому же заметим, что усложнение как в био- и социоэволюции, так и в развитии познания может свидетельствовать не только о прогрессе, но и о тупиковом характере развития.

Список литературы

1. Дэвис П. Суперсила. М., 1989. 272 с.
2. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. СПб., 2013. 208 с.

3. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М., 2010. 496 с.
4. Коллинз Ф. Доказательство Бога. Аргументы ученого. М., 2008. 216 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. 384 с.
6. Беркович С. Я. Клеточные автоматы как модель реальности. М., 1993. 112 с.
7. Капра Ф. Паутина жизни. М., 2002. 336 с.

Образец для цитирования:

Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. Проблема сложности мироздания в полемическом диалоге между наукой и теологией // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 371–376. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-371-376>

Problem of Complexity of the Universe in Polemic Dialogue between Science and Theology

Yu. M. Duplinskaya, V. A. Friauf

Yuliya M. Duplinskaya, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, duplinskayay@mail.ru

Vasily A. Friauf, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, friauf50@mail.ru

The problem of extraordinary complexity of the universe which is stated on all its floors – from cosmology to biology is analyzed. This problem is a subject of polemic dialogue between science and theology, between creationism and an evolutionism. The arguments of supporters of “the God’s plan” appeal to the fact that such a difficult balance of the universe couldn’t arise without a preliminary reasonable plan. Research of this problem reveals the following paradox. Such a complicated balance couldn’t be result of a blind case. But such a complicated balance couldn’t be the result of the God’s plan. Neither God, nor the nature resorts to calculations on the basis of the higher mathematics for creation of the world. The version is reasoned that complexity of a scientific picture of the world, is caused not by own nature of the studied reality, but by a certain *aberration of perception*. This aberration may be called the *retrospective vision*. The scientific knowledge, inherently, is *retrospective reconstruction of reality*. Here the intellectual look is always turned to the direc-

tion, *opposite* to the valid formation. This version was for the first time formulated in A. Bergson’s philosophy. On material of physics and biology it is proved that this version is applicable to problems of modern science.

Key words: creationism, evolutionism, concept of evolution of Bergson, retrospective reconstruction of reality.

References

1. Davies P. *Superforce*. New York, 1985. 255 p. (Russ. ed.: Davies P. *Supersila*. Moscow, 1989. 272 p.).
2. Hawking S., Mlodinov L. *The Grand Design*. New York, 2010. 288 p. (Russ. ed.: Hawking S., Mlodinov L. *Iyshiy zamysel*. St. Petersburg, 2013. 208 p.).
3. Osipov A. I. *Put razuma v poiskah istiny* [Way of reason in search of truth]. Moscow, 2010. 496 p. (in Russian).
4. Collins F. *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief*. New York, London, Toronto, Sydney, 2006. 273 p. (Russ. ed.: Collins F. *Dokazatelstvo Boga. Argumenty uchenogo*. Moscow, 2008. 216 p.).
5. Bergson A. *L’Évolution créatrice*. Paris, 1907. 372 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya*. Moscow, 1998. 384 p.).
6. Berkovich S. *Kletochnye avtomaty kak model realnosti* [Cellular automaton as a model of reality]. Moscow, 1993. 112 p. (in Russian).
7. Capra F. *The web of life*. New York, 1996. 368 p. (Russ. ed.: Capra F. *Pautina zhizni*. Moscow, 2002. 336 p.).

Cite this article as:

Duplinskaya Yu. M., Friauf V. A. Problem of Complexity of the Universe in Polemic Dialogue between Science and Theology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 371–376. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-371-376>

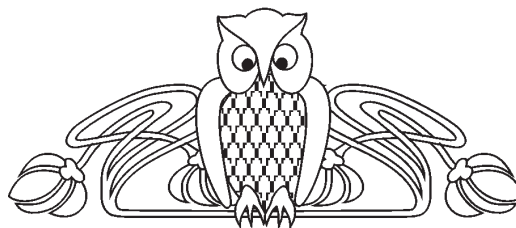

УДК 355.011

ЦИФРОВАЯ РЕЛИГИЯ

А. В. Иванов

Иванов Андрей Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivanowaw@gmail.com

Академические исследования взаимодействий в социальных сетях насчитывают длительную историю. Признание важнейшей роли социальных сетей в религиозной жизни современного общества можно считать общепринятым положением среди исследователей. Решающее значение социальных сетей проявляется в процессах рекрутирования и аффилиации членов религиозных общин, распространении религиозных идей и практик, а также в поддержании мотивации к участию в благотворительной и политической деятельности. Однако до сих пор феномен онлайн-религии так и остается раскрытым не полностью. В современной науке наблюдается дефицит исследований, уделяющих внимание теоретико-методологическим основаниям концептуализации религиозных практик онлайн с учетом влияния социокультурных процессов, происходящих в обществе. Центральным положением статьи является концепт «цифровой религии», на примере которого демонстрируются особенности воздействия сетевого общества на сферы культуры и религии. В статье утверждается, что в настоящее время сфера религии во всех своих основных формах и проявлениях уже в значительной степени проникает в цифровое измерение, образуя новую сферу реальности. На основе анализа наиболее известных теорий цифровой религии демонстрируются их достоинство и перспективы развития.

Ключевые слова: религия, киберпространство, сетевое общество, интернет, новые медиатехнологии, онлайн религия, цифровая религия.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381>

Революционные изменения, произошедшие за последние десятилетия в сфере высоких технологий, охватили практически все сферы социального бытия. В условиях тотальной сетевой экспансии и виртуализации человеческой жизни становление новой сетевидной парадигмы делает практически неизбежным трансформацию традиционных представлений о социальной реальности, где на смену ригидным механизмам координации и управления, основанным на иерархических принципах, приходят гибкие структуры, возникающие на основе неограниченных возможностей коммуникации людей в виртуальном пространстве. Одной из наиболее интересных и в то же время неоднозначных тем для обсуждения является проблема религии в цифровом обществе. Практически одновременно с выходом знаменитого труда М. Кастельса «Восхождение сетевого общества» в 1996 г. американский ис-

следователь С. О'Лири высказал предположение, что сетевое общество в будущем приведет к появлению новых онлайн-религий, а традиционные формы религиозного существенно изменятся с учетом воздействия технологий [1]. За последние два десятилетия с момента публикации О'Лири в сфере социальных наук уже успело оформиться самостоятельное направление исследований религии, связанное с изучением влияния цифровых коммуникаций на религиозную сферу [2, 3]. За этот период был исследован широкий спектр новых феноменов: онлайн-дискурсы (Л. Доусон, К. Дуглас) [4] и сетевые механизмы групповой аффилиации религиозных онлайн-сообществ (Х. Кэмпбэлл) [5], особенности религиозной онлайн-идентификации (Х. Левхейм, А. Линдерман) [6], а также конструирование новых ритуальных онлайн-практик (К. Радд-Антвайлер) [7].

Первый вопрос, который закономерно возникает на пути исследования цифровой религии, касается определения исходного термина. В этом отношении в современной западной литературе наблюдается многообразие различных утверждений. По мнению Г. Грива, с одной стороны, цифровая религия включает в себя различные артефакты: «цифровое аудио, видео, компьютерные игры, а также цифровые медиа, такие как веб-сайты e-mail, социальные сети, многопользовательские игры» [8, р. 108]. Благодаря медиатехнологиям возникают новые уникальные характеристики религиозной онлайн-среды: *гипертекстуальность, интерактивность, дисперсность, полицентричность*. Однако цифровая религия вовсе не равна простому процессу медиатизации традиционных религиозных символов и воспроизведению их на новых носителях. Как пишет Г. Грив, «цифровая религия уникальна в том смысле, что с помощью цифровых медиатехнологий она способствует канализации страхов, порождаемых текучей современностью, синтезируя в единое целое религиозные метанарративы и идеологию цифрового общества» [8, р. 110]. Иными словами, формирование цифровой религии – это своеобразный процесс «гибридизации» культуры, в ходе которого секуляризованное сознание, опираясь на символические ресурсы

исторической памяти, многообразие ритуалов, смыслов и идей прошлого, фактически изобретает новые «традиции», стремясь преодолеть с помощью спонтанного мифотворчества нарастающее чувство отчуждения и страха перед неизведанным будущим. И так, Грив, как и множество других исследователей, солидарны в констатации очевидного факта, что цифровая религия становится самостоятельным феноменом. Однако указанный подход в силу своей описательности позволяет выявить лишь феноменальную сторону изучаемого явления. В отличие от него концепция сетевой религии Х. Кэмпбелл, опирающаяся на теорию сетевого общества М. Кастельса, ориентирована на раскрытие социоструктурных измерений онлайн-религиозности.

С точки зрения Кэмпбелл, теория сетевого общества позволяет не только исследовать особенности функционирования религиозных коммуникаций в общем потоке информационных взаимодействий, но и ответить на ряд более существенных вопросов – о внутренней структуре религиозного пространства, которое под воздействием медиакommunikаций также приобретает сетевую топологию. Как пишет автор, «идея сетевой религии предполагает <...> что религия наполняется технологическими структурами и характеристиками интернет-среды, такими как нивелирование традиционных иерархий, возможность мгновенной коммуникации и получение немедленного ответа, расширение доступа к сакральному и приватной информации» [5, р. 68]. Сфера сетевой религии анализируется автором как неотъемлемая часть онлайн-культуры, которая не формируется сама по себе, в отрыве от социальных коммуникаций, а возникает, развивается и формируется как форма отражения символов, ценностей и практик реального офлайн-мира. В феномене цифровой религии, по мнению Кэмпбелл, находят свое воплощение коренные изменения, которые невозможно свести к технологическим инновациям, а следует рассматривать в связи с изменившимся пониманием религиозного опыта, ценностей, механизмов религиозного лидерства, распределения авторитета и власти, а также способов рекрутирования и аффилиации внутри конфессиональных сообществ. Автором подробно разбираются пять конститутивных характеристик цифровой религии: *сетевая структура, конструируемая идентичность, отход от понятия традиционного религиозного авторитета, конвергентность религиозных практик, многомерность религиозной реальности* [9, р. 182].

Первым ключевым компонентом цифровой религии является сетевая структура религиоз-

ных сообществ. В отличие от сетевых структур, возникающих на основе локаций реального физического и социального пространства, принадлежности индивидов к различным малым социальным группам родственников, знакомых, друзей, топология сетевого онлайн-пространства формируется как полицентричная ризома межсубъектных коммуникаций, где основное значение имеют личные ценностные предпочтения, а не прескриптивные статусы индивидов. Сетевые религиозные сообщества формируются как контакты между различными узлами сети, главное предназначение которых – «формирование персонализированной сети отношений» [5, р. 69]. В условиях цифровой среды меняется и характер идентификации членов подобных групп. Широкая доступность информации, получаемой с помощью онлайн-сетей, становится основой *конструируемой идентичности*, которую Х. Кэмпбелл вслед за Э. Гидденсом и З. Бауманом рассматривает в качестве одной из главных характеристик «текучей современности». Как указывает автор, меняется представление о самом внутреннем содержании религиозных практик, которые начинают приобретать все более индивидуализированный и вариативный характер. Говоря о *многомерности религиозной реальности*, автор подчеркивает, что религиозная онлайн-среда формируется как калейдоскопическое множество различных локальных контекстов, частично заимствуемых из онлайн-среды, а частично – из реальности офлайн, которая может формировать множество уникальных символических микрокосмосов, конструируемых в виртуальных коммуникативных потоках.

Наконец, ритуальный потенциал новых технологий в религиозной сфере раскрывается в так называемых *конвергентных практиках*, т. е. активной форме адаптации религиозных ритуалов к формату онлайн-взаимодействия, что в свою очередь может стимулировать появление новых и нехарактерных для религий прошлого типов ритуального поведения (интернет-проповедей, онлайн-церквей и др.). Сопутствующие изменения наблюдаются в сфере *трансформации религиозной власти и авторитета*, суть которых выражается в том, что само появление сетевых форм коммуникаций представляет угрозу иерархическим формам власти в традиционных религиях, создает ситуацию конкуренции между старыми религиозными институтами и новыми неинституционализированными сетевыми структурами.

Следующая эвристическая теория цифровой религии представлена в работах К. Хелланда, который выделил два типа цифровой рели-

гии: *онлайн (religion-online)* и *онлайн-религии (online religion)* [3, p. 178]. Рассуждая о феномене *религии онлайн*, К. Хелланд подчеркивал, что в этом случае интернет используется для осуществления привычных форм коммуникации традиционных религиозных институтов, базирующихся на идее статусной иерархии, власти и авторитета, благодаря которому эти институты получают более широкие средства трансляции своего вероучения. Данный способ может рассматриваться в качестве одной из разновидностей масс-медиа или канала односторонней коммуникации, осуществляемой из единого центра по отношению к широкой массе адресатов без возможности поддержания обратной связи. В этом случае интернет-пространство служит дополнением официальных коммуникаций в офлайн-пространстве.

Концепт *онлайн-религии* предполагает совершенно иной тип открытого полицентрического пространства, где свободное обсуждение различных доктринальных вопросов становится условием порождения нового коллективного опыта в ходе диалога верующих. В результате этого сфера онлайн-коммуникации не просто становится функциональным дополнением иерархически централизованных социальных взаимодействий внутри централизованно управляемых религиозных организаций, а превращается в самостоятельное пространство. Как указывал М. Кастельс, главное предназначение социальных сетей и, прежде всего, сети Интернет заключается в поддержании многосторонней коммуникации «всех со всеми», и тем самым сетевое взаимодействие в корне отличается от одностороннего взаимодействия «один–многие» в рамках социальных иерархий [9, p. 176].

Если концепция сетевой религии выявляет основные структурные особенности новой религиозной сферы, то концепция медиатизации К. Ландби выявляет механизмы внутренних взаимосвязей коммуникационных и религиозных измерений цифровой религии. Как указывает К. Ландби, «формы медиатизации следует рассматривать в качестве неотъемлемой интегральной части определения самой религии» [10, p. 226]. Феномен цифровой религии, по мнению автора, можно рассматривать в качестве постоянно эволюционирующего социокультурного феномена, основной движущей силой развития которого является тип коммуникации, посредством которого осуществляется взаимосвязь сакрального и социального измерения, поэтому автор выделяет четыре основных типа взаимосвязи коммуникативной и религиозной среды: 1) *медиатизация религии*; 2) *медиати-*

зация религиозных смыслов; 3) *медиатизация сакральных форм*; 4) *социальная (религиозная) трансформация технологий*.

Медиатизация религии, по мнению автора, в наибольшей степени соответствует современному уровню развития коммуникативных технологий, на котором медиасреда приобретает самостоятельное смыслогенерирующее значение, «становясь важнейшим источником религиозных идей и представлений, в результате чего на основе отдельных фрагментов религиозных текстов, символов журналисты и продюсеры силой своего воображения создают собственные повествования» [10, p. 229].

Медиатизация религиозных смыслов предполагает, в отличие от первой теории, что интернет-среда отнюдь не поглощает и не подменяет собой религиозно-сакральное измерение, а находит в современной медиасфере новые и более эффективные способы трансляции смысловых составляющих религиозного опыта во внешнее социальное пространство, т. е. с позиции этого подхода корректно рассматривать современные медиа в качестве функционального дополнения традиционных форм религиозной коммуникации.

Медиатизация сакральных форм, подобно предыдущей форме коммуникации, основной акцент делает на взаимовлиянии двух сфер социокультурного пространства – религиозного и профанного, определяя их когерентный и взаимообусловленный характер. С точки зрения этой концепции, все сакральные формы, формирующиеся в процессе генезиса религиозной сферы, могут стать частью социальных коммуникаций только через соответствующие материальные носители. Соответственно, получается, что так называемая цифровая религия не является чем-то уникальным, а отражает лишь новый сдвиг в развитии медиакультуры, сущность которого состоит в дематериализации религии, замене традиционных материальных носителей виртуальными символами.

Наконец, в свете последних тенденций технологического развития общества наиболее примечательное место занимает феномен *социальной трансформации технологий*. По мнению К. Ландби, религия не просто пассивно реагирует на технологические изменения, порождаемые динамичной медиасредой, но и сама оказывает активное обратное воздействие. И это обусловлено, в первую очередь, тем, что религиозные, социальные и этические нормы играют решающую роль в отборе приемлемых вариантов использования имеющихся технологий, т. е. они выполняют функцию символического базиса,

посредством которого религия сама становится частью социотехнического пространства.

Таким образом, становится очевидным, что феномен цифровой религии можно интерпретировать в качестве самостоятельного символического пространства, возникающего на границе пересечения традиционной культуры и коммуникационной среды постмодерного дигитализированного социума. Весь вопрос заключается в том, какова степень взаимопроникновения и взаимовлияния этих сфер. Очевидно, если анализировать представленные концепции с учетом современных тенденций, их не следует рассматривать как взаимно исключающие. Формирование цифровой религии является неотъемлемой составляющей развития постиндустриального общества, в ходе которого религиозная сфера, ее нарративы и символические структуры, освобождаясь от власти прежних авторитетов и догм, становятся объектом активного конструирования со стороны общностей, испытывающих потребность в новом духовном опыте, выходящем за рамки прежних институциональных норм.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона» (№ 17-33-0143).

Образец для цитирования:

Иванов А. В. Цифровая религия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 377–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381>

Digital Religion

A. V. Ivanov

Andrey V. Ivanov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ivanowaw@gmail.com

The study of social networks, interactions, and relationships has a long history in academia. That social networks play a central role in religious life of recent society is well accepted by most social scientists. For instance, they are crucial for the recruitment and affiliation of members, the diffusion of religious ideas and practices, motivating people of faith to volunteer and become politically activity. Still, however, much work remains at the level of defining the phenomenon of online religion. Little theoretical work exists that provides frameworks for explaining online religious activities in terms of larger social and cultural processes. The concept of "digital religion" is investigated as a way to encapsulate how networked society impacts and influences the culture and religion. This article

Список литературы

1. O'Leary S. Cyberspace as Sacred Space : Communicating Religion on Computer Networks // Journal of the American Academy of Religion. 1996. Vol. 64, iss. 4. P. 781–808.
2. Playing with religion in video games / eds. H. Campbell, G. Grieve. Bloomington, 2014. 300 p.
3. Helland C. Digital Religion // Handbook of Religion and Society / ed. by D. Yamane. Cham, 2016. P. 177–196. DOI: 10.1007/978-3-319-31395-5_10
4. Dawson L., Douglas C. Religion Online : Finding Faith on the Internet. N.Y., 2004. 279 p.
5. Campbell H. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society // Journal of the American Academy of Religion. 2012. Vol. 80, № 1. P. 64–93. DOI:10.1093/jaarel/lfr074
6. Lövheim M., Linderman A. Constructing Religious Identity on the Internet // Religion and Cyberspace / eds. M. Hojsgaard, M. Warburg. L., 2005. P. 121–137.
7. Radde-Antweiler K. Virtual Religion: An Approach to a Religious and Ritual Topography of Second Life // Heidelberg Journal of Religions on the Internet. 2008, № 3 (1). P. 54–72.
8. Grieve G. P. Digital religion // Digital religion : Understanding religious practice in new media worlds / ed. H. Campbell. N.Y., 2013. P. 104–118.
9. Castells M. The rise of the network society. 2nd ed., with a new pref. Chichester, 2010. 597 p.
10. Lundby K. Theoretical frameworks for approaching religion and new media // Digital religion : Understanding religious practice in new media worlds / ed. H. Campbell. Routledge : New York, 2013. P. 225–237.

suggests that religion in all its forms and functions is transferring and blending with the digital world. By examining several current digital religion theories is shown that each theory has its own merits and perspectives.

Keywords: religion, cyberspace, networked society, internet, new media, online religion, digital religion.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches, the project "Religious communities in networked social order structures: protest dynamics and institutional stability of the Russian region" (No. 17-33-0143).*

References

1. O'Leary S. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks. *Journal of the American Academy of Religion*, 1996, vol. 64, iss. 4, pp. 781–808.

2. *Playing with religion in video games*. Eds. H. Campbell, G. Grieve. Bloomington, 2014. 300 p.
3. Helland C. Digital Religion. In: *Handbook of Religion and Society*. Ed. by D. Yamane. Cham, 2016, pp. 177–196. DOI: 10.1007/978-3-319-31395-5_10
4. Dawson L., Douglas C. *Religion Online: Finding Faith on the Internet*. New York, 2004. 279 p.
5. Campbell H. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society. *Journal of the American Academy of Religion*, 2012, vol. 80, no. 1, pp. 64–93. DOI: 10.1093/jaarel/lfr074
6. Lövheim M., Linderman A. Constructing Religious Identity on the Internet. In: *Religion and Cyberspace*. Eds. M. Hojsgaard, M. Warburg. London, 2005, pp. 121–137.
7. Radde-Antweiler K. Virtual Religion: An Approach to a Religious and Ritual Topography of Second Life. *Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 2008, no. 3 (1), pp. 54–72.
8. Grieve G. P. Digital religion. In: *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*. Ed. by H. Campbell. New York, 2013, pp. 104–118.
9. Castells M. *The rise of the network society*. 2nd ed., with a new pref. Chichester, 2010. 597 p.
10. Lundby K. Theoretical frameworks for approaching religion and new media. In: *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*. Routledge: New York, 2013, pp. 225–237.

Cite this article as:

Ivanov A. V. Digital Religion. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 377–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381>

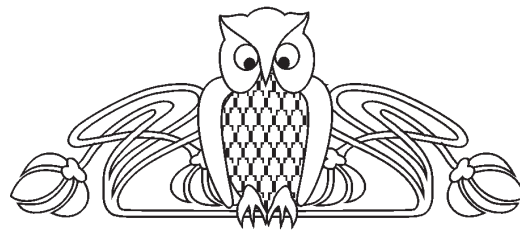

УДК 334

ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА В СТРУКТУРЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

И. В. Кутырева

Кутырева Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Kutyrina@mail.ru

Вопросы возможности манипулирования общественным сознанием являются крайне актуальными и находятся в поле междисциплинарных дискуссий. В статье выделяются разные субъекты, структуры, организации, институты, способные манипулировать общественными отношениями в зависимости от поставленных целей. Активно обсуждаемая деятельность экспертных сообществ как института, отчасти отвечающего за формирование общественного сознания, обусловлена рядом причин. Одной из главных является связь сообществ с политическими силами и частичная зависимость от них. Для понимания степени влияния экспертных сообществ на принятие решений необходимо обратиться к рассмотрению условий их существования, особенностям формирования и функционирования, а также моделям взаимодействия с разными субъектами. Автором рассматривается вопрос доверия экспертным сообществам и факторы, которые могут способствовать как снижению, так и повышению уровня доверия. Экспертные сообщества рассматриваются в качестве субъекта, способного на должном уровне обеспечивать прогноз и анализ происходящих системных процессов, предлагать идеи, которые впоследствии станут основами или фундаментом принятых концепций развития. В статье также обозначены возможность проявления конфликтов интересов между экспертными сообществами, предпосылки их возникновения и способы предотвращения.

Ключевые слова: экспертные сообщества, общественное сознание, манипулирование, институт экспертного регулирования, конфликт интересов, открытое правительство.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-382-386>

Сегодня в научных дискуссиях все чаще рассматриваются вопросы функционирования экспертных сообществ и оказания ими влияния на процессы, происходящие в разных областях институционального взаимодействия, и механизмы, косвенным образом оказывающие влияние на экспертную деятельность. Интерес к данным взаимоотношениям обусловлен многими факторами, в числе которых усиление роли экспертного знания в современной политической системе и рост влияния экспертных сообществ на принятие властью решений на разных уровнях. При рассмотрении обозначенного круга вопросов следует обратиться к условиям формирования и функционирования экспертных сообществ, а также к особенностям взаимодействия сообществ

и различных систем. Интересным является отличие экспертных сообществ от любых иных форм организации совместной деятельности в чьих-либо интересах. В частности, главная особенность состоит в том, что экспертное сообщество зачастую не локализовано, не изолировано и зависит от информационных потоков.

Экспертные сообщества, одной из функций которых является стратегическое планирование, а одним из орудий – манипуляция общественным сознанием, связаны с политическими силами и оказывают существенное взаимовлияние друг на друга, несмотря на разные источники ресурсов.

В условиях диалога религий, ставших традиционными, и возникновения новых религиозных движений, а также сложности межэтнического взаимодействия роли экспертных сообществ уделяется большое внимание, так как религия участвует не только в духовных, но и социально-политических процессах, следовательно, прямым образом влияет на стабильность в том или ином регионе. Межконфессиональный диалог выступает одной из форм стабилизации социальных процессов государства. В условиях современной социально-политической, экономической, религиозной ситуации необходимы прогнозирование стабильности тех или иных процессов, качественная аналитика, обеспечение их конструктивности, системности и отслеживание результатов.

Экспертные сообщества являются тем субъектом или субъектами, которые способны на должном уровне обеспечивать прогноз и анализ происходящих системных процессов, предлагать идеи, которые впоследствии станут основами или фундаментом принятых концепций развития. Более того, представляется, что экспертные сообщества возникают как своего рода ответ на происходящие в обществе процессы. Процессы, происходящие в том или ином направлении, секторе, отображают существующие проблемы и тенденции дальнейшего развития, которые обсуждаются в разных форматах: как в средствах

массовой информации (публичный уровень), так и в различных концепциях, предлагаемых правительством (государственный уровень).

При рассмотрении данных форматов можно предположить, что они являются альтернативными. Так, при обсуждении в публичном пространстве, допустим, в СМИ, мы можем говорить о сопричастности экспертному знанию широкой публики, массового сознания. Когда обсуждение происходит в рамках экспертного совета и/или в дальнейшем на государственном уровне, к нему непрочно общество, что становится в итоге продуктом власти, волеизъявления узкого круга деятелей – представителей власти и экспертов.

Образование так называемого «открытого правительства», которое представляет собой интернет-площадку для высказывания мнения экспертов, демонстрирует некое соединение подобных форматов.

Ф. И. Белозор рассматривает открытость государственного управления как демократическую форму взаимодействия государства и общества, суть которого заключается в наличии правовой и фактической возможности у граждан и их объединений участвовать в формировании государственной политики, государственных и муниципальных управленческих решений и контроле их исполнения [1].

Фактически способными оказывать влияние на принятие решений на государственном уровне становится не публика, большинство, массы, а непосредственно экспертное сообщество, выступающее в данном случае как надстройка над массовым сознанием. Нельзя не предположить, что по определенным вопросам желание и стремление воплотить определенные решения на уровне принятых концепций развития в тех или иных направлениях у профессиональных экспертов и у общества могут совпадать. В данном случае экспертное сообщество выступает как своего рода центр публичной политики.

Но можно предположить и обратное: перед экспертными сообществами обозначена сложная задача – составить верный прогноз развития, определить нужный вектор движения с конечным результатом, отражающимся непосредственно в положительной динамике, которую на уровне обывденного сознания увидеть сложно. Но следует помнить, что массовое сознание хочет видеть некое независимое экспертное сообщество, которое будет ориентироваться на их интересы и способно оказывать влияние на происходящие процессы, доносить до власти глас народа, проводить независимый политический анализ в интересах государства и граждан. В этом случае воз-

можно доверительное отношение к экспертным сообществам и, как следствие, общество будет воспринимать данный институт как связующее звено между властью и волеизъявлением народа.

Отсутствие диалога экспертных сообществ и граждан неизбежно приведет к представлению об отстраненности данного института от общественного сознания и поставит вопрос о доверии к экспертным сообществам и их аффилированности. Таким образом, экспертное сообщество должно быть институтом, отвечающим за формирование политики в интересах граждан и поддерживающим открытый диалог и взаимодействие власти и общества.

Важной проблемой является отсутствие определенной методологии в деятельности общественных независимых экспертов, которая не урегулирована и не регламентирована, да и само понятие институциональности экспертных сообществ крайне неопределенно и размыто. По мнению А. В. Нестерова, если государство заинтересовано в «открытом правительстве», то оно должно не только создавать условия для так называемого экспертного сообщества, но и регулировать и регламентировать его функционирование. В законодательное регулирование должны войти юридические гарантии того, что органы государственной власти будут не только слушать, но и учитывать конструктивные мнения граждан [2]. Представляется, что условия существования экспертных сообществ и регулирование их деятельности, безусловно, должны быть оформлены четко и на законодательном уровне. Это вопросы, регламентирующие, кто именно может выступать в качестве экспертов, на каких условиях, при чьей поддержке, какими функциями и полномочиями они могут обладать. Что касается законодательного закрепления гарантий учета мнений экспертов, то на практике эта возможность представляется трудно реализуемой. Если допустить такую возможность, то, скорее всего, экспертные сообщества окажутся аффилированными с властью системами. В этой связи возникнут и вопросы доверия к тем или иным экспертным сообществам и каким субъектом или субъектами это доверие будет выражаться [3].

В этом случае возможен конфликт интересов разных экспертных сообществ, которые, уже вынося свои суждения, будут уверены в их воплощении в законопроекты или решения, принимаемые властью. Решения каких экспертных сообществ в подобного рода ситуациях будут являться основанием для инициирования законодательного регулирования? Если допустить, что представители властных структур могут вы-

бирать, решение какого экспертного сообщества допустимо, удобно, в большей степени подходит, то последнее слово так и останется за властными ресурсами, т. е. возникнет ситуация работы экспертных сообществ «в большинстве» (тех, кто принимают удобные для власти решения) и «в меньшинстве» (голос тех, кого не слышат).

Если законодательно определить возможность функционирования одного, допустим, широкоформатного экспертного сообщества, то монополизация экспертологии будет очевидна. При такой монополизации смысл деятельности экспертных сообществ сводится к нулю, так как они перестают выполнять задачи, на них возложенные, например, вовлечение гражданского общества в обсуждение.

Еще одним важным моментом является прозрачность взаимоотношений между властными ресурсами и экспертным сообществом: она является гарантией принятия или продвижения решений не в интересах узкого круга людей, а в интересах широких слоев населения. Нужно понимать, что экспертные сообщества, сохраняя свою независимость, должны быть ориентированы на народное волеизъявление. В то же время мы понимаем, что высокий уровень доверия к экспертам может породить и обратное – возможность для экспертных сообществ манипулировать общественным сознанием. Таким образом, получается, что, с одной стороны, экспертные сообщества должны быть независимы, самостоятельны в принятии решений, но, с другой – опосредованы некими формальными, причем на законодательном уровне, рамками.

Одной из важнейших, на наш взгляд, задач, на которую должны быть ориентированы экспертные сообщества, является реализация принципа открытости в принятии решений. Принцип открытости заключается в полном освещении на дискуссионных площадках определенных вопросов, тенденций развития, перспектив принятия тех или иных решений, проектов и их последствий, а также возможность обратной связи, т. е. учета мнений публики. Возможно, эксперты должны ориентироваться на данные социологических опросов общественного мнения, проводимых разными центрами. Анализ таких данных позволяет составить рейтинг наиболее значимых проблем, по которым принятие решений нужно выносить на уровень экспертных оценок, а затем и на государственный. Власть иногда использует опросы как способ легитимизировать свои действия.

Снижение доверия населения к результатам социологических опросов обусловлено разными причинами, в частности тем, что респонденты

зачастую дают ответы, особо не вникая в содержание вопроса, так как считают, что результаты опроса не окажут никакого влияния на исправление проблемы. Конечно, методики проведения социологических опросов разные, и можно проводить дискуссии на тему, каким опросам нужно доверять и по каким критериям они должны формироваться, к какому уровню доверия будет изначально низким и с чем это связано, но это тема отдельного обсуждения. Мы можем предположить, что использование экспертными сообществами данных социологических опросов может повысить мотивацию граждан участвовать и активно относиться к опросам, что, в свою очередь, повысит уровень доверия к центрам изучения общественного мнения и самому методу.

Необходимость участия экспертов в принятии решений на государственном уровне сегодня очевидна. Отслеживая насущные проблемы, ориентируясь на общественный интерес, взаимодействуя с институтами власти, экспертные сообщества должны выполнять регулятивную и отчасти нормотворческую функции. Институт экспертного регулирования должен быть связующим звеном между властными структурами и народом, результатом деятельности которого будет принятие нужных и обоснованных потребностями общества концепций развития, адекватное стратегическое планирование по ключевым вопросам и пр. Вместе с тем к функциям, возлагаемым на экспертные сообщества, добавляется также функция общественного контроля.

Данная функция может быть реализована как в процессе проведения обсуждений тех или иных проблем посредством анализа позиций и подходов гражданского общества и его ожиданий, так и в качестве отслеживания деятельности и реализации принятых концепций и проектов. Важным в данном случае является именно контроль за исполнением решений, принятых посредством обсуждений на открытых площадках представителями экспертного сообщества и гражданского общества, причем контроль, осуществляемый этими же субъектами. Это позволит проследить выполнение принятых решений, а также оценить их значимость и результативность. Установка на то, что результативность впоследствии будет оценена не только самими экспертными сообществами, но и в рамках независимых социологических опросов, итоги которых будут обнародованы, способна дать гарантии принятия взвешенных и глубоко обдуманных концепций, ориентированных на потребности большинства.

Таким образом, наделение института экспертной оценки регулятивной и контролирующей

функциями делает его реально действующим механизмом, который может не абстрактно существовать и чем-то когда-то заниматься, а исполнять вполне определенную роль и иметь большую значимость.

Институт экспертного регулирования, выступая посредником между властью с ее возможностями, закрепленными в институтах, и потребностями общества, общественным сознанием, способен обеспечивать баланс отношений власти и общества, который возможен при гармонично выстроенном диалоге. Обсуждение роли экспертных сообществ, реализация идеи открытого правительства свидетельствует о том, что институты власти готовы к диалогу с общественными институтами и, кроме того, нуждаются в подобном взаимодействии. Вертикальная линия управления постепенно сменяется горизонтальным взаимодействием разных институтов, появляется связующее звено между теми, кто принимает решения, и теми, на кого эти решения направлены. Экспертные сообщества являются связующим звеном и выступают своеобразным индикатором тех процессов, которые происходят в обществе.

Развитие института экспертного регулирования, на наш взгляд, является оправданной необходимостью, которую понимают и принимают субъекты, изначально находящиеся на разных сторонах. Общественность готова активно включаться в управленческие модели, участвовать в принятии ключевых решений, проводить обсуждения на открытых площадках. Государственное регулирование, в свою очередь, предоставляет подобные возможности, оформляя их на законодательном уровне. Участие общества в государственном управлении

является верным свидетельством реализации принципов строительства демократического общества.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-190.2017.6) по теме «Национальная система экспертных сообществ и процесс социализации научной молодежи в условиях обострения цивилизационного противостояния».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона» (№ 17-33-01143).

Список литературы

1. Белозор Ф. И. Расширение открытости и прозрачности государственного управления. URL: http://www.rane-brf.ru/.../Belozor%20F.I._Rasshirenie%20otkrytosti,_svobodnuyj (дата обращения: 19.06.2018).
2. Нестеров А. В. Поможет ли «Открытое правительство» развитию России? URL: <http://pravo.hse.ru/expertika/announcements/59426056.html> (дата обращения: 20.06.2018).
3. Данилов С. А., Орлов М. О. Многомерная экспертократия : философские горизонты // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени Н. И. Ульянова). VII Арсентьевские чтения : сб. ст. : в 2 т. Чебоксары, 2017. С 32–35.

Образец для цитирования:

Кутырева И. В. Экспертные сообщества в структуре властных отношений: к вопросу о возможности манипулирования общественным сознанием // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 382–386. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-382-386>

Expert Communities in the Structure of Power Relations: on the Possibility of Manipulating Public Consciousness

I. V. Kutyreva

Irina V. Kutyreva, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Kutyirina@mail.ru

The issues of the ability to manipulate social consciousness are extremely relevant and are in the field of interdisciplinary discussions. Different subjects, structures, organizations, institutes, able to manipulate social relations depending on the goals set are

singled out. The actively discussed activity of expert communities as an institution partly responsible for the formation of social consciousness is due to a number of reasons. One of the main concerns is the association of the communities with the political forces and their partial dependence on them. To understand the extent of the influence of expert communities on decision-making, it is necessary to turn to the consideration of the conditions of their existence, the peculiarities of formation and functioning, as well as models of their interaction with different subjects. The author examines the issue of trust in expert communities and factors that can contribute both to lowering and raising confidence. Expert communities are considered as the subject capable of ensuring the prediction and analysis of the underlying system processes at an

appropriate level, proposing ideas that will subsequently become the basis or the basis of accepted development concepts. Also, the article indicates the possibility of conflicts of interest between expert communities, the background of their occurrence and methods of prevention.

Key words: expert communities, public consciousness, manipulation, Institute of expert regulation, conflict of interests, open government.

Acknowledgements: *Article is prepared within Grant of the President of the Russian Federation for support of young Russian scientists – doctors of science on the subject “The national system of expert communities and process of socialization of scientific youth in the conditions of aggravation of civilization opposition” (MD-190.2017.6).*

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, the project “Religious communities in the network structures of social order: protest dynamics and institutional stability of the Russian region” (No. 17-33-01143).

Cite this article as:

Kutyreva I. V. Expert Communities in the Structure of Power Relations: on the Possibility of Manipulating Public Consciousness. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 382–386. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-382-386>

References

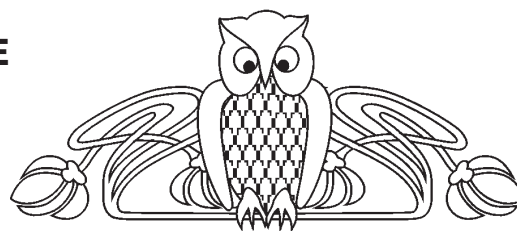
1. Belozor F. I. *Rasshirenie otkrytosti i prozrachnosti gosudarstvennogo upravleniya* (Expansion of openness and transparency of public administration). Available at: http://www.rane-brf.ru/.../Belozor%20F.I._Rasshirenie%20otkrytosti,svobodnyj (accessed 19 June 2018) (in Russian).
2. Nesterov A. V. *Pomozhet li «Otkrytoe pravitelstvo» razvitiyu Rossii?* (Will the «Open government» help the development of Russia?). Available at: <http://pravo.hse.ru/expertika/announcements/59426056.html> (accessed 20 June 2018) (in Russian).
3. Danilov S. A., Orlov M. O. *Mnogomernaya ehksper-tokratiya: filosofskie gorizonty* [Multidimensional expertise: philosophical horizons]. In: *Paradigmy universitetskoy istorii i perspektivy universitetologii* (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Ulianova). VII Arsenyevskiye chteniya [Paradigms of University history and prospects of University studies {to the 50th anniversary of the Chuvash state University named After I. N. Ulyanova}. VII Arseniev readings]. Cheboksary, 2017, pp. 32–35 (in Russian).

УДК 172

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

И. И. Лузина, Ю. Ю. Елисеев

Лузина Ирина Ивановна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, doctor.luzin@yandex.ru

Елисеев Юрий Юрьевич, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой общей гигиены и экологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, yeliseev55@mail.ru

В статье рассматриваются эко-этические аспекты бытия человека, призванные сохранять и приумножать жизненные феномены человечества в геокосмическом пространстве-времени. Динамичное развитие цивилизации не только создает возможности для сохранения жизни человека, но и формирует новые угрозы, среди которых экологические проблемы, оказывающие наибольшее влияние на важные аспекты человеческого бытия: здоровье, ценности, потребности. Используется междисциплинарный подход для анализа экологических проблем, показана важность исследования регионального уровня как пространства наибольшего влияния экологических рисков на жизнь человека ввиду его максимальной близости к природной среде. Приведены современные данные, касающиеся экологических проблем Саратовского региона. Экологической угрозе, связанной с загрязнением окружающей среды области химическими веществами, подвергаются атмосферный воздух, вода поверхностных водоемов, почва агропромышленных угодий, местные сельскохозяйственные продукты питания. В проведенных исследованиях выявлены группы пищевых продуктов, содержащие остаточные количества химических загрязнителей, представляющие реальную угрозу для здоровья населения региона и требующие проведения радикальных экологических мероприятий.

Ключевые слова: геосистемное развитие жизни, пространственно-временной континуум жизни, нравственные принципы, социально-экологический императив безопасности жизни, система «природа–человек–общество», жизненные риски, географический детерминизм.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-387-392>

Жизнь – уникальный комплексный геокосмический феномен материального и духовного мира, охватывающий разнопорядковые геосистемные субстраты. Среди них можно выделить биоценозные, космоантропные, природно-социальные, психосоциальные, духовно-ноосферные и другие компоненты человеческого бытия. В философии и науке формируются междисциплинарные подходы и концепции для объяснения специфики геосистемного развития жизни. Это

значительно расширит конструктивное решение многообразных сущностных проблем человеческого бытия в пространственно-временном континууме жизни.

Можно констатировать, что на современном этапе развития жизни на Земле отмечается дисбаланс различных компонентов системы «природа–человек–общество». Это проявляется в целом спектре негативных явлений: преобладании смертности над рождаемостью, снижении уровня здоровья людей, дезорганизации жизнедеятельности в мире человека, расширении спектра болезней. Сужается природный ареал жизни, происходит опустынивание и депопуляция территорий и регионов.

Перед современной цивилизацией практически встала проблема исторического выживания. Она прежде всего связана с продовольственной безопасностью, с защитой от экологических рисков, вызовов и опасностей, принявших глобальные масштабы и грозящих дальнейшему существованию и развитию человеческого рода. Вместе с тем загрязнение и неконтролируемое разрушение биосферы, а также деформирование моральных норм и жизненных ценностей миллионов людей представляют собой драматические факты современности, грозящие деградацией и исчезновением такого уникального явления, как жизнь.

Современная философия, отвечая на вечные вопросы о смысле человеческого бытия, должна стать, прежде всего, философией выживания и сохранения человечества на Земле. Этот посыл философии жизни актуализирует экологическую этику, ее принципы и правила жизни в природе, направленные на устойчивое развитие целостной системы «природа–человек–общество». Для эко-этического восприятия основ жизни важную роль играет постулированный принцип космизма жизни, проходящий через всю историю русской философии: Человеческий мир и Земля – единые динамические и органические целостности (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский).

Целостная среда человеческой жизни всегда содержит в себе био-экологический и этико-общественный моменты, так как наряду с внешним

развитием неживой и живой материи человек включен и мир биопсихосоциальных взаимоотношений людей. «Среда» человека включает в себя как объективный мир (природа, человек как индивид, созданные им объекты «второй очеловеченной природы»), так и его субъективный идеальный мир. Этот мир отражает объективную реальность в человеческом сознании, а также культуру, исторически созданную целым рядом поколений. Так, эко-этический мир идей, сформировавший ноосферу, по В. И. Вернадскому, позволил человеку сделать свою жизнь продуктом своей воли и своего сознания, направленной на сохранение биосферы.

Каждый человек живет в своем «индивидуальном» пространстве и времени, поэтому любой человек является исключительным, неповторимым, уникальным: в нем в неразрывном единстве сконцентрировано все богатство и разнообразие человеческой жизни – от ее элементарных физиологических проявлений до высот творчества, духовности и нравственности.

Ноосферный опыт человека формируется как совокупный опыт – индивидуальный, приобретенный им в жизни, и жизнесохранный – других людей, в том числе опыт предшествующих поколений. Экологическое поведение человека детерминировано характером усвоенных им этических ценностей, в которых аккумулирована предшествовавшая история человечества. Этот «опыт предания», по словам А. А. Ухтомского, переданный человеку в ходе практики, неизмеримо расширяет границы возможных проявлений его деятельности, раздвигая их за пределы собственного, природного «я» и повышая устойчивость его существования в этом мире. С другой стороны, человек с индивидуальным целостным опытом, включающим в себя все достижения его как творящего субъекта, вносит вклад в создание коллективного опыта по формированию экологической культуры и этических принципов жизни, поэтому на современном этапе научно-технического прогресса особенно актуальны идеи ученых о живой Вселенной, о роли сознания в эволюции человечества (Э. Леруа, Н. Бехтерева, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, Н. Моисеев, А. Л. Чижевский, Р. Джан, С. Гроф, В. Нахимов, В. Дюрант, Ф. Типлер, Дж. Эрроу и др.)

Отсутствие экологической культуры и моральных ценностей в деятельности человека, попытки господства человека над природой приводят к нарушению динамической устойчивости жизни, к катастрофам геосистемного масштаба. Примером может служить чернобыльская катастрофа и ее глобальные экологические последствия. В последние десятилетия на основе

бурного развития биотехнологий разрабатываются междисциплинарные стратегии решения цивилизационных проблем человеческого бытия. Определяется ориентация человечества на целостность природы, человека и общества, которая содержательно представлена агробио-, биосоцио- и духовно-ноосферным, валеологическим и биомедицинским подходами как взаимосвязанными методологическими регулятивами научной картины мира.

В основе жизнесохранных стратегий лежат нравственные принципы социально-экологического императива безопасности жизни, поскольку безопасность земного мира – сложный феномен, объединяющий биоэкологические звенья на уровне взаимодействия живых организмов и окружающей среды, биосферы и техносферы, биосферы и ноосферы.

Исследования показывают, что человек на организменном, популяционном, биосферном и социальном уровнях развития жизни испытывает на себе специфические воздействия природных, антропогенных и общественных факторов. Развитие жизни – мощный биологический процесс глобального масштаба, в котором существенную роль играет факт географического детерминизма. Стратегия проектирования безопасного человеческого бытия учитывает многообразные жизненные риски для здоровья и жизни человека, например, экологические риски, обусловленные контаминацией пищевых продуктов в Саратовской области.

Саратовская область относится к современным регионам России, где состояние экологической ситуации характеризуется как неблагоприятное. Область географически расположена в юго-восточной части европейской территории Российской Федерации, в северной части Нижнего Поволжья, занимает площадь 101240 км², численность населения составляет свыше 2,4 млн человек. Административный центр региона – Саратов, занимает площадь 394 км², где проживает более 842 тыс. человек.

Спектр природных и техногенных проблем в регионе широк и разнообразен. Негативное воздействие на атмосферу области оказывают как стационарные (промышленные предприятия), так и передвижные источники – автомобильный транспорт. Большинство источников опасных выбросов в атмосферу сконцентрировано в Саратове и промышленных региональных центрах, из них более 50% приходится на долю автотранспорта [1]. Сжигание каменного угля для работы теплоэлектростанций, производство цемента, выплавка чугуна дают ежегодный общий выброс пыли в атмосферу в регионе в

количестве 170 млн т в год. Городскими предприятиями региона осуществляется выброс в атмосферу свыше 50 млн т вредных элементов, среди которых диоксид серы, аммиак, альдегиды, углеводороды, оксиды углерода и азота, тяжелые металлы.

Динамический рост производства химической, топливной, нефтехимической и металлургической промышленности области обуславливает негативное воздействие на окружающую среду. Ежегодно в атмосферу региона выбрасывается более 400 тыс. т загрязняющих веществ различной степени опасности. Наибольшее превышение допустимых концентраций содержания химических веществ в атмосферном воздухе отмечалось на территориях наиболее густонаселенных жилых и промышленно развитых городов области – Саратова, Балакова, Вольска, Энгельса, Балашова, р. п. Горный [2].

Более чем для 80% населения Саратовской области основными источниками водоснабжения служат поверхностные водоемы. Степень загрязнения открытых водоемов веществами биогенного и техногенного происхождения является другой немаловажной региональной проблемой. Так, только за счет ежегодного сброса неочищенных сточных вод в поверхностные водоемы области в водные объекты поступает более 100 тыс. различных по химическому строению и составу вредных веществ, относящихся к различным классам опасности. Вредные химические соединения перераспределяются в водных объемах, разносятся на значительные расстояния, аккумулируются в водной флоре и фауне, концентрируются в донных отложениях региона [3, 4].

Лабораторный контроль качества питьевой воды, осуществляемый в 340 контрольных точках на 40 административных территориях по показателям эпидемической и санитарно-химической безопасности, свидетельствует о постоянном росте количества нестандартных проб. Наиболее высокая доля (до 10%) нестандартных проб, не отвечающих требованиям гигиенических нормативов, отмечена на 26 административных территориях области: в Аткарском, Александрово-Гайском, Аркадакском, Духовницком, Екатериновском, Балашовском, Балтайском, Базарно-Карабулакском, Саратовском, Самойловском, Татищевском, Ивантеевском, Новоузенском, Петровском и др. районах [5, 6].

О степени загрязнения почвы Саратовского региона можно судить по официальным данным регионального министерства природных ресурсов, свидетельствующих, что в отвалах и хранилищах на территории области находится

свыше 24 млн т промышленных отходов. Так, только на территории г. Балаково в промышленных отвалах деятельности ОАО «Иргиз» находится свыше 19 млн т фосфогипса, что создает степень загрязнения почвы в десятки раз превышающую нормы по железу, фосфатам, аммиаку, нитратам, хлоридам. Значительную опасность для населения области представляют и отходы производства предприятия саратовского завода АИТ, который является источником загрязнения не только своей территории и прилегающего к нему жилого массива, но и других территорий региона. Последнее связано с длительным вывозом многих тысяч тонн отходов завода, относящихся к первому классу опасности и содержащих элементы никеля и кадмия, на свалку Александровского сельсовета. Аналогичную опасность представляют и отходы предприятий «Тантал», ЭЛМАШ, СЭПО, также относящиеся к первому классу опасности и вывозимые на свалки области. Не менее актуальной является и проблема, связанная со сбором, складированием технически-бытового мусора, утилизацией просроченных лекарственных препаратов и непригодных энергосберегающих ламп.

Ежегодно проводимый Роспотребнадзором мониторинг безопасности почвы на наличие нестандартных проб, не отвечающих требованиям гигиенических нормативов, выявляет превышения в Саратове по нефтепродуктам, бензапирену и кадмию на территориях жилых домов, дворовых территорий. Аналогичные превышения предельно допустимых концентраций (ПДК) по содержанию нефтепродуктов (от 1,1 до 3,0 раз), тяжелых металлов (от 1,1 до 2,3 раз), ядохимикатов (от 1,2 до 5,2 раз), нитратов и нитритов (от 1,1 до 5,6 раз) выявляются и в почве агропромышленных территорий региона [7].

Исследования современного состояния земель сельскохозяйственного назначения Саратовского региона раскрывают плачевное экологическое состояние агроландшафта. Постоянно увеличивается площадь эрозионно опасных земель, что особенно актуально для левобережных районов области. Решение данной проблемы заключается в рекультивации земель для повторного использования. Основными этапами рекультивации являются очистка от производственных отходов, внесение органических и минеральных удобрений и выравнивание территорий.

Несмотря на отсутствие видимого ухудшения обстановки, экологическая ситуация в регионе в целом продолжает оставаться напряженной. Неблагоприятная экологическая обстановка, прежде всего обусловленная содержанием различных химических веществ в объектах окру-

жающей среды Саратовской области, не может не сказаться на поступлении поллютантов в региональные продукты питания. Известно, что уровень здоровья популяции имеет региональную специфику. Более того, действие факторов-триггеров различной природы в развитии тех или иных заболеваний особенно неблагоприятно сказывается на здоровье детей и подростков, проживающих в неблагоприятных экологических условиях [8]. Обеспечение экологической безопасности пищевых продуктов входит в число приоритетных задач государственной политики в области здорового питания и является одним из условий обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения как Российской Федерации, так и Саратовского региона [9].

Действующие в настоящее время западные антироссийские санкции, а также ответные меры российского правительства способствовали значительному подъему экономики страны и прежде всего регионального сельского хозяйства. Отмечаются значительные успехи и в совершенствовании пищевой и перерабатывающей промышленности Саратовского региона. Однако подобные достижения были бы не столь значимы без проведения мероприятий, направленных на интенсификацию регионального аграрного сектора путем широкого использования различных агрохимикатов. В результате пищевые продукты становятся контаминированы различными по качественному и количественному составу поллютантами. Несмотря на то, что содержание последних, как правило, ниже уровня установленных гигиенических нормативов, длительное использование на определенной территории конкретных видов контаминированных пищевых продуктов может вызывать значительную нагрузку на организм человека [10].

Особое значение приобретает изучение возможного негативного влияния малых доз чужеродных веществ на здоровье детей и подростков, так как состояние здоровья подрастающего поколения является индикатором социального благополучия современного общества, залогом его репродуктивного, трудового, интеллектуального, социального развития.

Сотрудники Роспотребнадзора Саратовской области и Саратовского государственного медицинского университета провели мониторинговые исследования и установили, что содержание токсичных элементов, нитратов, ядохимикатов в пищевом сырье и продуктах, производимых в агропромышленных районах Саратовского региона, в основном не превышали установленных предельно допустимых концентраций (ПДК) [8].

Были выявлены группы пищевых продуктов с наибольшим содержанием химических контаминантов в районах области. Наибольшее загрязнение свинцом (в долях от ПДК) обнаружено в молоке, производимом в Энгельском (0,28) и Марксовском (0,26) районах; кадмием – в овощной продукции Энгельского района (0,30); ртутью – в хлебопродуктах Балашовского района (0,2); мышьяком – в хлебопродуктах Энгельского (0,06) и Марксовского (0,06) районов. В этих трех районах наибольшие уровни остатков хлорорганических пестицидов (в долях от ПДК) определены в продукции животного происхождения (содержание гексахлорциклопексана – ГХЦГ – в мясе 0,018–0,025, в молоке 0,02–0,022; дихлордифенилтрихлорэтана – ДДТ – и его изомеров в мясе 0,025–0,03, в молоке 0,033–0,035).

На основе данных фактического потребления продуктов наибольшие уровни поступления контаминантов с местными пищевыми продуктами были определены в возрастных группах детей от 7 до 10 лет. Во всех районах для детей установлены высокие медианные экспозиции свинцом (0,025–0,029 мг/кг массы тела/неделя) и нитратами (4,0–5,8 мг/кг массы/сутки). Наибольший вклад в общее значение экспозиции вносили социально значимые продукты массового потребления – молоко и молочные продукты, овощи.

Расчет дозовых рисков от загрязнителей, поступающих алиментарным путем, осуществлялся в соответствии с «Руководством по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду» (Р 2.1.10.1920-04). Однако расчетные показатели коэффициентов опасности (НҚ) от воздействия контаминантов местных пищевых продуктов оказались высокими лишь в группах детей от 7 до 10 лет, для которых величины НҚ (свинец и нитраты) по всем районам области превышали 1,0 и соответственно составляли 1,14 и 1,5. В группах подростков 11–14 лет, 15–17 лет и взрослого населения области уровни НҚ ни по одному из контролируемых контаминантов не превысили 1,0 и соответствовали допустимым значениям. Наличие небольших остаточных количеств поллютантов в региональных продуктах питания может создавать реальную угрозу здоровью детского населения, что требует не только пристального внимания, но и проведения радикальных экологических мероприятий.

Таким образом, в условиях общества риска экологические и этические составляющие жизнедеятельности человека занимают центральное место в сохранении жизни на Земле. В целеустремленном экологическом поведении

человека отражаются его биопсихосоциальные потребности, интересы, ценности, мотивы и установки человеческой личности. Каждую ноосферную мерность жизни можно применить для определения цены, ценности и достоинства человеческой жизни. Значимость междисциплинарного подхода очевидна в практических областях высоких биотехнологий, биоэтики, биоэстетики, нейрофизиологии, агробиологии, биосоциологии, педагогики, валеологии. Здоровый образ жизни человека и жизненные ценности цивилизации, ее направленность на создание и сохранение жизненного пространства-времени геосистемы «природа–человек–общество» определяют ценность уникального явления – жизни.

Список литературы

1. Белоусов М. И., Шоломов И. И., Елисеев Ю. Ю. Антропогенное загрязнение городской среды кадмием и никелем и его возможное влияние на развитие рассеянного склероза // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16, № 5 (2). С. 764–768.
2. Калмыков Р. В., Истомин А. В., Каменских Т. Г., Елисеев Ю. Ю., Серебряков П. В. Патология передних отделов глаза у работающих в условиях цементного производства // Здоровье населения и среда обитания. 2015. № 4 (265). С. 13–17.
3. Мусаев Ш. Ж., Елисеев Ю. Ю., Луцевич И. Н. Механизмы поведения химических соединений в поверхностном, объемном слоях и донных отложениях водоемов при их антропогенном загрязнении // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2011. Т. 13, № 1 (8). С. 1914–1916.
4. Мусаев Ш. Ж., Елисеев Ю. Ю., Луцевич И. Н. Проблема риска для здоровья населения процессов концентрирования химических загрязнений в малых реках Саратовской области // Гигиена и санитария. 2012. № 5. С. 101–103.
5. Сергеева Е. С., Елисеев Ю. Ю. Комплексная санитарно-гигиеническая оценка рек питьевого назначения // Саратов. науч.-мед. журн. 2008. № 4 (22). С. 18–21.
6. Мосияш С. А., Орлов А. А., Накорякова М. В., Куряева Т. Г., Елисеев Ю. Ю. Гигиенические аспекты использования малых водотоков Нижнего Поволжья для сельского водоснабжения // Здоровье населения и среда обитания. 2011. № 11. С. 27–29.
7. Клещина Ю. В., Елисеев Ю. Ю. Мониторинг за контаминацией продовольственного сырья и пищевых продуктов токсичными элементами // Гигиена и санитария. 2013. № 1. С. 81–82.
8. Елисеев Ю. Ю., Павлов Н. Н., Елисеева Ю. В. Комплексные риски для здоровья детского населения от химической контаминации пищевых продуктов. Саратов, 2014. 140 с.
9. Верещагин А. И., Истомин А. В., Елисеев Ю. Ю., Клещина Ю. В., Павлов Н. Н. Кластеры региональных особенностей питания детей и подростков с разным уровнем здоровья // Здоровье населения и среда обитания. 2013. № 3. С. 11–12.
10. Истомин А. В., Елисеев Ю. Ю., Елисеева Ю. В. Обусловленность рисков здоровью детского населения химической контаминацией пищевых продуктов в регионе // Здоровье населения и среда обитания. 2014. № 2 (251). С. 18–21.

Образец для цитирования:

Лузина И. И., Елисеев Ю. Ю. Экологическая этика и региональные экологические проблемы: междисциплинарный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 387–392. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-387-392>

Environmental Ethics and Regional Environmental Problems: the Interdisciplinary Aspect

I. I. Luzina, Yu. Yu. Eliseev

Irina I. Luzina, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, doctor.luzin@yandex.ru

Yurii Yu. Eliseev, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112, Bolshaya Kazachia Str., Saratov, 410012, Russia, yeliseev55@mail.ru

The article deals with the eco-ethical aspects of human being, designed to preserve and multiply the vital phenomena of mankind in the geocosmic space-time. The dynamic development of civilization creates not only opportunities for preserving human life, but also creates new threats, including environmental problems that have the greatest impact on important aspects of human existence: health, values, needs. Using an interdisciplinary approach to analyze environmental problems, the importance of regional level research

as a space for the greatest impact of environmental risks on human life is shown in view of the maximum human closeness to the natural environment. The article presents modern data on environmental problems in the Saratov region. Under the environmental threat associated with environmental pollution of the region by the chemicals are: atmospheric air, surface water, soil of agro-industrial lands, local agricultural food products. The studies identified groups of food products containing residual quantities of chemical pollutants that pose a real threat to the health of the population of the region and require radical ecological measures.

Key words: geosystem development of life, the space-time continuum of life, moral principles, the social and ecological imperative of the safety of life, the system «nature-man-society», life risks, geographical determinism.

References

1. Belousov M. I., Sholomov I. I., Eliseev Yu. Yu. Antropogennoe zagryaznenie gorodskoy sredy kadmиеm i nikelеm i ego vozmozhnoe vliyaniye na razvitiye rassey-

- annogo skleroza [Anthropogenic impurity of the urban environment by cadmium and nickel and its possible influence on the development of multiple sclerosis]. *Izv. Samar. nauch. tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 5 (2), pp. 764–768 (in Russian).
2. Kalmykov R. V., Istomin A. V., Kamenskikh T. G., Eliseev Yu. Yu., Serebryakov P. V. Patologiya perednikh otdelov glaza u rabotayushchikh v usloviyakh tsementnogo proizvodstva [Pathology of the anterior part of the eye in working in conditions of cement production]. *Zdorove naseleniya i sreda obitaniya* [Population Health and Life Environment], 2015, no. 4 (265), pp. 13–17 (in Russian).
 3. Musaev Sh. Zh., Eliseev Yu. Yu., Lutsevich I. N. Mekhanizmy povedeniya himicheskikh soedineniy v poverhnostnom, obemnom sloyakh i donnykh otlozheniyakh vodoemov pri ikh antropogennom zagryaznenii [Mechanisms of behavior of chemical compounds in the surface, bulk layers and bottom sediments of reservoirs with their anthropogenic impurity]. *Izv. Samar. nauch. tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 13, no. 1 (8), pp. 1914–1916 (in Russian).
 4. Musaev Sh. Zh., Eliseev Yu. Yu., Lutsevich I. N. Problema riska dlya zdorovya naseleniya protsessov kontsentrirvaniya himicheskikh zagryazneniy v malykh rekakh Saratovskoy oblasti [The problem of public health risk of the processes of concentration of chemical contaminants in small rivers of the Saratov region]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2012, no. 5, pp. 101–103 (in Russian).
 5. Sergeeva E. S., Eliseev Yu. Yu. Kompleksnaya sanitarno-gigienicheskaya otsenka rek pitevogo naznacheniya [Integrated sanitary and hygienic assessment of drinking water]. *Sarat. nauch.-med. zhurn.* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 2008, no. 4 (22), pp. 18–21 (in Russian).
 6. Mosiyash S. A., Orlov A. A., Nakoryakova M. V., Kuraeva T. G., Eliseev Yu. Yu. Gigienicheskie aspekty ispolzovaniya malykh vodotokov Nizhnego Povolzhya dlya selskogo vodosnabzheniya [Hygienic aspects of the use of small streams of the Lower Volga region for rural water supply]. *Zdorove naseleniya i sreda obitaniya*. [Population Health and Life Environment], 2011, no. 11, pp. 27–29 (in Russian).
 7. Kleshchina Yu. V., Eliseev Yu. Yu. Monitoring za kontaminatsiyey prodovolstvennogo syrya i pishchevykh produktov toksichnymi ehlementami [Monitoring of contamination of food raw materials and food products with toxic elements]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2013, no. 1, pp. 81–82 (in Russian).
 8. Eliseev Yu. Yu., Pavlov N. N., Eliseeva Yu. V. *Kompleksnyye riski dlya zdorovya detskogo naseleniya ot himicheskoy kontaminatsii pishchevykh produktov* [Complex health risks for children from chemical contamination of food]. Saratov, 2014. 140 p. (in Russian).
 9. Vereshchagin A. I., Istomin A. V., Eliseev Yu. Yu., Kleshchina Yu. V., Pavlov N. N. Klaster regionalnykh osobennostey pitaniya detey i podrostkov s raznym urovnem zdorovya [Clusters of regional features of nutrition of children and adolescents with different levels of health]. *Zdorove naseleniya i sreda obitaniya* [Population Health and Life Environment], 2013, no. 3, pp. 11–12 (in Russian).
 10. Istomin A. V., Eliseev Yu. Yu., Eliseeva Yu. V. Obuslovlennost riskov zdorovyu detskogo naseleniya himicheskoy kontaminatsiyey pishchevykh produktov v regione [The conditionality of the risks to the health of the child population by the chemical contamination of food products in the region]. *Zdorove naseleniya i sreda obitaniya* [Population Health and Life Environment], 2014, no. 2 (251), pp. 18–21 (in Russian).

Cite this article as:

Luzina I. I., Eliseev Yu. Yu. Environmental Ethics and Regional Environmental Problems: the Interdisciplinary Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 387–392. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-387-392>

УДК 111.1:1:(091) (44):141.131:502,12:1

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ВОПРОСА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАРЛА МАРКСА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

С. Ф. Мартынович, М. О. Орлов

Мартынович Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sfmart@mail.ru

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orok-saratov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблем рациональности в философии К. Маркса. К анализируемому перечню проблем научной рациональности отнесены проблемы логики, методологии и аксиологии социально-экономических исследований. Исследования диалектического метода идеалистической философии и антропологического мышления предшествуют исторической новизне диалектико-материалистической методологии марксизма. Это способствовало созданию целостной концепции сущности человека, общественно-исторического процесса. В исследовании установлено, что концепция саморазвивающегося процесса мышления, предложенная Гегелем, была радикально переосмыслена Марксом и в контексте идеи социальной материи применена к познанию всемирной истории, общества, капиталистического производства. Для исследований Марксом человека и общества характерны историзм, идея развития. Маркс преобразовал традицию материализма посредством применения идеи саморазвития к пониманию природы, общества, человека, мировой истории. Материалистическое понимание практики как процесса производства и воспроизводства жизни человека и общества явилось основой материалистического понимания истории. Отвергая иррационализм как мировоззрение, он искал возможности понимания природы, общества, человека, мировой истории на рациональных основаниях, средствами научно-рационально-эмпирического исследования. Идея прогрессивности развития была осмыслена им как конструктивный принцип мировоззрения. Авторами статьи решается задача интерпретации статуса научности исследований К. Маркса, устанавливается, какие аспекты научного творчества явились для философа базовыми. Исследуется конструктивность методологического требования постижения истории, которую всегда необходимо рассматривать во взаимосвязи с экономическими отношениями.

Ключевые слова: философия науки, теория познания, история философии, диалектика Маркса, гегельянство, материалистическое понимание истории, социальная деятельность, развитие, общественные отношения, научная рациональность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-393-398>

Фундаментальные работы К. Маркса оказали значительное воздействие на общественную жизнь и культурную ситуацию XX в. Представ-

ленное исследование имеет свою цель анализ научных изысканий К. Маркса в контексте концептуальных возможностей исторически развивающейся традиции философии науки. Оппоненты и проponentы наследия Маркса обращают внимание, как правило, на его философские и антропологические, социальные и социологические, экономические и политические идеи, или оппонировав им, лишая их научного статуса, сводя их к «пророчеству», или защищая и обосновывая их конструктивное значение для человека, культуры и цивилизации. Принимая во внимание содержание научных исследований Маркса, а также наличие как в XIX в., так и в современной жизни социальных классов (больших групп людей, существенно различающихся по их месту в способе производства жизни, по отношению к собственности на средства производства жизни, а также по другим жизненно значимым признакам), такие оценки и отношения вполне естественны [1].

Систематизаторы аналитических исследований научного творчества Маркса отмечают три основания отличия экономических исследований Маркса от работ других классиков экономической мысли. Во-первых, его работы оказали самое большое, по сравнению с другими экономистами, теоретическое и политической влияние. Во-вторых, фундаментальное значение имел подход Маркса, согласно которому организация производства есть ключ к анатомии гражданского общества. Споры о его онтологии и эпистемологии, методологии и аргументации способствовали универсальной применимости его идей. В-третьих, коллапс социалистических государств, возникших под влиянием марксизма, не столько нанес удар по марксизму, сколько открыл «новое пространство борьбы за его интерпретацию, присвоение и применение» [2, с. 64].

При этом актуальной остается задача понять статус научности исследований Маркса. Важно знать, какие регулятивы его научного творчества были определяющими – истина или интерес. Или они были гармонично взаимосвязаны в его исследованиях? Философский анализ научного познания показал, что ученые, приступая к исследованию нового предметного мира, решая

новые познавательные задачи, вынуждены предположительно отвечать на два главных мировоззренческих вопроса научного поиска – что познается как нечто новое и как «это новое» следует познавать.

Если метафизику понимать как совокупность всеобщих определений мышления, то приходится признать, что человек, размышляя, необходимо следует метафизике. Г. Башляр уточняет: «... более справедливо иное: всякий человек, стремящийся к культуре научного мышления, опирается не на одну, а на две метафизики, причем обе они естественны, в равной степени убедительны, глубоко укоренены и по-своему последовательны, хотя одновременно и противоречат друг другу» [3, с. 28]. Эти две метафизики в предварительном смысле отвечают как на вопрос о специфике реальности, познаваемой наукой, так и на вопрос о специфике рациональности ее познания. Проблемы реальности предметного мира науки и проблемы рациональности научного исследования этого мира являются базисными темами философского осмысления научного познания, специфики научного исследования той или иной эпохи. Эти проблемы преодолеваются и обусловленные ими задачи решаются учеными, научными сообществами либо предварительно, либо в ходе исследования. Необходимость преодоления этих проблем посредством решения соответствующих задач не могла обойти стороной и творчество Маркса. Как ученый европейской цивилизации XIX в., он формировал свои новаторские ответы как на вопросы о природе человека, о специфике социальной реальности, познаваемой им посредством истории, социологии и экономической науки, так и на вопросы о специфике рациональности ее познания. Осмысляя возможные ответы на эти вопросы, Маркс действовал в контексте традиции европейской философии и европейской науки.

Научные концепции Маркса признаны как актуальные в истории философии, исторической науке, экономической науке, социологии и политологии. В антологии по социологии включается ряд текстов Маркса. Это относится, например, к концепции классовой борьбы Маркса [4]. Справедливо отмечается, что в «классических Марксовых текстах» «предложен анализ классовой силы или классового доминирования» [5, с. 261]. Э. Гидденс тщательно исследует соотношение идей Маркса и Гегеля в понимании природы труда, отношения Э. Дюркгейма, Ю. Хабермаса, Г. Маркузе, М. Вебера к социологическим концепциям Маркса. Социолог Б. Кеннон исследует нормативное содержание критической теории,

анализируя в основном идеи Маркса: особое внимание уделено критике Марксом идеализма Гегеля, капитализма и политической экономии, критике морали и практики эксплуатации [6]. Кеннон критикует трудовую теорию стоимости Маркса, положение о том, что капитал есть отчужденное выражение труда. Аргументация строится посредством обоснования ее неуниверсальности. Утверждается, например, что в труде «Капитал» Маркс колеблется между транс-историческим и историческим исследованием труда, не делая решающего выбора. Б. С. Тернер, исследуя концепции классической социологии, отмечает, что Маркс, Ницше и Вебер по-разному осмысливали проблему существования человека в промышленном обществе, где разрушался традиционный мир церковных институтов и моральных ценностей, мир политики и сельскохозяйственной экономики. Что касается Маркса, то он создал теорию отчуждения людей от самих себя и от общества, которая анализируется Тернером в аспектах функционирования денег, рационализации общественных отношений [7, с. 158].

Дж. Макмертри отмечает, что высказываются радикально различные оценки позиций Маркса по разнообразным вопросам философии и социальной мысли. В сфере онтологии обсуждается вопрос о том, является ли Маркс в действительности философским материалистом, и если да, то в чем специфика его материализма. В области эпистемологии выясняется, корректно ли характеризовать его позицию как наивный реализм или прагматизм. Осмысляется, каковы, по Марксу, природа и место этики в философской и социальной мысли. В методологии оказалось проблемой выяснение того, является ли методология Маркса нормативной. Проблемный статус приобрело понимание своеобразия диалектики Маркса: является ли она метафизической или эвристической. Относительно политической теории Маркса важно понять, есть ли основания соотносить ее принципы с анархистской, демократической или тоталитарной теориями политики [8, с. 5].

Принимая во внимание наличие в современной науке и философии острых дискуссий о творчестве Маркса, проясним специфику рациональности его научных исследований. Понятие рациональности научного исследования включает в свое содержание такие виды его регулирования, как логичность и методологичность, аксиологичность и телеономичность. Требования логических законов тождества и противоречия (закона исключения логических противоречий) неукоснительно выполняются в текстах Маркса.

Исключения логических противоречий, возникающих между дедуктивными сингулярными следствиями экономической теории и эмпирическими фактами накопления капитала и обмена товарами, заботили автора «Капитала» в течение всего времени его творчества.

Осмысляя специфику научной рациональности физики своего времени (рубеж XIX–XX вв.), А. Пуанкаре, например, отмечал, что для поверхностного наблюдателя научная истина несомненна. Источником ошибок полагалось нарушение логических правил. Представлялось, что научные истины выводятся из очевидных предложений посредством непогрешимых рассуждений, позволяя делать выбор между возможными решениями с помощью опыта. Так понимали роль опыта и математики в происхождении научной достоверности не только учащиеся рубежа XIX–XX вв., но сто лет тому назад и многие ученые. В действительности и математик, и экспериментатор не могут обойтись без гипотезы. Осмысление роли гипотезы в научном исследовании привело французского ученого к выводу: «... она не только необходима, но чаще всего и законна» [9, с. 7]. Это методологическое наблюдение Пуанкаре показывает, что нормы логики не составляют всего содержания рациональности научного исследования.

Нормы методологии науки – другая существенная система организации научного исследования, его рациональности. Например, рациональность геометрии Евклида не сводится к реализации требований законов логики. Новизна теории состояла в том, что был изобретен аксиоматический метод организации геометрических знаний. Нормы этого метода не сводятся к законам логики, его содержание составляют методологические требования изобретения языка, необходимого и достаточного для формулировки системы аксиом, требования автономности каждой аксиомы в системе, полноты системы аксиом. Методологичность научных исследований Маркса целесообразно осмыслить в процессе развития методологии. Ее формирование исторически связано с критическим освоением философских идей. Методология научных исследований Маркса вырабатывалась в ходе критики идеалистической диалектики Г. Гегеля и антропологического мышления Л. Фейербаха.

Логическая идея всеобщей сущности вещей постулируется Гегелем как единственная субстанция-субъект самопознания. Системность, историзм, идея развития и идея конкретного, понятия в-себе-бытия и для-себя-бытия последовательно применяются для построения системы

спекулятивного знания. Различие, утверждение, отрицание, отрицание отрицания – принципы диалектического метода мыслительного восхождения от чистого бытия к абсолютному знанию. Различие выявляется при рассмотрении предмета во времени. Пространственные отношения сосуществования исключаются из рассмотрения. Возникающее в результате развития определенное целостное явление есть то особенное, которое понимается как синтез двух предшествовавших во времени ступеней развития. Время избрано как форма осмысления явлений, которые самостоятельны только как нечто преходящее. По отношению к абсолютному они есть только его моменты.

В спекулятивной философии Гегеля все специфически доказывается. Оправдание утверждения можно понять как опровержение его противоположности. Диалектическое мышление предполагает опровержение своих утверждений. Диалектическое оправдание концепции предполагает опровержение ее противоположности. Для «Логики» Гегеля абсолют положен как нечто истинное. Абсолютная логическая идея всеобщей сущности вещей формально доказывается, но имплицитно полагается как абсолютная достоверность. Бытие как логическое есть непосредственность идеи. Философия, по Гегелю, «хочет познать неизменное, вечное, сущее само по себе; ее цель – истина» [10, с. 74]. Философия осмысляется как объективная наука об истине, наука необходимости истины. Но отношение философа к пониманию истины своеобразное. Убеждение, что «в знании заключается истина» оценивается им как «издавна укоренившийся предрассудок» [10, с. 81]. Истина познается лишь в процессе размышления, только посредством работы мысли. Цель философии – постигать истину в мысли, посредством понятий. Философ убежден, что «в движении мыслящего духа есть существенная связь, и в нем все совершается разумно» [10, с. 81]. Демаркационная функция понятия ноумена, как ее понимал И. Кант, этим сведением познания к мышлению устраняется. Исходный пункт и конечная цель так понятой философии есть убеждение, что единая истина есть источник, из которого истекает все другое (законы и явления природы, жизни, сознания), являющееся отражением этого источника. Философия должна свести это все другое к единому источнику, чтобы понять, как оно выводится из этого источника. Следовательно, единая истина есть мысль, определенная в себе. Понятия развития и понятия конкретного необходимы для понимания данной концепции.

Осмысля философию как познание развития конкретного, Гегель концептуально воспринимает восхождение духа от состояния единичного, конечного сознания к состоянию внутри себя всеобщего конкретного духа. Поступательное развитие духа происходит становлением для себя предметом, воплощается в богатстве своих форм во всемирной истории: «В этом процессе развития случается поэтому, что одна форма, одна ступень идеи осознается одним народом, так что данный народ и в данное время выражает лишь данную форму, в пределах которой этот народ строит свой мир и совершенствует свое состояние; более же высокая ступень появляется, напротив того, спустя много веков у другого народа» [10, с. 95]. Мысль, определенная в себе, представляется единым источником, из которого выводятся все законы и явления. Целью философии как познания развития конкретного определяется сведение всех законов и явлений к этому единому источнику, чтобы осмыслить их из него. Понятие развития оказывается важнейшим: когда оно «сделается для нас ясным, то все остальное будет вытекать само собою» [10, с. 85]. Существующее в себе конкретно в себе, заключено в первоначальном едином, содержащем различия в себе. Это осмысляется как внутреннее противоречие, как движущая сила развития, производящая различия, которые упраздняются, чтобы быть в едином. В новой форме различается то, что было единым. В процессе движения различия есть нечто исчезающее, производящее конкретное единство. Различия не исключают друг друга, а образуют конкретное. Материя, например, дискретна и непрерывна. Дух в своей необходимости обретает свободу. Свобода без необходимости абстрактна, противоположна себе. Результат развития одной ступени есть начало другой ступени. Оформленное состояние есть содержание для новой формы.

Понятие, в котором дух осознал себя, есть достигнутое оформленное бытие духа. Оно на новой ступени снова становится предметом духа, принимает новую форму, новое определение мысли. Так деятельность мысли по-новому формирует то, что было сформировано, делает его определеннее, развитее. Этот ряд процессов развития Гегель представляет как «возвращающийся в себя круг, который имеет своей периферией значительное количество кругов, совокупность которых составляет большой, возвращающийся в себя ряд процессов развития» [10, с. 91]. Логическая идея всеобщей сущности вещей осмыслена философом как конкретная

в себе, развивающаяся органическая система, целостность. Она содержит в себе множество ступеней и моментов. Философия, развивающееся мышление посредством понятий познает это развитие идеи в своей истории. Логическая идея понимается как центр, который является периферией. Она имманентна внутри себя, есть система необходимости и свободы. Возникновение ступеней в развитии философской мысли происходит либо с сознанием необходимости определения новой формы на основе предшествующей, либо без такого сознания. Философ исходит из того, что «последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи» [10, с. 91]. Системы философии в чистом виде есть различные ступени определения идеи в ее логическом понятии.

Предметная истинность мышления с необходимостью соотнесена с практикой человека, которая и выражает его действительность. Практика как исторический процесс производства и воспроизводства жизни человека и общества осмыслена как единственная социальная субстанция-субъект всех социальных изменений. В этом состоит ее революционная природа, определяющая процесс саморазвития человека и общества. Наличное состояние практики («обстоятельства») изменяется посредством активной деятельности людей.

Материалистическое понимание практики осмыслено универсально. Оно является принципом объяснения изменений всего множества общественных отношений, всех изменений сознания людей. Противоречивость практики как процесса производства и воспроизводства жизни человека и общества определяет противоречивость общественных отношений, состояния и смену состояний сознания общества, его различных видов. Маркс посредством исторических, социологических и экономических исследований осмысляет деятельный процесс жизни, поэтому он не является сторонником того эмпиризма, в контексте которого история представляется собранием мертвых фактов. Он ясно понимает, что действительная положительная наука начинается там, где прекращается спекулятивное мышление. Ни догматический эмпиризм, ни спекулятивное мышление не являются методологическими выборами автора «Капитала».

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – докторов наук

по теме «Национальная система экспертных сообществ и процесс социализации научной молодежи в условиях обострения цивилизационного противостояния» (МД-190.2017.6).

Список литературы

1. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 65–185.
2. Karl Marx's Social and Political Thought : Critical Assessment : in 8 vols. / Vol. V. Marx's Life and Theoretical Development / eds. B. Jessop, R. Wheatley. L. ; N.Y., 1999. 695 p.
3. Башиляр Г. Новый рационализм. М., 1987. 376 с.
4. Theory of society : Foundations of modern sociological theory : in 2 vols. / eds. T. Parsons, E. Shils, K. D. Naegle, J. R. Pitts. N.Y., 1961. Vol. I. 682 p.
5. Giddens A. Politics, sociology and social theory. Encounters with classical and contemporary social thought. Santa Clara, 1995. 304 p.
6. Cannon B. Rethinking the normative content of critical theory : Marx, Habermas and beyond. N.Y., 2001. 211 p.
7. Turner B. S. Classical sociology. L., 1999. 291 p.
8. McMurtry J. The Structure of Marx's World-View. N. J., 1978. 284 p.
9. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 7–152.
10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 11 кн. СПб., 1993. Кн. 1. 349 с.

Образец для цитирования:

Мартынович С. Ф., Орлов М. О. Проблематизация вопроса рациональности в научных исследованиях Карла Маркса: историко-философские основания философии науки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 393–398. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-393-398>

Problematization of a Question of Rationality in Scientific Research of Karl Marx: Historical and Philosophical Bases of Philosophy of Science

S. F. Martynovich, M. O. Orlov

Sergey F. Martynovich, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, smart@mail.ru

Mikhail O. Orlov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, orok-saratov@mail.ru

The article is devoted to consideration of problems of rationality in Karl Marx's philosophy. The analyzed list of problems of scientific rationality includes the problems of logic, methodology and axiology of social and economic researches. The research for a dialectic method of idealistic philosophy and anthropological thinking precedes the historical novelty of dialectics-materialistic methodology of Marxism. It promoted creation of the complete concept of essence of the person, socio-historical process. In a research it is established that the concept of spontaneous process of thinking offered by Hegel was considerably rethought by Marx and in the context of the idea of social matter it was applied to knowledge of world history, society, capitalist production. Marx's researches of the person and society are characterized by the historicism and the idea of development. Marx transformed tradition of materialism by means of use of the idea of self-development to understanding of the nature, society, the person, world history. The materialistic understanding of practice as process of production and reproduction of human life and society was a basis of materialistic understanding of history. Rejecting irrationalism as outlook, he looked for possibilities of understanding of the nature, society, the person, world history on the rational bases, by means of a scientific rational and empirical research. The idea of progressiveness of development was comprehended by him as the constructive principle of outlook. The

authors of the article solve a problem of interpretation of the status of scientific character of Karl Marx's researches and establish what aspects of scientific creativity were basic for the philosopher. The constructibility of the methodological requirement of comprehension of history which always needs to be considered in interrelation with the economic relations is investigated.

Key words: science philosophy, theory of knowledge, history of philosophy, dialectician Marx, Hegelianism, materialistic understanding of history, social activity, development, social relations, scientific rationality.

Acknowledgements: Article is prepared within Grant of the President of the Russian Federation for support of young Russian scientists – doctors of science on the subject “The National System of Expert Communities and Process of Socialization of Scientific Youth in the conditions of Aggravation of Civilization Opposition” (MD-190.2017.6).

References

1. Marx K. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons «Philosophie des Elends» // Marx K. und Engels F. Werke : in 20 Bd. Berlin, 1977. Bd. 4. S. 63–182 (Russ. ed.: Marks K. Nishcheta filosofii. Otvet na «Filosofiyu nishchety» g-na Prudona. Marx K., Engels F. Soch.: v 50 t. 2 izd. Moscow, 1955, vol. 4, pp. 65–185).
2. Karl Marx's Social and Political Thought: Critical Assessment: in 8 vols. Vol. V. Marx's Life and Theoretical Development. Eds. B. Jessop, R. Wheatley. London, New York, 1999. 695 p.
3. Bachelard G. *Le Nouvel esprit scientifique*. Paris, 1933. 183 p. (Russ. ed.: Bachelard G. Novyy ratsionalizm. Moscow, 1987. 376 p.).

4. *Theory of society: Foundations of modern sociological theory*: in 2 vols. Eds. T. Parsons, E. Shils, K. D. Naeyele, J. R. Pitts. New York, 1961, vol. I. 682 p.
5. Giddens A. *Politics, sociology and social theory. Encounters with classical and contemporary social thought*. Santa Clara, 1995. 304 p.
6. Cannon B. *Rethinking the normative content of critical theory: Marx, Habermas and beyond*. New York, 2001. 211 p.
7. Turner B. S. *Classical sociology*. London, 1999. 291 p.
8. McMurtry J. *The Structure of Marx's World-View*. New Jersey, 1978. 284 p.
9. Poincare H. *Science and Hypothesis*. London, New York, 1905. 244 p. (Russ. ed.: Poincare H. *Nauka i gipoteza*. Poincare H. *O nauke*. Moscow, 1983, pp. 7–152).
10. Hegel G. W. F. *Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie I* // Hegel G. W. F. *Werke*: in 20 Bd. Frankfurt am Main, 1986. Bd. 18. 560 S. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Lektsii po istorii filosofii*: v 11 kn. St. Petersburg, 1993. Kn. 1. 349 p.).

Cite this article as:

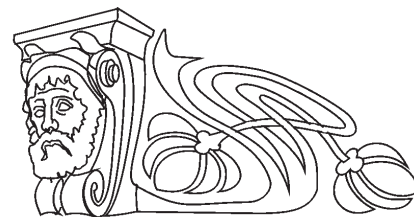
Martynovich S. F., Orlov M. O. Problematization of a Question of Rationality in Scientific Research of Karl Marx: Historical and Philosophical Bases of Philosophy of Science. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 393–398. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-393-398>

УДК 130.2

КУЛЬТУРА ПРЕОДОЛЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ

А. И. Мацына

Мацына Андрей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Челябинск), докторант кафедры философии, Челябинский государственный университет, matsyna@inbox.ru

Статья посвящена исследованию феномена преодоления как трансцендирования человеческого бытия и формированию культуры преодоления. Формирование культуры преодоления определяется как комплексная разработка содержания совокупного опыта человечества по трансцендированию и одухотворению реальности. Автор развивает созданную им концепцию метафизики преодоления, моделирующую динамизм духовного пространства личности, используемый различными историческими формами культурного снятия дихотомии жизни и смерти. На основе источниковой базы, включающей инициатические, некрологические источники и философско-танатологические концепции, последовательно реконструируются и раскрываются особенности эзотерической культуры преодоления. К отличительным особенностям эзотерической культуры преодоления относятся возвратная онтология, комплекс реинкарнационных представлений, особенный онтологический статус принципа души, доминирование аналогового восприятия, линия абсолютного «нечто», восприятие человека как прямого проявления абсолютного принципа. Религиозно-эзотерическая культура преодоления соотносится с мистическим способом мировосприятия и архаическими традициями воинов, создает уникальное духовное пространство, которое во многом определяется идеей мистериального преодоления дихотомии жизни и смерти и насыщения индивида метафизической полнотой бытия.

Ключевые слова: преодоление, метафизика преодоления, культура преодоления, религиозно-эзотерическая танатология, смерть, дихотомия жизни и смерти, традиции воинов, обряды перехода, инициация, мистика.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-399-403>

Антропологический кризис приводит к необходимости углубленного осмысления человеческой способности преодоления самоограниченности в соответствии с высшими духовными ценностями. В философско-антропологических трудах М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, А. Бергсона уникальность человеческого существа раскрывается в динамике культурного преодоления внешних и внутренних вызовов. Это направляет к комплексной разработке содержания совокупного опыта трансцендирования, одухотворения

реальности с целью формирования культуры преодоления как элемента человеческого бытия.

Философское осмысление культурного снятия оппозиции жизни и смерти позволило автору сформировать метафизику преодоления – динамическую модель духовного пространства личности как отношения имманентности части к трансцендентности целостного бытия. Основанием такой модели явилась генерализация смысла культурного преодоления дихотомии жизни и смерти, представленного ее разными вариантами.

Данное исследование посвящено особенностям религиозно-эзотерической культуры преодоления, представленной несколькими группами источников: во-первых, это результаты осмысления мифологической основы древней погребальной обрядности; во-вторых, источники, связанные с инициатическими учениями брахманизма, иудаизма, древней Месоамерики, суфизма, европейского герметизма и средневековой европейской алхимии, средневековые японские трактаты, посвященные «пути воина» и их современная интерпретация; в-третьих, это источники, связанные с древнеегипетскими, древнеиндийским, майянским и тибетско-ламаистским заупокойными культурами. И, наконец, это работы зарубежных и отечественных исследователей и сторонников эзотеризма в рамках интегрального традиционализма. Религиозно-эзотерический традиционализм реанимирует архаическое холистски-целостное преодоление дихотомии жизни и смерти и базируется на представлениях о человеке как проявлении (манифестации) Абсолюта в материальной периферии бытия. Символическое увязывание смерти с периодами манифестации и деманифестации Абсолюта служит основой разработки возвратной онтологии в концепциях вечного возвращения, космического обновления, священного года (Г. Вирт), имманентного (перманентного) воскресения (А. Дугин) и соотносится с основополагающим значением новогоднего праздника в индоевропейском (Ф. Б. Кейпер) и более позднем, скифском (Б. Шишло) мифе и ритуале.

Возвратная культура преодоления базируется на ассоциативной природе мифа и является своего рода «открытой» системой, требующей расширения исследовательских границ.

К. Г. Юнг усиливает эвристику, представив коллективное бессознательное как бездонный «потусторонний» душевный мир в своих ранних *Septem Sermones ad mortuos*. Более радикален в этом отношении интегральный традиционализм с идеей «изначальной традиции» (Р. Генон), соотносящейся с концепцией Мономифа [1]. Генон обращается исключительно к внутреннему ядру духовных традиций, дистанцируясь от любых неортодоксальных и модных интеллектуальных течений; эту линию концептуально развивает А. Дугин, считая полноценной эзотерикой лишь древние манифестационистские корни живых религиозных традиций в мистических течениях каббалы, суфизма и герметизма [2, с. 226]. Сложность работы с архаической подоплекой духовных традиций связана с их аналоговой спецификой, ориентирующей на многоуровневое смысловое пространство, передающееся через контекст. Категории интегрального традиционализма помогают охарактеризовать особенности религиозно-эзотерической культуры преодоления.

Яркой особенностью религиозно-эзотерической культуры преодоления является комплекс реинкарнационных представлений. Следует отметить, что современный реинкарнизм формируется на основе обыденного мировосприятия и является онтологически противоречивой реминисценцией традиционных представлений. Древние комплексы подобных представлений в брахманизме, орфизме, пифагореизме дошли до нас отнюдь не в аутентичной передаче, искажены уже в древности и могли быть значительно сложнее. Современные реинкарнационные представления о внутреннем обновлении души как трансцендентальном акте смены телесных оболочек можно понимать как профанированное экзотерическое выражение надежды на мистериальное перерождение [3, с. 148].

Религиозно-эзотерическая мысль определяет онтологический статус души и тела в «парадигме сферы» [4, с. 38–53]. Человек воспринимается как манифестация, прямое проявление трансцендентного принципа в периферийных слоях бытия. Например, адвайто-ведантистская концепция высшего тождества («атман есть брахман») определяет дух, присутствующий в человеке, как Абсолют. Принцип души раскрывается как некое присутствие трансцендентного в имманентном и дополняется концепциями тотальной сущностной метаморфозы и имманентного воскресения [2, с. 196]. Особенности такого восприятия мира отражает аналоговый уровень человеческой психики, доминирование которого заменяет логическое восприятие алогичным скольжением внимания по рельефу бытия с последующим

воспроизведением целостного бытийного узора. Любая вещь получает статус многомерной реальности со множеством инаковых значений. Природа суждения здесь качественно изменяется, поскольку отрицание уже не знает абсолютного «ничто», доминирующего в рациональных пластах психики. Абсолютное «ничто» растворяется аналоговым уровнем восприятия в многомерном абсолютном «нечто». Изъятие любого элемента из бытийного узора изменяет его немедленной компенсацией отсутствующего элемента. Поэтому и состояние *post-mortem* соотносится с представлением не об «абсолютной гибели», а о метаморфозе, означая «инобытие того же самого, либо иного» [5, с. 290]. Иными словами, креационистская линия абсолютного «ничто» заменяется здесь манифестационистской линией абсолютного «нечто».

Религиозно-эзотерическая культура преодоления соотносится с мистикой как особым типом рациональности, корни которой лежат в бессознательных, безречевых слоях человеческой психики. В отличие от рассудка, воспринимающего многообразие и разобщенность мира, мистическое переживание улавливает изначальное единство всех вещей. Идею мистериального пути как поиска «истины и реальности, выходящей за пределы чувственной и интеллектуальной сфер» [6, с. 145], так или иначе, принимают все религиозно-эзотерические концепции. Стоит заметить, что интегральный традиционализм исключает из состава конспирологические контаминации религиозно-эзотерической мысли, связывающие идею мистериальности не с таинством, а с оккультностью, тайной и конспирацией. Эти контринициатические формы мистериальности направлены на деформацию и разрушение духовного мира личности [7, с. 30, 345]. Они составляют антитезу религиозно-эзотерической культуре преодоления как приобщения индивида к Абсолюту и метафизической реализации человека.

В связи с обсуждаемой проблематикой интерес представляют эмпирические матрицы переживаний, открытые психологией глубин. Перинатальная матрица содержит такие переживания смерти и возрождения, которые эмоционально напоминают ритуально-инициатические. Трансперсональная матрица фиксирует «ощущения исчезновения грани между обыденным и священным», когда «факт индивидуальной гибели теряет весь свой трагизм» [8, с. 142]. С этими прозрениями связаны такие изменения жизненных координат и ценностных ориентаций, как сдвиг от оперирования крупномасштабными периодами к установке «жить сегодняшним днем».

Это соотносится с эпикурейскими и стоическими установками, с традиционными «путями воина» и характерным для них приятием факта смерти и отрешенным пониманием абсурдности стремления к бренным ценностям. Психология глубин описывает сложные динамические образы сознания как метаморфический переход через уровни многомерного бытия. Это сближает образы из «книг мертвых» и посвячительных ритуалов с матрицами глубинного сознания. Безречевые образования, составленные из спаянных воедино образов, представляющих «что-то вроде...» (Г. Бейтсон), составляют основу аналогового слоя психики. Вероятно, нерасчленимый образно-смысловой ряд, связывающий категории смерти и трансформации, был эмпирически открыт в глубокой древности и стал основанием символической схемы обретения жизни через преодоление смерти.

Глубинные матрицы архаического слоя сознания сопоставимы с обрядами «перехода» (А. Ван Геннепп). Иррациональный инициатический ритуальный переход от смерти к возрождению стал нерассудочной основой культуры преодоления в древних мистериях. Нерассудочность и неизреченность такого опыта заставила сформировать визионерский подход (К. Кастанеда) к постижению мифа с целью осмысления мистического контекста. Мистический контекст описания «точки разрыва» между жизнью и смертью объединяет концепции К. Кастанеды («Дар Орла», «Огонь изнутри») с учениями Дж. Бруно («О героическом энтузиазме»), Юдзана Дайдодзи («Будосесинсю»), Ямамото Цунэтомо («Хакагурэ»), Юкио Мисимы («Хакагурэ Нюмон») общим онтоантропологическим моментом. Феномен смерти вписан здесь в изменчивый рельеф текущей человеческой жизни. Балансирование «на грани» заставляет воспринимать каждый миг жизни как последний, в его максимальной энергийной насыщенности. Каждое мгновение жизни наполняется экзистенциально напряженным содержанием, в котором время перестает играть существенную роль. На узкой полоске бега «человека преодолевающего» по сию сторону порога трансцендентности, проведенного перманентным присутствием смерти, выстраивается философия «бесформенного абстрактного воина» (К. Кастанеда) двух видов: по отношению к способу преодоления. Один нивелирует абсурд ограниченного телесного существования безоговорочным принятием печали бытия, выбирая «слезы и смерть». Другой выбирает «смех и жизнь» в своем стремлении к метафизической реализации. Апофатизм бесконечности перемещается в границы конечного, совмещаясь с имма-

нентной духовностью субъекта, воспаряющей кверху потенциальных трансцендентных возможностей, в то время как телесность склоняет лишь к одной, да и то не всегда актуальной. В этой трансцендентности, рвущейся из ограниченного тела, человеческая жизнь приобретает скромный, но «шанс получить шанс» метафизической реализации. А единственно правильным выходом абстрактного воина становится вбросить себя в поток бытия, в безупречное действие, в борьбу, вызывая в бесстрашном вызове конечности жизни: «*canta y no llores*»....

На путях «великого делания», «абстрактного воина», самурая компромисс с ограниченной телесностью жизни жертвуется «в пользу нищих духом и слабым телом» [9, с. 58–59]. Антителической порыву «человека преодолевающего» оказывается единственная «нетойная» ситуация, предоставленная «человеку небытия» [10] в качестве противоположного варианта философского отношения к жизни. Противоположные позиции «человека преодолевающего» и «человека небытия» сближаются в трансцендировании реальности путем некоего утвердительно отрицания смерти. Такой способ преодоления конечности жизни путем сведения ее к неочевидности и активного привлечения символики смерти как атрибута бесконечности закрепляется в инициатической культуре преодоления и находит свое максимальное выражение в традициях воинов. Воинские практики абстрактного помещения смерти «у себя за спиной» (К. Кастанеда) направлены на усиление положительных иррациональных нерассудочных жизненных восприятий. Этот опыт характеризуется космичностью, неизреченностью, интуитивностью, кратковременностью, насыщенностью, скоротечностью и динамичностью и может быть определен как мистический. Он соотносится с дильтеевским пониманием жизни как взаимосвязи части и целого в непосредственном переживании реальности, которая не может быть определена, обоснована и освоена полностью, но «простирается до неразличимых глубин нашего естества», когда «все существующее как таковое дано лишь в настоящем» [11, с. 132].

Полноценное осознание каждого мига жизни приводит к тотальному примирению со смертью, которое является сутью различных духовных практик, древних мистерий и ритуалов перехода. Индивидуация бессознательного, связанного с категорией смерти, не может не приводить к идее мистериальности [8, с. 282], к пути алогичного преодоления сознанием трансцендентной пропасти между жизнью и смертью. Алогичный фон задается аналоговым уровнем сознания как

полноправным его рассудочному уровню. Такая амбивалентность психики позволяет мифологическому сознанию преодолеть «черную яму» феномена смерти, перескакивая привязанность к чувственному миру и следуя «по дороге жизни даже в момент смерти» [12, с. 302].

Выстраивается обратная причинная связь от проявлений бессознательного как особой реальности, дающая основание воспринимать сознательный мир как род кажимости. Беспощадное событие смерти, *sub specie aeternitatis*, оказывается неординарным событием обретения полноты бытия. Такой подход устраняет зияющий провал абсолютного «ничто» в сознании, а в культурной символике архетипы смерти и трансформации занимают едва ли не первое место. Уже примитивные родоплеменные учения включают в свой состав такие коллективные содержания, а мистические традиции имеют дело с их культурно переработанными смыслами: смерти как мистического слияния противоположностей; аллегории «жизненной смерти» как воскрешения души [13]; символики философского камня как центрального образа трансмутационной практики; образа целостного, живого и метаморфичного космоса, начало которого есть одновременно и конец вещества как живого, его физическая деструкция и смерть [14, с. 153].

Таким образом, религиозно-эзотерическая культура преодоления базируется на онтологии возврата и создает уникальное духовное пространство. Его существенными характеристиками являются принцип сакрализованной телесности, трансцендентный фактор души и метафизика абсолютного «нечто». Это специфическое духовное пространство неразрывно связывает мировоззрение и языковые средства его выражения в эзотерической культуре преодоления, которая во многом определяется идеей

мистериального преодоления оппозиции жизни и смерти. Религиозно-эзотерическая культура преодоления связана с трансцендированием бытия путем насыщения индивидуального и ограниченного онтологического пласта действительной жизни метафизически абсолютной потенциальностью бытия.

Список литературы

1. Зубко Г. В. Миф как составная часть общечеловеческого духовного фонда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2001. № 3. С. 3–17.
2. Дугин А. Г. Философия традиции. М., 2002. 624 с.
3. Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М., 1996. XVI+188 с.
4. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002. 418 с.
5. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. 352 с.
6. Гуревич П. Мистика как культурная традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 136–145.
7. Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997. 408 с.
8. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти / пер. с англ. А. И. Неклесса. М., 1996. 244 с.
9. Сенцов С. Философия жизни Юкио Мисимы // Филологос. М., 1999. № 1. С. 53–60.
10. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 158–165.
11. Дильтей В. Категория Жизни // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 129–143.
12. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. Л. Булкиной. Киев, 1994. 405 с.
13. Юнг К. Г. *Mysterium coniunctionis* / пер. с нем. О. О. Чистякова. М. ; Киев, 1997. 688 с.
14. Рабинович В. Л. *Vita mortua* и ее конструктор // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 151–154.

Образец для цитирования:

Мацына А. И. Культура преодоления в религиозно-эзотерической танатологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 399–403. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-399-403>

The Culture of Overcoming in Religious Esoteric Thanatology

A. I. Matsyna

Andrey I. Matsyna, Branch of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin" in Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, matsyna@inbox.ru

The article is dedicated to the study of the phenomenon of overcoming as the transcendence of human existence and the shaping of the

culture of overcoming. The shaping of the culture of overcoming is defined as integrated content development of mankind's total experience in transcending and spiritualizing the reality. The author develops his own concept of metaphysics of overcoming that models an individual's spiritual space dynamism and is used throughout history for the cultural removal of the life and death dichotomy. The esoteric culture of overcoming is reconstructed and revealed on the foundation of a source base that includes initiatory, necrological sources and philosophical-thanatological concepts. The distinctive features of the esoteric culture of overcoming are the return ontology, the complex of reincarnation notions, the special ontological status of corporeality and soul, the dominance of analog perception, the line of absolute

“something”, the perception of man as a direct manifestation of the absolute principle. The religious esoteric culture of overcoming correlates with the mystical way of the world perception and the archaic traditions of warriors. The religious esoteric culture of overcoming creates a unique spiritual space that is largely determined by the idea of mystical overcoming of the life and death dichotomy and endowing the individual with the metaphysical completeness of existence.

Key words: overcoming, the metaphysics of overcoming, the culture of overcoming, religious and esoteric thanatology, death, dichotomy of life and death, traditions of warriors, rites of transition, initiation, mysticism.

References

- Zubko G. V. Mif kak sostavnaya chast obshchechelovecheskogo dukhovnogo fonda [Myth as an integral part of the universal spiritual fund]. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 13. Vostokovedeniye* [Bulletin of Moscow University, Ser. 13. Oriental Studies], 2001, no. 3, pp. 3–17 (in Russian).
- Dugin A. G. *Filosofiya traditsii* [Philosophy of tradition]. Moscow, 2002. 624 p. (in Russian).
- Kurayev A. *Ranee khristianstvo i pereseleniye dush* [Early Christianity and the transmigration of souls]. Moscow, 1996. XVI+188 p. (in Russian).
- Dugin A. G. *Evolyutsiya paradigmnykh osnovaniy nauki* [The evolution of the paradigmatic foundations of science]. Moscow, 2002. 418 p. (in Russian).
- Kosarev M. F. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya* [Fundamentals of pagan worldview]. Moscow, 2003. 352 p. (in Russian).
- Gurevich P. Mistika kak kulturnaya traditsiya [Mysticism as a cultural tradition]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 1994, no. 5, pp.136–145 (in Russian).
- Konets Sveta (eskhatologiya i traditsiya)* [End of the World {eschatology and tradition}]. Moscow, 1997. 408 p. (in Russian).
- Grof S., Halifax J. *The Human encounter with Death*. New York, 1978. 240 p. (Russ. ed.: Grof S., Halifax J. *Chelovek pered litsom smerti*. Per. s angl. A. Nekless. Moscow, 1996. 244 p.).
- Sentsov S. *Filosofiya zhizni Yukio Misimy* [The philosophy of life of Yukio Mishima]. *Filologos* [Filologos], 1999, no. 1, pp. 53–60 (in Russian).
- Chanyshv A. N. *Traktat o nebytii* [Treatise on non-existence]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 1990, no. 10, pp.158–165 (in Russian).
- Dilthey W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. In: *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse*. Berlin, 1910. S. 1–123. (Russ. ed.: Dilthey W. *Kategoriya Zhizni*. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 10, pp. 129–143).
- Jung C. G. *Erinnerungen, Träume, Gedanken*. Zürich, 1962, 422 p. (Russ. ed.: Jung C. G. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya*. Per. s nem. I. Bulkinoy. Kiev, 1994. 405 p.).
- Jung C. G. *Mysterium Coniunctionis: Utersuchung uber die Trennung und Zusammensetzung ger seelishen Gegensatre in der Alchemie*. Parts I и II. Zurich, 1955–1956. 670 p. (Russ. ed.: Jung C. G. *Mysterium coniunctionis*. Per. s nem. O. O. Chistyakova. Moscow, Kiev, 1997. 688 p.).
- Rabinovich V. L. *Vita mortua i ee konstruktor* [Vita mortua and her designer]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 1995, no.10, pp.151–154 (in Russian).

Cite this article as:

Matsyna A. I. The Culture of Overcoming in Religious Esoteric Thanatology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 399–403. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-399-403>

УДК 177

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ, ВОДЫ И СЕМЯН: ФИЛОСОФИЯ ВАНДАНЫ ШИВЫ

И. В. Михель

Михель Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), irinamikhel@yandex.ru

Вандана Шива – одна из лидеров современного альтер-глобализма, ученый, эколог, общественный деятель, руководитель фонда «Навдания», ведущего работу по сохранению биологического и культурного разнообразия в Индии. Шива – автор более десятка работ, в которых она излагает свою критику глобализации, которую считает несправедливой для Индии и других стран Третьего мира. Шива доказывает, что на протяжении всех пяти веков, что продолжается глобализация, Запад расхищал природные богатства третьего мира, а в настоящее время это приняло форму научно-технической и коммерческой эксплуатации земли, воды и семян культурных растений, которую осуществляют транснациональные корпорации и связанные с ними политические элиты развивающихся стран. Согласно воззрениям Шивы, народы третьего мира, добившись политической независимости, все еще не стали в подлинном смысле свободными. Истинное освобождение предполагает освобождение не только человека, но и всей природы, частью которой он продолжает быть. Необходимо освобождение земли, воды и семян, которые, перестав быть народным достоянием, превратились в глобальный экономический ресурс. Философские идеи Шивы являются составной частью современных дискуссий о демократии и свободе, которые инициируются интеллектуалами стран третьего мира.

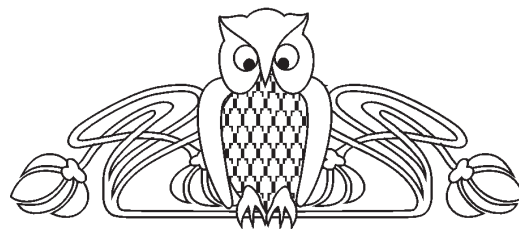
Ключевые слова: Вандана Шива, Индия, Третий мир, глобализация, философия, свобода, земля, вода, семена.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-404-409>

Несправедливость глобализации для Третьего мира

Вандана Шива обратилась к философии в начале 1980-х гг., после того, как вернулась в Индию из Канады, где получила ученую степень по физике. Начав работать в Национальном институте науки в Бангалоре, она сосредоточила внимание на вопросах национальной научно-технической и экологической политики, что позволило ей лучше осознать, как такая политика реализуется в Индии. С одной стороны, она увидела, что «вестернизированное» индийское правительство стремится к модернизации общества и экономическому росту, с другой – ей открылось, какую реакцию это вызывает «снизу».

Серьезным откровением для нее стало знакомство с движением Чипко, возникшим в Гархвале, предгорьях индийских Гималаев, на

территории ее родного штата Уттаракханд, в начале 1970-х гг. Чипко – «обхватыватели деревьев» – включало сотни сельских женщин, вставших на защиту девственных лесов севера. Закрывая деревья своими телами, они на протяжении месяцев не позволяли рабочим лесозаготовительных компаний вести вырубку леса на земле, исконно принадлежавшей их общинам. Вскоре Чипко распространилось по всей Индии, и требования его лидеров было донесены до правительства, которое согласилось пойти на уступки, ограничив масштабы вырубki леса. Чипко было движением за сохранение традиционных прав общин на пользование лесом, но Шива увидела в нем и новую форму экологического движения, возникшего в недрах индийского общества. Анализируя значение Чипко для судеб Индии и всего Третьего мира, Шива пришла к важным научным выводам, которые впоследствии вылились в ее оригинальную философию [1, 2].

Шива отметила, что Чипко не было исключительным случаем. В истории своей страны она нашла примеры того, как простые крестьяне, обычно женщины, вставали на защиту лесов, рек и земли, когда им угрожало уничтожение – как во времена британского владычества, так и в период независимости. Она увидела, что эта защита традиционно принимала формы ненасильственных действий, в духе Ганди. Она была вынуждена признать, что угроза лесам, речным водам и почве является перманентной, поскольку как Британская империя, так и национальное правительство, разделяющее ценности западного капитализма, видят в природных богатствах страны источник наживы и никак не связывают их существование с выживанием местного населения, для которого леса, воды и почва – это не столько материальный ресурс, сколько основа традиционной культуры и всего существования. Свои наблюдения она изложила в монографии «Остаться в живых», ставшей ее первым серьезным исследованием национальной философии, касающейся взаимоотношений сельского общества и природы [3].

В движении Чипко Шива увидела реальное воплощение экологического социализма – подлинную альтернативу современному капитализму, колониализму и глобализации. Дочь ин-

дийского лесника и крестьянки, она не только поддержала Чипко, но и выступила с критикой всех тех проявлений глобализации, что несут угрозу существованию миллионов крестьян Третьего мира и его природе. С этого момента ее научная работа в качестве исследователя в сфере научно-технической и экологической политики превратилась в публичную деятельность и реальную философскую практику.

Первым шагом Шивы стало осмысление феномена глобализации. С ее точки зрения, остановить этот процесс уже невозможно, но осознать его преступную сущность и изменить людям по силам. В одной из своих работ она пишет: «Когда Европа колонизировала 85% мира, началось всемирное расхищение ресурсов Земли. Прежде знания и социальные системы коренных народов обеспечивали защиту природы, воспринимая жизненно важные природные ресурсы как священные и принадлежащие всем. Западная наука с ее редуccionистским подходом стала идеальным инструментом для устранения барьеров святости, а западные рыночные экономики стали превращать природные богатства в рыночные товары» [4, р. 50].

В трактовке глобализации Шива последовала за Ганди, который утверждал: «Я хочу, чтобы ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног». Глобализация – это пример такого ветра чужой культуры, который, как свидетельствует Шива, способен сбить с ног все индийское общество. «Глобализация – это не кросс-культурное взаимодействие разных обществ; это вторжение одной культуры во все остальные» [5, р. 2].

Согласно Шиве, глобализация продолжается уже пять веков, и на протяжении всего этого времени Запад несет нищету и разорение всему человечеству. На первом этапе, когда Колумб открыл Новый Свет, глобализация приняла форму насильственного покорения «диких» и «варварских» народов с целью захвата их земель и принадлежащих им природных богатств. С 1950 г., когда рухнула мировая система колониализма, бывшие колониальные державы предложили новую форму глобализации – «развитие», посредством которого весь мир был разделен на «развитый» и «развивающийся». Запад стал осуществлять свое мировое господство, навязывая Третьему миру программы развития, представленные как средство освобождения от нищеты и зависимости, но фактически продолжающие его эксплуатацию новым способом. Развитый мир стал продавать «развитые» технологии в обмен на все те же природные богатства. Наконец,

после создания в 1995 г. Всемирной торговой организации начался третий этап глобализации, и Запад стал навязывать «развивающимся» странам режим «свободной торговли», используя систему торговых норм и патентов. Были разработаны еще более изощренные инструменты глобализации – биотехнологии, позволяющие грабить природные богатства Третьего мира на фундаментальном, биологическом уровне [5, р. 1–5].

Анализируя глобализацию и такое ее проявление, как глобализм, Шива приходит к выводу о его моральной несостоятельности. Во всех своих формах глобализация несет нищету народу ее страны, как и народам других стран, а также способствует уничтожению живой природы по всему миру. Такому глобализму она предлагает противопоставить иную модель взаимодействия народов, а также общества и природы – «альтер-глобализм». Согласно Шиве, альтер-глобализм утверждает значимость не столько современной науки и технологий, сколько традиционных культурных практик, в которых аккумулирован опыт сотен поколений людей по всему миру. Эта «другая глобализация», кроме того, фокусирует внимание на роли тех знаний и мудрости, которые простые люди всегда использовали для своего выживания на Земле.

Война с землей и демократия земли

Уже в своей первой книге Шива показала, какие последствия способна вызвать хищническая вырубка лесов для общин и экологических систем. Она ссылается на мысли идейных лидеров Чипко, таких как ученица Ганди Сарала Бен, которая занималась защитой лесов и четко определила их роль в судьбах страны. «Мы должны помнить, что главная роль горных лесов не в том, чтобы приносить доход, но сохранять климатический баланс всей северной Индии и плодородие долины Ганга. Если мы проигнорируем их экологическое значение ради кратковременной экономической выгоды, это будет пагубно для климата северной Индии и ужасным образом повлияет на циклы повторяющихся потопов и засух» [3, р. 72].

Трагическую картину последствий безрассудного хозяйствования для индийских почв Шива представила и в других книгах. Важным является случай «зеленой революции» в Пенджабе. Начиная экономические реформы в Пенджабе, власти страны стремились повысить продуктивность сельского хозяйства в бассейне Инда. Они стали осуществлять программы «развития», разработанные международными финансовыми организациями, и побуждать на-

селение к интенсивным методам земледелия. Увеличилась глубина вспахивания почвы, стали использоваться химикаты, за границей были закуплены гибридные семена, начался интенсивный полив. Ради успеха «зеленой революции» в Пенджабе были затрачены огромные ресурсы. Но через несколько лет все обернулось к худшему. Из-за полива стали заболачиваться почвы, применение пестицидов отравило земли, поля поросли сорняками, урожайность снизилась, воды стало катастрофически не хватать. В 1980-х гг. на северо-западе Индии наряду с экологическим кризисом разразился социальный: начались конфликты из-за воды между соседними общинами, вспыхнули столкновения на этнической и религиозной почве. Шива делает вывод, что оба эти кризиса были рукотворными, а рекомендуемая идеологами «развития» как некая совершенная технология «зеленая революция» оказалась не чем иным, как еще одной формой политической и технологической колонизации Индии. В XIX в. такой технологией был британский ткацкий станок, который бросил вызов традиционной индийской прялке, кормившей миллионы ткачей с их семьями. После изгнания британцев Запад вновь пытается колонизовать Индию, на этот раз с помощью «чудо-семян» и биотехнологий, бросающих вызов индийским крестьянам, земле и традиционным методам землепользования [6, р. 231–263].

Вырубка лесов на севере Индии, ведущая к деградации почв, и насилие «зеленой революции» в Пенджабе стали для Шивы причиной размышлений о войнах нового типа, возникших в эпоху глобализации. Одна из них – это война против земли. Она не похожа на те милитаристские акции, что западные страны развязывают в Афганистане и Ираке, но по своим последствиям не менее ужасна. Примеры этой войны многочисленны: непрекращающаяся добыча полезных ископаемых, использование химикатов, отравляющих почву и уничтожающих биоразнообразие, строительство нефтяных вышек там, где прежде были пастбища. Война против земли начинается в человеческом разуме, когда он избирает путь преступного заблуждения и взыскует богатства. Она начинается с использования механистически редуционистской парадигмы восприятия природы, отрицающей ее живое начало и самоценность, с использования парадигмы бесконечного роста. Во имя роста природа, земля и населяющие ее формы жизни, включая самих людей, приносятся в жертву. Но, считает Шива, эту войну надо остановить. Надо признать наличие у земли ее собственных прав, а также прав у населяющих ее видов и общин. Надо

заклечь мир с землей, что будет означать переход от «развития» к «устойчивости» [7].

В своих работах Шива говорит не только о заключении мира с землей, но и о демократии земли. Основная мысль состоит в том, что «люди и природа – превыше доходов и прибылей» [8, р. 82]. Она провозглашает десять принципов такой демократии: «Все виды, народы и культуры имеют особую ценность. Сообщество земли представляет собой демократию всех форм жизни. Необходимо защищать разнообразие в природе и культуре. Все существа обладают естественным правом на средства к существованию. Демократия земли основывается на экономике жизнеобеспечения (а не на экономике прибыли. – *И. М.*) и экономической демократии (т. е. разнообразии локальных экономических систем. – *И. М.*). Экономика жизнеобеспечения строится на локальных экономиках. Демократия земли – это демократия жизнеобеспечения; ее основанием является самоуправление; центральному правительству власть делегируется на условиях субсидиарности. Демократия земли основывается на культурах жизнеобеспечения (т. е. экологических культурах, которые не придерживаются того образа жизни, что разрушает жизнь ради сверхпотребления и эксплуатации ресурсов. – *И. М.*). Демократия земли глобализирует мир, заботу и сострадание» [8, р. 9–11]. Эти идеи предоставляют подлинный ориентир для народов, что мечтают о мире, скромном благополучии и сохранении собственного достоинства.

Война с водой и демократия воды

Наряду с демократией земли Шива говорит о демократии воды. Она стала говорить о ней, когда столкнулась с многочисленными фактами превращения водных богатств планеты в товар, продаваемый с целью извлечения прибыли. Она всегда была внимательна к этой проблеме, но после того, как в 1995 г. Исмаил Серагельдин, вице-президент Всемирного банка, заявил, что войны XXI в. будут войнами не из-за нефти, а из-за воды, она решила дать свой ответ по поводу «водной проблемы».

Согласно Шиве, вода является исчерпаемым природным богатством, но до недавнего времени ее хватало для удовлетворения простейших нужд людей. С момента, когда глобализация пришла в Третий мир, вода стала превращаться в стремительно исчезающее чудо природы. Причиной этому – политика транснациональных корпораций, превращающих воду в товар, а также программы развития в Третьем мире. Исследуя международную торговлю водой, практику строительства дамб, горное дело, рыбные хозяйства,

она показала, как происходит лишение бедного населения его прав на воду в качестве драгоценного общего блага. Многие известные конфликты нашего времени, нередко закамуфлированные под этнические и религиозные войны, фактически оказываются конфликтами из-за воды.

По ее мысли, следует говорить не только о войнах из-за воды, которые уже стали реальностью в Африке и Индии. Как и в случае с землей, имеет место настоящая война с водой. Такие компании, как «Пепсико» и «Кока-кола», ежедневно расходуют тысячи тонн пресной воды, превращая ее в свои всемирно разрекламированные напитки, навязываемые людям по всему миру. Шива приводит случаи, когда водопроводные компании в Латинской Америке цинично приватизируют общую воду и начинают ею торговать, и только сопротивление местного населения иногда позволяет остановить эту агрессию. Но дела обстоят совсем плохо, когда война с водой принимает форму ее загрязнения – химикатами, отходами промышленности, нефтью, пластиковым мусором.

Шива напоминает, что в истории человечества вода часто играла важную духовную роль. Поэтому попытки частных компаний приватизировать воду угрожают культурам и домохозяйствам на всей планете. Она формулирует девять нравственных принципов своей демократии воды: Вода – это природный дар. Вода крайне важна для жизни. Благодаря воде все формы жизни связаны между собой. Вода как средство к существованию должна быть бесплатной. Запасы воды ограничены и могут иссякнуть. Воду необходимо беречь. Вода – это общее благо. Ни у кого нет права уничтожать воду. Воду ничем заменить [9, р. 35–36]. Справедливое, экономное и демократическое использование воды является острой жизненной необходимостью для миллионов людей в мире. Вода – это жизнь, и без демократии воды не может быть демократии жизнеобеспечения [10].

Освобождение семян

Еще одна идея Шивы – освобождение семян. Она напоминает, что земля, вода и пища являются основой существования всех форм жизни, включая людей. С появлением глобального капитализма простые люди по всему миру перестали контролировать эти источники существования. Основным производителем пищи были крестьяне, использующие собственный посевной фонд. Но в конце XX в. и этот ресурс подвергся ограблению, поскольку глобальному капитализму удалось захватить в свои руки контроль над семенами сельскохозяйственных культур и

навязать сотням тысяч крестьянских хозяйств свои модели хозяйствования и технологии [11].

Под знаком борьбы с голодом в третьем мире глобальные финансовые организации и транснациональные продовольственные корпорации навязывают всем свои экономические и технические модели. Среди них и «политика борьбы с голодом», проводимая Всемирным банком и Всемирной продовольственной и сельскохозяйственной организацией, состоящая в поддержке программ по использованию генномодифицированных семян.

Согласно Шиве, для третьего мира биотехнологическая революция стала ужасным продолжением «зеленой революции», сопровождавшейся насаждением монокультур и химикатов в сельском хозяйстве. Вторжение биотехнологий в третий мир теперь сопровождается новой степенью интеграции этих технологических агентов. Химикаты и генетически модифицированные семена производят одни и те же транснациональные корпорации. Кампании «Доу», «Дюпон», «Эксон», «Мерк», «Пфайзер», «Монсанто» главные на мировом рынке генетически модифицированного посевного материала и извлекают из этого колоссальные прибыли.

Поставка ГМО-семян в страны третьего мира сопровождается давлением на традиционную крестьянскую экономику. Используя правила ВТО, корпорации продают дешевые семена местным агроконцернам и обявляют их работать по своим правилам. Они также чинят препятствия мелким крестьянским хозяйствам, стремящимся использовать экологически устойчивые и безопасные приемы хозяйствования. Индийские крестьяне на протяжении веков с успехом производили и сохраняли качественные семена, обменивались ими между собой, но корпорации делают все, чтобы лишить их этой возможности. Поскольку запретить им использовать семена по своему усмотрению невозможно, корпорации нашли для этого простое техническое решение. В ГМО-семена была заложена особая «терминальная технология». Такие семена можно использовать в пищу, но они не могут произвести новые семена. В результате хозяйства, начавшие покупать ГМО-семена, уже через год-другой лишились собственного посевного материала и превратились в потребителей «дешевой» биотехнологической продукции, фактически в заложников транснациональных корпораций. Сталкиваясь с дефицитом «туземных семян» на местном рынке, они оказываются перед выбором между покупкой дешевых ГМО-семян и нехваткой средств на качественный, но дефицитный посевной материал.

Вмешательство корпораций сопровождается новыми формами насилия над природой. Движущей силой этого выступает генная инженерия, методы которой состоят в стирании границ между биологическими видами. Традиционные, «органические» методы земледелия состояли в том, чтобы в каждом регионе выращивать подходящий для него вид культурного растения. Если крестьяне хотели вывести более продуктивный сорт, то они использовали для этого семена того же самого растения: новый сорт пшеницы выводили из пшеницы, рис из риса и т. п. Генная инженерия пошла другим путем. При выведении ГМО-семян стали конструировать новые биологические объекты, скрещивая совершенно разные виды. В ДНК культурных растений встраиваются гены антибиотиков и т. д. В погоне за прибылью происходит нарушение традиционного природного равновесия с непредсказуемыми последствиями.

По мысли Шивы, в отличие от истории пятивековой давности современные западные пираты колонизируют не территории, а внутренние пространства живых организмов. С помощью биотехнологий в лабораториях выделяют гены, манипуляции с которыми подкрепляются оформлением патентов – «законных прав» на них в качестве собственности. Тот, кто имеет доступ к фундаментальным основам жизни, кому принадлежат технологии, позволяющие манипулировать генами, тот владеет и телами, в которых находятся гены. Такова логика современного глобального биопиратства. Происходит все то же самое, что и во времена покорения Нового Света, когда туземные вожди за бездельюшки или из страха дарили захватчикам семена культурных растений, попугаев и своих дочерей. Но на этот раз все еще хуже. Современная глобализация лишает народы третьего мира самих основ существования, прежде всего возможности самостоятельно производить пищу [5, р. 5], ведет к разорению крестьянских хозяйств и массовым самоубийствам фермеров из-за долгов банкам [12].

Согласно Шиве, с несправедливостью глобализации нужно бороться, и целью борьбы должна быть свобода, но не свобода в духе западного антропоцентризма, а свобода, связанная с выживанием. Поэтому она заявляет о необходимости дать свободу семенам, земле и воде – силам регенерации, которые способствуют продолжению жизни. Это не просто свобода человека или ради человека, это свобода для человека как части живой природы, без которой человека нет. Борьба за свободу требует не только моральных оценок, но и практических действий.

Защищая идею свободы на практике, в 1991 г. Шива создала «Навданию» («Девять культур») – фонд по защите биоразнообразия, традиционного фермерства, прав крестьян и сохранению семян. По всей Индии началась работа по созданию банков семян культурных растений и распространению их среди крестьянских хозяйств. Активисты «Навдании» возглавили массовые кампании в разных частях Индии против вмешательства ТНК в крестьянскую экономику, а юристы организации выступили с исками в международных судах против предоставления корпорациям права патентовать семена тех культурных растений, которые крестьяне веками использовали в своих хозяйствах. В ряде случаев «Навдании» удалось защитить интересы крестьян и вынудить корпорации отступить [13].

По мысли Шивы, борьба за освобождение земли, воды и семян продолжится долго: потребуются не только распространение опыта «Навдании» в странах третьего мира, но и изменение общественного сознания. Подобно тому, как движению Чипко в 1970-е гг. удалось настойчивыми ненасильственными методами защитить леса в Гархвале, так со временем удастся избавить мир от несправедливости глобализации и вернуть суверенитет и свободу тем, у кого ее постоянно стремятся отнять.

Список литературы

1. *Shiva V., Sharatchandra H. C., Bandopadhyay J.* Social economic and ecological impact of social forestry in Kolar. Bangalore, 1981. 83 p.
2. *Bandopadhyay J., Shiva V.* Chipko : India's civilisational response to the forest crisis. New Delhi, 1986. 23 p.
3. *Shiva V.* Staying alive : women, ecology and survival in India. New Delhi, 1988. 244 p.
4. *Shiva V.* Globalism, biodiversity and the Third World // The future of progress : reflections on environment and development. Ed. by E. Goldsmith, M. Khor, H. Norberg-Hodge, V. Shiva. Foxhole, Dartington, 1995. P. 50–67.
5. *Shiva V.* Biopiracy : The plunder of nature and knowledge. Cambridge, Ma, 1997. 148 p.
6. *Shiva V.* The violence of green revolution : the third world agriculture, ecology and politics. London, 1991. 266 p.
7. *Shiva V.* Making peace with the Earth. London, 2013. 288 p.
8. *Shiva V.* Earth democracy : justice, sustainability, and peace. London, 2005. 192 p.
9. *Shiva V.* Water wars : privatization, pollution, and profit. Cambridge, Ma, 2002. 160 p.
10. *Shiva V.* Resisting water privatisation, building water democracy. Paper for the world water forum. 2006. URL: <http://www.globalalternative.org/downloads/shiva-water.pdf> (дата обращения: 10.02.2018).

11. Shiva V. *Stolen harvest : the hijacking of the global food supply*. Cambridge, Ma, 2000. 154 p.
12. Shiva V. The Seeds of suicide : how Monsanto destroys farming // *Global research*. 2013. June 24. URL: <http://www.globalresearch.ca/the-seeds-of-suicide-how-monsanto-destroys-forming/5329947> (дата обращения: 26.08.2018).
13. Shiva V. 4-patents : Vandana Shiva on the neem tree and freedom from western biopiracy // *The Hindustan Times*. 2000. June 9. URL: <http://www.gene.ch/genet/2000/Jun/msg00032.html> (дата обращения: 26.08.2018).

Образец для цитирования:

Михель И. В. Освобождение земли, воды и семян: философия Ванданы Шивы // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 404–409. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-404-409>

Sovereignty of Land, Water and Seeds: a Philosophy of Vandana Shiva

I. V. Mikhel

Irina V. Mikhel, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russia, irinamikhel@yandex.ru

Vandana Shiva is one of the leaders of modern alter-globalism, a scientist, ecologist, public figure, head of the Navdanya Foundation, which works to preserve biological and cultural diversity in India. Shiva is the author of more than a dozen works in which she expounds her criticism of globalization, which she considers unfair for India and other Third World countries. Shiva argues that throughout the five centuries that globalization is continuing, the West plundered the natural wealth of the Third World, and now it has taken the form of the scientific, technical and commercial exploitation of land, water and seeds of cultivated plants by transnational corporations and associated political elites of developing countries. According to Shiva's views, the peoples of the Third World, having achieved political independence, have not yet become truly free. True liberation presupposes not only the liberation of man, but also the whole of nature, of which he continues to be a part. It is necessary to liberate land, water and seeds, which, having ceased to be the property of the people, have become a global economic resource. The philosophical ideas of Shiva are an integral part of modern discussions about democracy and freedom, which are initiated by intellectuals of the countries of the Third World.

Key words: Vandana Shiva, India, the Third World, globalization, philosophy, sovereignty, land, water, seeds.

References

1. Shiva V., Sharatchandra H.C., Bandopadhyay J. *Social economic and ecological impact of social forestry in Kolar*. Bangalore, 1981. 83 p.
2. Bandopadhyay J., Shiva V. *Chipko: India's civilisational response to the forest crisis*. New Delhi, 1986. 23 p.
3. Shiva V. *Staying alive: women, ecology and survival in India*. New Delhi, 1988. 244 p.
4. Shiva V. Globalism, biodiversity and the third world. *The future of progress: reflections on environment and development*. Ed. by E. Goldsmith, M. Khor, H. Norberg-Hodge, V. Shiva. Foxhole, Dartington, 1995, pp. 50–67.
5. Shiva V. *Biopiracy: the plunder of nature and knowledge*. Cambridge, Ma, 1997. 148 p.
6. Shiva V. *The violence of green revolution: the third world agriculture, ecology and politics*. London, 1991. 266 p.
7. Shiva V. *Making peace with the Earth*. London, 2013. 288 p.
8. Shiva V. *Earth democracy: justice, sustainability, and peace*. London, 2005. 192 p.
9. Shiva V. *Water wars: privatization, pollution, and profit*. Cambridge, Ma, 2002. 160 p.
10. Shiva V. *Resisting water privatisation, building water democracy. paper for the world water forum*. 2006. Available at: <http://www.globalalternative.org/downloads/shiva-water.pdf> (accessed 10 February 2018).
11. Shiva V. *Stolen harvest: the hijacking of the global food supply*. Cambridge, Ma, 2000. 154 p.
12. Shiva V. The Seeds of suicide: how Monsanto destroys farming. *Global research*. 2013. June 24. Available at: <http://www.globalresearch.ca/the-seeds-of-suicide-how-monsanto-destroys-forming/5329947> (accessed 26 August 2018).
13. Shiva V. 4-patents: Vandana Shiva on the neem tree and freedom from western biopiracy. *The Hindustan Times*. 2000. June 9. Available at: <http://www.gene.ch/genet/2000/Jun/msg00032.html> (accessed 26 August 2018).

Cite this article as:

Mikhel I. V. Sovereignty of Land, Water and Seeds: a Philosophy of Vandana Shiva. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 404–409. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-404-409>

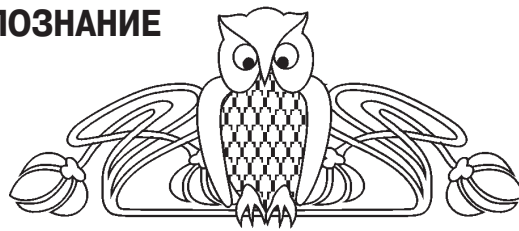

УДК 111

ИДЕЯ ПРОБЛЕМНОСТИ И ЭЙДЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

И. В. Стеклова

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., filos@sstu.ru

В центре анализа находятся феномен проблемности в процессе эволюции рациональных структур познания, выступающий как всеобщее требование, которое характеризует познавательный процесс, взаимосвязь рациональной и иррациональной ступеней освоения мира в виде эйдетического познания. Принцип проблемности рассматривается в контексте решения проблем научной деятельности. Определяется место творчества в идее проблемности и самой проблемности в творческом процессе в рамках феноменологической научно-исследовательской программы. Творческий акт представлен как наиболее концентрированное выражение эффективной работы компонентов мыслительной системы человека. Научное творчество исследуется как ситуация, в которой внерациональное и рациональное соединены парадоксальным образом. Утверждается, что методология исследования научного познания, предлагаемая в рамках трансцендентальной философии, оказывается наиболее адекватной при анализе неоднозначных процессов в науке, что проблема идеальных условий возможностей науки, поставленная Э. Гуссерлем, отличающаяся от объективно логических условий, является видоизменением последних, принадлежащих к чистому содержанию познания. Благодаря их видоизменениям знания становятся плодотворными для критики научного познания и его логического нормирования. При этом принцип проблемности приводит к разрешению противоречий между рациональным и чувственным уровнями познания.

Ключевые слова: наука, познание, проблемность, разум, рациональность, творчество, феноменология, философия, человек, эйдетическое познание.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>

Идея проблемности, понимаемая как фундаментальное основание социокультурологической трактовки науки и образования, связана с феноменом творчества. При разрешении проблемной ситуации предполагается свобода принятия решения и выбора, а в ситуациях, у которых нет аналога в прошлом или при отсутствии сведений о нем, требуется творчество. В этот момент к деятельности разума подключаются самые различные проявления интуиции, а также фантазия и воля. Все это не является сферой теоретического разума, но в данном случае выступает в качестве его естественного дополнения. Творчество не подчиняется каким-то правилам и стандартам, протекает подсознательно или бессознательно, хотя в результате может появиться новый вид рациональной деятельности, рациональное знание.

Стремление выяснить механизм творчества привело к разработке многочисленных универсальных схем развертывания творческого процесса: выделяют до двух десятков этапов этого процесса. Интересно, что основные ступени творческого процесса совпадают с принципами научного познания, которые выступают в качестве критериев науки и научности. К ним относят принципы системности, логической обоснованности, фальсифицируемости и проблемности – способность находить и формулировать проблемы, решать их, т. е. способность к анализу и синтезу. Гегель отмечал: «Принцип какого-нибудь философского учения тоже означает некое начало, но не столько субъективное, сколько объективное начало, начало всех вещей. Принцип есть некое так или иначе определенное содержание – вода, единое, нус, идея, субстанция, монада и т. д.» [1, с. 49]. По мнению В. Н. Гасилина, онтологизация принципов связана с пониманием их в качестве начала, основы мира и одновременно в качестве регулятивных принципов, которые позволяют упорядочивать знание, а гносеологизация принципов приводит к тому, что они выступают лишь как начало, основа познания и поэтому навязываются объективной реальности. По В. Н. Гасилину, «философский принцип – это основополагающая форма философского познания, воплощающая в себе целевую установку познавательной и практической деятельности и выступающая в качестве основания для упорядочения и систематизации философского знания» [2, с. 54]. Таким образом, принцип формирует элементы стиля мышления и в результате приобретает статус нормы, поэтому выполняет регулятивную функцию в познании.

В основании принципа может лежать идея, которая становится смыслообразующим и системообразующим фактором, благодаря ей сохраняются единство, гармония в ходе творческого процесса. Такой принцип можно понимать как устойчивый регулятив мышления, выполнение условий которого субъектом повышает вероятность осуществления творческого замысла. Становление, развитие принципа может приобретать

разный характер, в итоге возможны возвращение принципа к идее, переход к рефлексивной форме мышления. Индивидуальность личности зависит от характера деятельности, и проблема является начальным моментом познавательной деятельности: человек начинает мыслить в тот момент, когда появляется потребность что-то понять, с возникновением познавательного затруднения. Принцип проблемности приводит к разрешению противоречий между имеющимся уровнем развития личности и необходимым, между актуальным состоянием интеллектуальной сферы и уровнем развития, рациональным и чувственным уровнями познания.

Попытка эксплицировать и описать ситуацию, которая возникла в области фундаментальных абстракций, изменила и усложнила язык философии и ее инструментарий. Для обозначения единства чувственного и рационального познания в условиях классической рациональности стали использовать особый термин – «эйдетическое познание». Традиционно внимание было направлено на своеобразие либо рационального познания, либо чувственного, когда все познание вырастает из ощущений. Соответственно, были разработаны различные концепции – рационализм (Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель) и сенсуализм (Т. Гоббс, Д. Локк). Однако многочисленные данные свидетельствуют об их взаимосвязи и взаимообусловленности, поэтому наиболее удобным оказался термин античной философии «эйдос», что буквально означает «вид, образ».

Платон, высмеивая представление о знании и мудрости как о чем-то сверхъестественном, иррациональном, размышляет о природе знания. Философ вырабатывает понятие «эйдос» (идея), которое в дальнейшем по-разному интерпретируется в его философии. Он доказывает, что знание – это установление закономерностей, что оно есть обобщение, и использует не «смутные» восприятия и ощущения, а сознательно и точно установленные общие идеи [3]. В связи с этим платоновскую идею можно считать моделью различных сторон действительности. Для Платона рациональная деятельность – это деятельность по определенным правилам, основу которых составляют интеллектуальные модели – идеи.

Решение проблемной ситуации зависит от потенциала культуры в целом, а также от того, кто конкретно принимает решение. Каждый человек обладает творческими способностями, но подлинное творчество – это напряженный труд. Навыки творческой деятельности вырабатываются и развиваются в процессе обучения и воспитания, закрепляются в практической деятельности, поэтому особое внимание, как

правило, уделяется строению учебного процесса, в котором должна быть творческая напряженность. Именно поэтому обучение и воспитание не должны сводиться к транслированию так называемых «истин».

Основой творчества выступает интуиция. Природа ее до сих пор не изучена, поэтому отсутствуют общепринятые правила творчества. Несмотря на такие свойства интуиции, как неосознанность, неопределенность, внезапность, можно выделить этапы ее реализации: накопление, распределение абстракций и образов в системе памяти; комбинирование и переработка накопленной информации в целях решения задачи; осознание задачи; внезапное нахождение решения. К условиям проявления и формирования интуиции относятся профессионализм человека, наличие поисковой ситуации, попытки решения проблемы, наличие «подсказки». Широкий кругозор человека предоставляет ему больше шансов актуализировать интуицию и возможности к решению проблемной ситуации.

Вне деятельности сознания нет творчества, но к одной этой деятельности феномен творчества не сводится. Творчество выступает как единство иррационального и рационального. Содержание понятия проблемности шире его дидактической трактовки, отраженной в рамках позитивистской научно-исследовательской программы. Проблемность – характеристика, соотносимая с личностью, которая нагружена и социально, и культурно. Определение места творчества в идее проблемности и самой проблемности в творческом процессе возможно в рамках феноменологической традиции.

В феноменологии Э. Гуссерля заложены основания для понимания творческих процессов, так как она обладает наиболее разработанной и существенной методологической базой исследования. Философ рассматривает сознание как «действительную силу», как целостный и очевидный феномен, как реальный субъект-объектный синтез. Он обосновывает сознание как возможность иного сознания, иного уровня человеческой экзистенции. Наука частная или наука в общем ее понимании представляет собой единство рациональной и иррациональной деятельности. С точки зрения И. Пригожина, для многих основателей классической науки, в частности для Эйнштейна, наука явилась попыткой выйти за пределы мира наблюдаемого и достичь мира высшей рациональности (мира Спинозы) [4]. Он отмечает существование более тонкой формы реальности, которая охватывает время и вечность, законы и игры. Данные проблемы явились предметом постоянного и пристального

внимания. Э. Гуссерль считал, что «дух, и даже только дух, существует в себе самом и для себя самого, независим, и в этой независимости, и только в ней может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно» [5, с. 125]. И как только он, переходя от психологических связей мышления, обращался к логическому единству содержания, ему не удавалось добиться ясности и связанности, и только в «Логических исследованиях» он выступил с попыткой обоснования логики и теории познания, объединения чувственного и рационального.

Рассуждая об условиях возможности любой теории, Э. Гуссерль говорит не о субъективном единстве познания, а о связанном отношении следствия и основания объективном единстве положений или истин. Условиями являются законы, которые происходят из понятия теории, вытекают из понятий положения, истины, предмета, отношения, свойства и т. п., т. е. из понятий, конституирующих понятие теоретического единства. Отрицание таких законов равносильно утверждению, что данные термины не наполнены содержательным смыслом. Теория, если она игнорирует законы, уничтожается, она не имеет смысла [6, с. 255]. В этом единстве истин оказывается и интуиция, к условиям проявления которой относятся глубокое знание проблемы, состояние проблемности, попытки решить проблему и наличие подсказки.

Одновременно все законы точных наук о фактах философ назвал идеализирующими фикциями. Он считал, что данные законы выполняют цель осуществления наук в виде идеалов приближения к действительности, т. е. осуществляют теоретическую цель научного исследования. Вместо недоступного абсолютного познания человек, по его мнению, вырабатывает путем мышления «аподиктические вероятности», в которых и заключено знание о действительности. Данные вероятности он сводит затем к известным суждениям, которые носят характер законов. В результате ему удается построить совершенные системы теорий. Однако эти системы признаются лишь идеальными возможностями, которые не исключают бесконечность множества иных возможностей. Рассуждая о законах мышления как возможных, предполагаемых, которые являются причиной мышления, Э. Гуссерль отмечает, что «психологические логики» не замечают существенных различий между реальным и идеальным законом, между причинным и изолирующим регулированием, между реальной и логической необходимостью, между реальными и логическими основаниями [6, с. 227, 224].

Детально разрабатывая вопрос, чем определяется единство науки, Э. Гуссерль пришел к заключению, что научное познание является познанием из основания. По его мнению, усмотреть соотношение вещей как закономерное явление или истину как необходимость и обладать познанием основания соотношения вещей, или истины, – это равнозначные выражения. Он считает, что истины разделяются на индивидуальные и родовые. Первые отражают утверждения о существовании индивидуальных единичностей, родовые дают возможность умозаключения о существовании индивидуального. С точки зрения мыслителя, индивидуальные истины случайны. Если возникает вопрос обоснования не фактической, а родовой истины, то человек обращается к известным родовым законам и путем специализации и дедуктивного вывода получает обосновываемое положение. Обоснование же родовых законов приводит к известным законам, не поддающимся дальнейшему обоснованию: Э. Гуссерль считает их главными, основными законами. Единство замкнутой совокупности законов, по его мнению, покоящееся на основной закономерности как на первичном основании, вырабатывается путем дедукции и является единством завершенной теории. При этом основная закономерность включает основной закон или объединение однородных основных законов [6, с. 336–337]. Творчество же, не подчиняясь законам, стандартам, правилам, на уровне результатов связано с логической деятельностью и может стать ее составной частью.

Э. Гуссерль выделяет различия, от трактовки которых зависит отношение к «психологической аргументации». Во-первых, идеальные и реальные науки имеют существенное различие: идеальные априорны и развивают идеально закономерные общие положения; реальные науки эмпиричны и устанавливают закономерные общие положения, которые относятся к сфере фактов. Во-вторых, в познании и, в частности, в науке имеются различия между тремя родами связей: связью переживаний познания, или психологической связью суждений, представлений, познаний, вопросов и т. д.; связью исследованных и теоретически познанных вещей; логической связью, или специфической связью теоретических идей, конституирующей единство истин и единство понятий. Логические законы – это и части, и правила этих связей, они принадлежат одновременно и к области логической науки, и к теоретическому единству. Итак, Э. Гуссерль говорил об ограничении интеллектуальных сил человека и узости сферы усложнения абстракт-

ных понятий, о том, что логическое и интуитивное – это специфические, взаимодополняемые средства познания.

Таким образом, проблемность выступает как всеобщее требование, характеризующее все стороны познавательной деятельности, а эйдетическое познание – это способность связывать воедино различные части целого, использовать полученные знания для решения проблем, требующих нестандартных подходов. Творческое применение знаний элиминирует психологический барьер перед реальными проблемами, формирует общие инвариантные ментальные познавательные структуры, которые могут быть адаптированы к различным конкретным задачам.

Образец для цитирования:

Стеклова И. В. Идея проблемности и эйдетическое познание // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 410–413. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>

The Idea of Problematic and Eidetic Cognition

I. V. Steklova

Irina V. Steklova, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, filos@sstu.ru

In the center of the analysis is the phenomenon of problematicity in the process of evolution of rational structures of cognition, acting as a universal demand that characterizes the cognitive process; the relationship between rational and irrational levels of mastering the world in the form of eidetic cognition. The principle of problematicity is considered in the context of solving problems of scientific activity. The place of creativity in the idea of problematicity and the problematicity itself in the creative process within the framework of the phenomenological research program is determined. The creative act is presented as the most concentrated expression of the effective work of the components of the human thought system. Scientific creativity is explored as a situation in which the non-rational and rational are connected in a paradoxical way. It is argued that the methodology for the study of scientific knowledge, proposed in the framework of transcendental philosophy, is most adequate in analyzing ambiguous processes in science; that the problem of the ideal conditions for the possibility of science, set by E. Husserl, which differs from the objective-logical conditions, is a modification of the latter, belonging to the pure content of knowledge. Thanks to their modifications, knowledge becomes productive for criticizing scientific knowledge and for its logical normalization. In this case, the principle of problematicity leads to the resolution of contradictions between the rational and the sensory levels of cognition.

Cite this article as:

Steklova I. V. The Idea of Problematic and Eidetic Cognition. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 410–413. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М., 1937. Т. 5. 716 с.
2. Гасилин В. Н. Принципы в структуре философского знания. Саратов, 1987. 157 с.
3. Платон. Гиппий Большой // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1968. Т. 1, ч. 1. С. 149–186.
4. Пригожин И. От существующего к возникающему : время и сложность в физических науках. М., 1985. 327 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 101–126.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 175–353.

Key words: science, cognition, problem, reason, rationality, creativity, phenomenology, philosophy, man, eidetic cognition.

References

1. Hegel G. V. F. *Wissenschaft der Logik*. Nurnberg, 1816. 800 p. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Nauka logiki*. Soch. : v 14 t. Moscow, 1937, vol. 5. 716 p.).
2. Gasilin V. N. *Printsipy v strukture filosofskogo znaniya* [Principles in the structure of philosophical knowledge]. Saratov, 1987. 157 p. (in Russian).
3. Platon. Gippiy Bolshiy. *Platon.: soch. in 3 t.* [Hippie the Biger. Platon. Complete collection of the works in 3 vols.]. Moscow, 1968, vol. 1, pt. 1, pp. 149–186 (in Russian).
4. Prigozhin I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From the existing to the emerging: Time and complexity in the physical sciences]. Moscow, 1985. 327 p. (in Russian).
5. Husserl E. Die Krise der europäischen Menschheit und Philosophie. In: Husserl E. *Die Krisis der Europäischen Wissenschaften und die Transzendente Phänomenologie*. Dordrecht, 2011, S. 314–348. (Russ. ed.: *Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak stroгая nauka*. Novocherkassk, 1994, pp. 101–126).
6. Husserl E. *Logische Untersuchungen. Erster Teil. Prolegomena zur reinen Logik*. Halle, 1900. 224 S. (Russ. ed.: Gusserl E. *Logicheskie issledovaniya. Prolegomeny k chistoy logike. Filosofiya kak stroгая nauka*. Novocherkassk, 1994. pp. 175–353).

УДК 001.3

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА

В. Б. Устьянцев

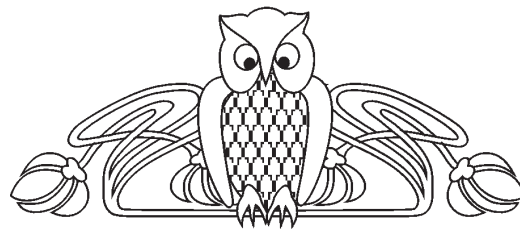
Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ystvb@list.ru

В статье обсуждаются современные проблемы наследования и восприятия прошлого с позиций категориального аппарата социальной философии. Концептуальные основания анализа связаны с осмыслением эвристических возможностей концептов «социальное пространство», «жизненное пространство». При анализе онтологии социального пространства следует учитывать три вида пространственных связей: институциональные, пространственно-стратификационные и цивилизационные. Практически и духовно освоенное людьми природно-социальное пространство становится жизненным пространством социума. Концепция социальной памяти, представленная в предшествующих работах автора, получает развитие в статье на основе анализа трех познавательных горизонтов восприятия прошлого. *Традиционалистский* горизонт раскрывается в феноменах и категориях повседневной культуры, где на основе традиций формируется обыденное отношение к прошлому. В транзитивных рискогенных обществах традиции перестают быть условиями консолидации жизненного опыта людей, поэтому жизненное пространство социальной памяти упрощается, снижается влияние на культуру. *Коммуникационный* горизонт воспроизводства прошлого выражает способность субъектов преодолевать кризис обыденных представлений об истории. В концептах «информационный таксон», «коммуникационный риск» выявляется позитивная направленность воздействия информационных потоков социальной памяти на жизненное пространство социума. *Глобальный* горизонт социальной памяти раскрывает новую конфигурацию временных структур общества, где прорыв в будущее сопровождается нарастанием проблем восприятия прошлого, вызванных трансформацией способов хранения информации о прошлом. Постепенное возрастание роли общечеловеческих ценностей в духовной жизни мирового сообщества будет способствовать совершенствованию основных горизонтов социальной памяти современного социума.

Ключевые слова: глобализация, жизненное пространство, информационный таксон, коммуникация, общечеловеческие ценности, риск, социальное пространство, социальная память, традиция.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>

Глобальные преобразования последних десятилетий изменяют наши представления о роли социальной памяти в современном обществе. Возникает во многом уникальная ситуация, когда

социальная память из относительно самостоятельной подсистемы культуры трансформируется в ментальные и информационные структуры жизненного пространства общества.

Осмысление познавательных горизонтов социальной памяти целесообразно начать с анализа базовых дефиниций «социальное пространство», «жизненное пространство», которые отличаются как по онтологическим основаниям, так и по функциональной направленности. Социальное пространство выражает устойчивую расположенность подсистем и институтов, детерминированную их системными качествами и объективными территориальными связями, образующими первичную основу устройства социума. Жизненное пространство как форма проявления социального пространства раскрывает расположенность социальных субъектов на основе достигнутого статуса, сложившихся жизненных стратегий, базовых ценностей. Иными словами, если социальное пространство оказывается по своей сути институциональным пространством, где социальные субъекты и созданные ими институты устанавливают и закрепляют социальные дистанции, необходимые для утверждения порядка общества, то жизненное пространство, обусловленное жизненными потребностями, социальной и духовной принадлежностью субъектов к определенной территории, раскрывается в ценностях, образах, символах, знаках, посредством которых люди осваивают социальный мир, совершенствуют или, наоборот, разрушают установленные экологические, политические, социокультурные установки сложившегося порядка социума. Для социального пространства определяющими концептами выступают «институт», «институциональная дистанция», для жизненного пространства таким концептом является «ценность».

Думается, что ценностная структура жизненного пространства социума охватывает по крайней мере четыре вида ценностей: а) средовые, регулирующие поведение и общение социальных общностей в природной и в социокультурной среде; б) самоутверждения в социальном пространстве; в) интегративные, посредством которых достигается социальное перемещение индивидов в пространственных

структурах больших и малых поселений; г) ценности, необходимые социальным субъектам для ориентации во временных структурах прошлого, настоящего, будущего.

Ценностные структуры социальной памяти не являются зеркальным отражением жизненного пространства социума. Память общества объединяет совокупность способов и алгоритмов познавательной деятельности, раскрывающих историческое прошлое. Являясь многомерным социокультурным образованием, социопамять отличается несколькими измерениями. Во-первых, это уникальный институт, созданный людьми для воспроизводства материальных, духовных ценностей и ресурсов цивилизации. Во-вторых, социопамять предстает информационной системой, где действуют особые закономерности сохранения, переосмысления и передачи информации о прошлом. В-третьих, это сложная система социокультурной деятельности, которая отличается коллективными субъектами, способами сохранения вещественных, вербальных, письменных артефактов [1, с. 185–186]. Взаимодействие выделенных уровней обусловлено влиянием исторических условий, сложившихся в обществе форм организации общественной жизни и господствующих типов ментальности.

В современном социуме можно проследить несколько горизонтов социопамати, образующих ее пространственные структуры: традиционалистский, коммуникационный и глобальный горизонты воспроизводства прошлого.

Традиционалистский горизонт раскрывается в феноменах повседневной культуры, где на основе повседневных практик формируется обыденное (повседневное) отношение к прошлому. Основу такого отношения образуют традиции как унаследованные индивидами формы социальной регуляции общественной жизни, где реализуется связь настоящего и прошлого, достигается преемственность поколений. Являясь своеобразным консенсусом между разными поколениями, между различными социальными общностями, традиции способствуют накоплению исторического опыта, свидетельствуют о жизнеспособности социальной памяти. Вместе с тем следует различать роль традиций в устойчивых и транзитивных обществах. Если для устойчивых общественных организмов традиции становятся гарантом динамичного развития повседневной культуры, средствами сохранения социального и культурного наследия, то в транзитивных рискогенных обществах традиции перестают быть условиями консолидации жизненного пространства больших и малых общностей. Разнородные элементы рискогенного

общества, материализованные в различных экономических укладах, в различных ментальных структурах, воздействуют на жизненный мир людей, разрушают устоявшиеся стандарты человеческого общения, принятые населением нормы поведения, заставляют социальных субъектов вырабатывать различные стратегии выживания в новой экономической, социальной и культурной среде. Усиление роли ценностных ориентаций, направленных на выживание, упрощает жизненный мир людей, оказавшихся за чертой бедности, приводит к вытеснению из духовного общения установок, направленных на развитие познавательного отношения к национальной истории. Иными словами, изменения ценностных структур повседневной культуры сопровождается изменением традиционалистского горизонта социальной памяти.

Распад или вытеснение на периферию повседневного бытия социума ценностей предшествующего общественного устройства, слабое влияние искусственно созданных «новых традиций» приводят к снижению уровня доверия массового сознания к историческому прошлому, ослаблению влияния социальной памяти на духовную жизнь социума. На эту особенность восприятия прошлого в сознании социальных групп, оказавшихся за чертой бедности, все чаще обращают внимание исследователи, изучающие социальную память российского общества. По мнению И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, «можно говорить о снижении оценок значимости и, соответственно, интереса к истории науки и культуры со стороны российского населения» [2, с. 98]. На другом полюсе жизненного пространства социума появляются «внутренние эмигранты», обладающие богатым духовным миром, образованностью, интеллигентностью, но не принимающие правила «дикого» рынка. Пространство социальной памяти «внутренних эмигрантов», не востребованных обществом, государством, временем, оказавшихся в среде неимущих, становится пространством стрессов, конфликтов. В сложившихся условиях традиции перестают оказывать мощное влияние на настоящее, происходит сужение их пространства, нарушается привычная, сложившаяся десятилетиями идентичность человека с прошлым. На этом фоне субъекты социальной памяти стремятся восстановить источники былого влияния, и такими источниками становятся коммуникации.

Влияние образов прошлого на жизнедеятельность и сознание субъектов истории во многом определяется сложившейся в обществе системой коммуникаций. В этой связи *коммуникационный горизонт* социальной памяти обе-

спечивает сохранение и передачу исторических кодов, текстов, артефактов прошлого, тем самым способствует непрерывному воспроизводству исторической реальности в жизнедеятельности поколений. Устойчивые каналы коммуникации настоящего с прошлым образуют информационные ниши, где сохраняются исторический опыт и исторические знания. В более широком контексте бытийственность социопамяти раскрывается в коммуникативной природе социума. Можно согласиться с утверждением Е. В. Романовской: «мы живем в социуме, в котором все проблемы, по сути дела, рассматриваются как *проблемы коммуникаций*» [3, с. 63]. Следует отметить, что коммуникация о прошлом пронизывает самые разные уровни бытийственности людей. Проникая в коммуникационное пространство социальной памяти, образы прошлого распространяются в духовной культуре, получают общественное признание или подвергаются социальной амнезии. Информационные потоки социальной памяти образуют своеобразные «информационные хранилища», которые по-разному используются правящими, творческими элитами или представителями системной оппозиции. Такие хранилища, по моему мнению, можно представить в виде *информационных и диффузных таксонов*. Первые представляют огромные информационные ресурсы на инновационных территориях, где субъекты социальной памяти и субъекты управления создают информационные технологии для успешного функционирования национальных и глобальных инфомагистралей. В таксонах изменяются «верхние этажи» социальной памяти, связанные с системой гуманитарных наук. «В условиях тотальной интернетизации гуманитарная наука и библиотечное дело, – отмечает С. В. Тихонова, – трансформируются в цифровую гуманитаристику, а традиционные СМИ переходят в цифровую фазу развития» [4, с. 72]. Появление информационных таксонов ускоряет формирование цифровых поколений.

Возникая на начальных стадиях компьютерной революции, диффузные таксоны, в отличие от инфотаксонов, содержат локальные изменения в жизненном пространстве социума, вызванные внедрением компьютерных технологий в отдельных элементах передового производства, бизнеса, социального управления и образования. Наукоемкое производство и начальные фазы цифровой экономики сочетаются с сохранением индустриальных технологий, культуры печатной книги в образовании, в массовом сознании, в институтах социальной памяти.

Думается, что для исследования коммуникационных процессов социопамяти устойчивых

и переходных обществ определенное значение имеет концепт «коммуникационный риск». Выражая онтологию рискогенной деятельности социума и человека в сетевом обществе, он аккумулирует знания о рисках в сетевых коммуникациях [5, с. 168–169]. Коммуникационные риски по-разному проявляются в информационных и диффузных таксонах. В первом случае открывая новые возможности для прогрессивного развития социума и его социальной памяти, инфотаксоны таят целое семейство рисков, опасных для социализации, здоровья людей. Уже сегодня все более заметны тенденции массового электронного зомбирования населения, появляются все более сложные формы манипуляции массовым сознанием в интересах властвующих элит.

Острые социальные, экономические, технологические проблемы и риски диффузных таксонов свойственны в первую очередь транзитивным обществам. Таксоны заменяют функционирование социальной памяти. В этом случае возникают угрозы идентификации рисков. Можно согласиться с позицией Д. А. Аникина, рассматривающего риск как угрозу: «Под идентификационными рисками понимаются потенциальные угрозы существованию определенной социальной группы, вызываемые созданием или поддержанием социальной памяти, провоцирующей конфликты с другими социальными группами на религиозной, национальной или какой-либо иной основе» [6, с. 110]. Автор обращает внимание на тот факт, что социальная память не только впитывает риски, идущие от социальных групп или всего транзитивного общества, но и порождает все новые риски, способные подорвать жизнедеятельность социального организма. Следует добавить, что именно диффузные таксоны и их амбивалентная природа становятся наиболее благоприятной средой для агрессивной направленности памяти социальных групп, отличающихся национальным экстремизмом, готовностью к террористической деятельности.

Глобальный горизонт социальной памяти в последние десятилетия приобретает более четкие очертания. Выражая начало реальной интеграции народов мира в единую общность, глобализация находит отражение в новых дефинициях – «память человечества», «память мирового сообщества», «память мегасоциума». При всем многообразии глобальных процессов наиболее заметное воздействие на сознание оказывают информационные потоки в пространстве массмедиа, культуры, образования.

Глобализация изменяет жизненное пространство социума, оказывает воздействие на пространство социальной памяти. Развитие

глобальных информационных сетей приводит к изменению повседневной культуры и институциональной иерархии информационной деятельности национальных государств. Глобализация подрывает национальную идентичность, ослабляет стремление этносов и других исторических общностей к саморазвитию. В глобализирующемся социуме национальный опыт обесценивается, вытесняется прагматическими ценностями настоящего. Глобальные изменения в жизненном пространстве информационного общества трансформируют формы и способы хранения информации о прошлом. «Интеграция разных способов накопления информации размывает традиционные дисциплинарные рамки институтов памяти» [4, с. 72]. Изменение образов прошлого происходит под воздействием электронных библиотек, цифровых артефактов, web-ресурсов. В условиях интеграции непрерывно нарастает «электронная институализация» знаний о прошлом. На фоне весьма негативных сдвигов, вызванных воздействием электронных медиакоммуникаций, все явственнее обнаруживаются феномены отчуждения в сознании индивидов. Пространство сети порождает амбивалентного человека с его неоднозначным отношением к прошлому от демонстративного неприятия большинства традиций до ностальгии о безвозвратно ушедших временах.

На фоне негативных рискогенных процессов в культуре в массовом сознании, вызванных глобализацией, следует отметить позитивные последствия влияния новой реальности на функционирование социальной памяти. В первую очередь это отношение к общечеловеческим ценностям. В жизненном пространстве социопамати глобальные ценности связаны с игрой человеческого разума, стремлением человека к свободе и творчеству. Как справедливо утверждают Э. Фромм и Р. Хирау, «атрибуты человека – разум, способность к созиданию, включенность в со-

циум и способность к символотворчеству – действительно сущностные, хотя они и не образуют тотальности человеческой природы» [7, с. 149]. Раскрывая глубинные основания человеческой природы, предельные нравственные изменения человеческих деяний, общечеловеческие ценности для познающих субъектов становятся средством осмысления духовных традиций прошлого в разнообразных концептах, утвердившихся в постиндустриальном социуме. Свобода, благо, справедливость, способность к созиданию, выступая атрибутом коллективного разума у разных народов, становятся ценностными ориентирами индивидов в исторических событиях, по-разному проявляясь в новой исторической реальности.

Список литературы

1. Устьянцев В. Б. Артефакты в жизненном пространстве социальной памяти // Устьянцев В. Б. Время/бремя артефактов (социальная аналитика непоправимости) : сб. ст. СПб., 2004. С. 185–194.
2. Савельева И. М., Полетаев А. В. Обыденные представления о прошлом : теоретические подходы // Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 50–76.
3. Романовская Е. В. Герменевтика традиций. Саратов, 2010. 120 с.
4. Тихонова С. В. Память Интернета и социальная память : перспектива слияния // Философия времени : онтологические начала и ценностные дискурсы. Саратов, 2017. С. 68–73.
5. Устьянцев В. Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 165–170.
6. Аникин Д. А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов, 2011. 144 с.
7. Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 146–168.

Образец для цитирования:

Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>

Social Memory in the Life Space of Socium

V. B. Ustyantsev

Vladimir B. Ustyantsev, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ystvb@list.ru

The article discusses modern problems of inheritance and perception of the past from the standpoint of the categorical apparatus of social philosophy. The conceptual bases of the analysis are

connected with the comprehension of the heuristic possibilities of the concepts "social space", "living space". When analyzing the ontology of social space, three types of spatial relationships should be considered: institutional, spatial-stratification and civilizational. Virtually and spiritually mastered by people, the natural and social space becomes the life space of the society. The concept of social memory, presented in the author's previous works, develops in the article on the basis of an analysis of the three cognitive horizons of perception of the past. The traditionalist horizon is revealed in the phenomena and categories of everyday culture, where on the

basis of traditions a common attitude to the past is formed. In transitive risk-based societies, traditions cease to be conditions for the consolidation of people's life experience, in connection with this the living space of social memory is simplified, and the influence on culture is reduced. The communication horizon of the reproduction of the past expresses the ability of subjects to overcome the crisis of ordinary ideas about history. In the concepts of "information taxon", "communication risk", a positive direction of the impact of information flows of social memory on the living space of society is revealed. The global horizon of social memory reveals a new configuration of the temporal structures of society, where a breakthrough into the future is accompanied by an increase in the problems of perception of the past, caused by the transformation of ways of storing information about the past. Gradual strengthening of the role of universal values in the spiritual life of the world community will contribute to the improvement of the main horizons of the social memory of modern society.

Key words: globalization, living space, information taxon, communication, universal values, risk, social space, social memory, tradition.

References

1. Ustyantsev V. B. Artefakty v zhiznennom prostranstve sotsial'noy pamyati [Artifacts in the life space of social memory]. In: Ust'yantsev V. B. *Vremya/bremya artefaktov* [Time/burden of artifacts (social analytics of irreparability)]. St. Petersburg, 2004, pp. 185–194 (in Russian).
2. Savelieva I. M., Poletaev A. V. Obydennyye predstavleniya o proshlom: teoreticheskiye podkhody [Ordinary ideas about the past: theoretical approaches]. In: *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues over time: memory of the past in the context of history]. Moscow, 2008. pp. 50–76 (in Russian).
3. Romanovskaya E. V. *Germenevtika traditsiy* [Hermeneutics of traditions]. Saratov, 2010. 120 p. (in Russian).
4. Tikhonova S. V. Pamyat' Interneta i sotsial'naya pamyat': perspektiva sliyaniya [Memory of the Internet and social memory: the prospect of merging]. In: *Filosofiya vremeni: ontologicheskiye nachala i tsennostnyye diskursy* [The philosophy of time: ontological principles and value discourses]. Saratov, 2017, pp. 68–73 (in Russian).
5. Ustyantsev V. B. Kontsept riska v problemnom pole sotsial'nykh nauk [The concept of risk in the problem field of the social sciences]. *Izv. Saratov un-ta. (N. S.), Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 165–170 (in Russian).
6. Anikin D. A. *Toposy sotsial'noy pamyati v obshchestve riska* [Toposy social memory in a risk society]. Saratov, 2011. 144 p. (in Russian).
7. Fromm E., Xirau R. *Introduction to "The Nature of Man"*. London, 1968, MacMillan, 34 p. (Russ. ed.: Fromm E., Khirau R. Predisloviye k antologii "priroda cheloveka"). In: *Global'nyye problemy i obshchechelovecheskiye tsennosti*. Moscow, 1990, pp. 146–168).

Cite this article as:

Ustyantsev V. B. Social Memory in the Life Space of Socium. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

ОРДЕРНАЯ ДИАГНОСТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: УРОВЕНЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМАНДЫ

Л. Н. Аксеновская

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, декан факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

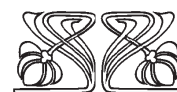
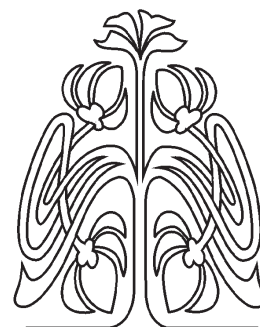
В статье представлена новая методика ордерной диагностики организационной культуры на уровне управленческой команды. Методика позволяет оценить состояние системы управления организации как составной части организационно-культурной системы. В основе методики – модель системы управления (СУ), разработанная О. С. Виханским и А. И. Наумовым. В модели выделены три подсистемы, которые диагностируются с помощью опросных листов в режиме самооценки членами управленческой команды. Это структурно-функциональная, информационно-поведенческая подсистемы и подсистема саморазвития СУ. Структурно-функциональная подсистема СУ включает описание структуры организации, функций структурных подразделений, рабочих процессов и соответствующую нормативную документацию. В состав информационно-поведенческой подсистемы СУ входят модели менеджмента, описание коммуникаций организации и другие компоненты. Подсистема саморазвития СУ содержит такие элементы, как управленческий персонал и программы его развития. Методика диагностики СУ представляет собой три опросных листа с перечнями элементов организационной культуры, соответствующих данной подсистеме. Опросные листы содержат утверждения, разделенные на две части (существующие элементы и элементы, которые член управленческой команды может точно воспроизвести). Для оценки применяется шкала от 0 до 10 баллов (только в существующем состоянии). При этом крайние значения интерпретируются следующим образом: 0 – полностью не согласен, 10 – полностью согласен. Представлен кейс, показывающий способ применения методики и процедуры подсчета результатов.

Ключевые слова: организационная культура, система управления, управленческая команда, ордерная диагностика.

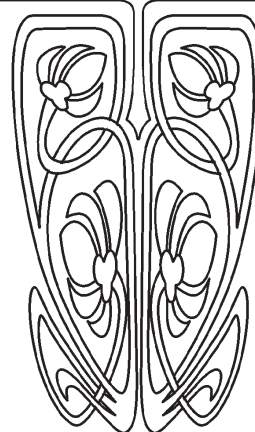
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-419-424>

Введение

Система ордерной диагностики организационной культуры развивается на основе социально-психологической модели организационной культуры, моделиобразующим параметром которой является управленческое взаимодействие. Помимо трех аспектов (субордеров) организационной культуры («семья», «армия», «церковь») модель включает в себя информацию о трех основных уровнях организационно-культурной системы: личности лидера организации, управленческой команды и организации. Каждому уровню соответствует свой набор диагностических инструментов. Сегодня наиболее известны и используются методики ордерной диагностики организационной культуры на двух уровнях из трех:

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

на уровне организации («Оценка степени выраженности субордеров организационной культуры») и «Оценка степени сформированности субордеров организационной культуры») и на уровне личности лидера организации («Диагностика ордерного типа личности лидера» и «Сотериологическая диагностика уровня развития лидерских качеств руководителя»). Менее известны методики ордерной диагностики организационной культуры на уровне управленческой команды, которые появились позднее. Однако без этих методик нельзя обеспечить системную социально-психологическую диагностику организационной культуры предприятия или учреждения.

Целью статьи является представление авторской методики ордерной диагностики организационной культуры на уровне управленческой команды – диагностика состояния системы управления.

Общая характеристика ордерного подхода к социально-психологической диагностике организационной культуры на уровне управленческой команды

Ордерная диагностика организационной культуры изначально формировалась в рамках качественного подхода. Качественная стратегия исследований предполагает такие виды исследовательского дизайна, как *кросс-секционный дизайн* – качественные интервью, фокус-группа, качественный контент-анализ документов, связанные с одним событием или определенным промежутком времени, *кейс-стади* – этнографический метод, качественное интервью конкретного случая, в том числе и конкретной организации. Позднее, после того как ордерная опросная методика была валидизирована для количественных исследований [1, 2], некоторые исследователи стали применять количественную стратегию исследования в рамках ордерного подхода и те же самые виды дизайна исследования, но с другими типичными формами: кросс-секционным дизайном (опросное исследование, структурированное наблюдение), кейс-стади (исследование конкретного случая). Новой тенденцией является использование *сравнительного дизайна*, т. е. сравнение двух или более случаев при количественной стратегии исследования, применение этнографических методов и качественного интервью в двух и более случаях при качественном исследовании [3]. Подробно данные типы дизайна описаны Э. Белл, А. Брайменом [4].

Подобные тенденции сохраняются и в случае с диагностикой культуры управленческой команды как системного уровня целостной

организационной культуры. В настоящее время применяются две методики этой диагностики: 1) ордерная диагностика системы управления; 2) ордерная диагностика управленческих компетенций членов управленческой команды.

Основные подходы и принципы, на которых основана разработка ордерных методик для диагностики организационной культуры на уровне управленческой команды, были представлены в ряде наших публикаций [5, 6]. В статье мы более подробно рассмотрим теоретическую модель, лежащую в основе одной из вышеназванных методик, и представим бланки, используемые для проведения опроса (в случае работы с группой) или интервью (в случае работы с отдельными персонами – членами управленческой команды).

Методика ордерной диагностики системы управления организацией

Система управления организацией рассматривается нами как один из важнейших элементов ее организационной культуры, а учитывая сложное строение этого «элемента», его следует определить как подсистему организационно-культурной системы со своими функциями и элементами. Ордерный подход к социально-психологическому изучению организационно-культурной системы пользуется представлением о сущности и строении системы управления (далее – СУ), разработанным в рамках научного менеджмента О. С. Виханским и А. И. Наумовым [7]. С точки зрения данных авторов, в структуре СУ можно выделить три подсистемы: структурно-функциональную, информационно-поведенческую и саморазвития. Каждая из них имеет собственное содержательное наполнение, являющееся с точки зрения организационно-культурного подхода элементами организационной культуры (продуктами культуротворческой деятельности человека и организации).

Методика диагностики СУ представляет собой три опросных листа (по количеству подсистем СУ): опросный лист 1 (структурно-функциональная подсистема СУ), опросный лист 2 (информационно-поведенческая подсистема СУ), опросный лист 3 (подсистема саморазвития СУ).

Каждый опросный лист содержит утверждения, разделенные на две части: первая часть имеет подзаголовок «Наша организация имеет:», далее перечисляются известные члену управленческой команды элементы организационной культуры, входящие в состав подсистемы; вторая часть имеет подзаголовок «Я могу:» – перечисля-

ются те же самые элементы, но с пометкой «точно воспроизвести» – «Я могу точно воспроизвести».

Опросный лист имеет также две основные колонки: в левой представлены упоминавшиеся выше утверждения, в правой – пустые графы для проставления баллов, оценивающих как наличие, например, документов (элементов культуры) в организации, так и умение участника опроса воспроизвести содержание каждого документа. Для оценки применяется шкала от 0 до 10 баллов

(только в существующем состоянии). При этом крайние значения интерпретируются следующим образом: 0 – полностью не согласен, 10 – полностью согласен. Максимально возможный результат (10 баллов за каждое утверждение) составляет 260 баллов; минимально возможный результат (0 баллов за каждое утверждение) составляет 0 баллов.

Для самооценки полученного результата применяется таблица (табл. 1).

Таблица 1

Система самооценки состояния системы управления (СУ)

Баллы	Оценка	Рекомендация
260–180	Высокий результат	Совершенствовать сложившуюся СУ
179–130	Средний результат	Развивать сложившуюся СУ
129–0	Низкий результат	Формировать СУ

Ниже представлены бланки опросных листов и форма для дифференцированной оценки полученного результата, касающегося наличия нормативных документов в организации, создание которых находится в сфере ответственности членов управленческой команды, и знания этих документов.

Инструкция

Вашему вниманию предлагаются утверждения, истинность которых нужно оценить от 0 до 10 баллов, при этом: 0 – полностью не согласен, 10 – полностью согласен. Баллы проставляются в правой колонке напротив утверждений.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ № 1 (СФП)

№	Утверждение	Балл (от 0 до 10)
1.	Наша организация имеет:	
1.1.	описание функциональной структуры организации с указанием вертикальных и горизонтальных связей	
1.2.	положения об организации и ее структурных подразделениях	
1.3.	должностные инструкции на каждое рабочее место	
1.4.	описание процедур всех видов управленческой деятельности	
1.5.	описание процедур всех видов исполнительских работ	
2.	Я могу:	
2.1.	точно воспроизвести органиграмму организации	
2.2.	точно воспроизвести Положение об организации	
2.3.	точно воспроизвести свою должностную инструкцию	
2.4.	точно воспроизвести перечень управленческих процедур, которые обязан выполнять	
2.5.	точно воспроизвести перечень исполнительских процедур, которые обязан контролировать как управленец	
Всего баллов из 100 возможных:		

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ № 2 (ИПП)

№	Утверждение	Балл (от 0 до 10)
1.	Наша организация имеет документы с описанием:	
1.1.	концепции и модели управления организацией	
1.2.	модели управленческого взаимодействия	
1.3.	делового кредо организации	
1.4.	системы мониторинга состояния организационной культуры организации	
1.5.	системы внутриорганизационных коммуникаций	
2.	Я могу:	
2.1.	точно воспроизвести нашу концепцию и модель управления организацией	
2.2.	точно воспроизвести нашу модель управленческого взаимодействия	
2.3.	точно воспроизвести наше деловое кредо	
2.4.	точно описать нашу систему мониторинга организационной культуры	
2.5.	точно описать нашу систему внутриорганизационных коммуникаций	
	Всего баллов из 100 возможных:	

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ № 3 (ПС)

№	Утверждение	Балл (от 0 до 10)
1.	Наша организация имеет:	
1.1.	концепцию профессионального личностного развития руководителей в организации	
1.2.	индивидуальные планы развития каждого руководителя на 1–3 года	
1.3.	систему развития руководителей в организации	
2.	Я могу:	
2.1.	точно описать основные положения концепции профессионального и личностного развития руководителей в организации	
2.2.	точно воспроизвести свой индивидуальный план развития	
2.3.	точно воспроизвести строение системы развития руководителей в организации и ее основные параметры	
	Всего баллов из 60:	

Для фиксации полученных данных и удобства последующего анализа применяется таблица, представленная ниже (табл. 2).

Таблица 2

Дифференцированный результат наличия нормативных документов и их знания

Опросный лист	«Имеем» (баллы)	«Могу» (баллы)
№ 1		
№ 2		
№ 3		

Опыт проведения внутрикомандной диагностики системы управления

Ордерная диагностика организационной культуры управленческой команды (параметр «Система управления») была проведена с управленческой командой компании, занимающейся охранной деятельностью; численный состав команды – 8 человек.

Процедура самодиагностики включала следующие этапы. Члены команды: 1) разместились в одной комнате; 2) получили опросные листы; 3) получили инструкцию по заполнению опросных листов; 4) каждый заполнял свои опросные листы самостоятельно, не консультируясь с другими членами команды; 5) каждый участник самостоятельно подсчитывал получившиеся баллы; 6) когда все закончили свои подсчеты, лидер команды (руководитель организации) вышел к флип-чарту и перенес индивидуальные результаты в общую таблицу; 7) путем простого арифметического сложения баллов каждого члена управленческой команды по каждому опросному листу был получен общегрупповой результат; 8) общегрупповой результат был разделен на число участников (8 человек) и умножен на 3 (количество опросных листов); полученный итог – 188 баллов из 260 (табл. 3).

Таблица 3

Результат диагностики СУ

Подсистема	«Имеем»	«Могу»
СФП СУ	368/46	301/38
ИПП СУ	281/35	273/34
ПС СУ	141/18	134/17

Данный результат (188 баллов) относится к категории «высокий». В качестве рекомендации предлагается совершенствовать уже сложившуюся систему управления и три ее подсистемы – структурно-функциональную, информационно-поведенческую и подсистему саморазвития системы управления. В ходе выполненной самооценки менеджеры пришли к заключению, что сложившаяся система управления имеет высокий уровень развития.

Команда также сделала вывод, что из трех подсистем СУ наиболее развитой является структурно-функциональная. Две другие – информационно-поведенческая и саморазвития находятся на низком уровне и нуждаются в дополнительном проектировании с последующим внедрением разработанных регламентов.

Заключение

Ордерная диагностика организационной культуры является эффективным инструментом не только самооценки деятельности управленческой команды, отвечающей за формирование и состояние организационной культуры и обеспечиваемых ею видов единства (эмоционально-ценностного, целевого и смыслового), но также действенным средством самообучения управленческой команды. В ходе диагностической процедуры управленцы либо вспоминают, либо узнают впервые, что именно следует сделать для развития системы управления, какие задачи необходимо решить.

Диагностика системы управления организации как важнейшего элемента (подсистемы) всей организационно-культурной системы, включенная в комплекс ордерных диагностических мероприятий, является удобным инструментом постоянного мониторинга состояния организационной культуры предприятия или учреждения и обеспечивает высокий уровень управления организационной культурой.

Список литературы

1. Глухова О. Е., Аксеновская Л. Н. Моделирование организационного и организационно-культурного взаимодействия : атомистический подход. Саратов, 2016. 99 с.
2. Smirnova A. Yu., Aksenovskaya L. N. The order diagnostics of the organizational culture : the validation of the scale of diagnostic of the degree of expressiveness of suborders of organizational culture // International annual edition of applied psychology: Theory, research, and practice. 2017. Vol. 4. P. 7–24. URL: <http://interpsy.sgu.ru/en/articles/the-order-diagnostics-of-the-organizational-culture-the-validation-of-the-scale-of> (дата обращения: 10.02.2018).
3. Нестерова К. С. Сравнительный анализ результатов ордерной диагностики организационной культуры российского и американского университетов (на примере подразделений международного сотрудничества) // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 3. С. 85–119.
4. Белл Э., Браймен А. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. Харьков, 2012. 776 с.
5. Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика культуры управленческой команды : принципы и параметры // Материалы съезда Российского психологического общества : в 2 т. Казань, 2017. Т. 1. С. 118–120.
6. Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика управленческих компетенций : к проблеме разработки методики // Организационная психология : люди и риски: сб. материалов VIII междунар. науч.-практ. конф. (16–17 ноября 2017 г.) / под ред. Л. Н. Аксеновской. Саратов, 2017. С. 3–5.
7. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент : человек, стратегия, организация, процесс. М., 1996. 416 с.

Образец для цитирования:

Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика организационной культуры: уровень управленческой команды // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 419–424. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-419-424>

**Order Diagnostics of Organizational Culture:
Level of Managerial Team**

L. N. Aksenovskaya

Liudmila N. Aksenovskaya, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

The article introduces a new method for order diagnosis of organizational culture at the level of the management team. The method allows to assess the state of the organization's management system as an integral part of the organizational and cultural system. The method is based on the management system model developed by O. S. Vikhansky and A. I. Naumov. The model identifies three subsystems that are diagnosed using questionnaires in the self-assessment mode by members of the management team. This is a structural-functional, information-behavioral subsystem and subsystem of self-development of the management system. The structural and functional subsystem of the management system includes a description of the structure of the organization, the functions of structural units, a description of the work processes and the relevant regulatory documentation. The information-behavioral subsystem of the management system includes management models, a description of the organization's communications and other components. The self-development subsystem of the management system includes management personnel and programs for its development. A case is presented showing the way in which the method and the procedure for calculating the results are applied.

Key words: organizational culture, management system, managerial team, order diagnostic.

References

1. Glukhova O. E., Aksenovskaya L. N. *Modelirovanie organizatsionnogo i organizatsionno-kul'turnogo vzaimodeystviya: atomisticheskiy podkhod* [Modeling of organizational and organizational-cultural interaction: Atomistic approach]. Saratov, 2016. 99 p. (in Russian).
2. Smirnova A. Yu., Aksenovskaya L. N. The order diagnostics of the organizational culture: the validation of the scale of diagnostic of the degree of expressiveness of suborders of organizational culture. *International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice*, 2017, vol. 4, pp.7–24. Available at: <http://interpsy.sgu.ru/en/articles/the-order-diagnostics-of-the-organizational-culture-the-validation-of-the-scale-of> (accessed 10 February 2018).
3. Nesterova K. S. Sravnitelnyi analiz rezultatov ordernoy diagnostiki organizatsionnoy kultury rossiyskogo i amerikanskogo universitetov (na primere podrazdeleniy mezhdunarodnogo sotrudnichestva) [Comparative research of organizational culture in Russian and American universities: Order diagnostics of international cooperation departments]. *Organizacionnâ psihologiâ [Organizational Psychology]*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 85–119 (in Russian).
4. Bryman A., Bell E. *Business Research Methods*. Oxford, 2003. 608 p. [Russ. ed. Bell E., Bryman A. *Metody sotsial'nykh issledovaniy. Gruppy, organizatsii i biznes* [Methods of social research. Groups, organizations and business]. Kharkov, 2012. 776 p. (in Russian).
5. Aksenovskaya L. N. Ordernaya diagnostika kul'tury upravlencheskoy komandy: printsipy i parametry. *Materialy sezda Rossiyskogo psikhologicheskogo obshchestva: v 2 t.* [The Order Diagnostics of the Managerial Team Culture: principles and parameters. Materials of the congress of the Russian Psychological Society: in 2 vols.], Kazan, 2017, vol. 1, pp.118–120 (in Russian).
6. Aksenovskaya L. N. Ordernaya diagnostika upravlencheskikh kompetentsiy: k probleme razrabotki metodiki [Order diagnostics of managerial competencies: to the problem of method development]. *Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski: sbornik materialov VIII nezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (16–17 noyabrya 2017 g.) [Organizational psychology: people and risks: coll. materials of the VIII International scientific and practical conference (November 16–17, 2017)]. Saratov, 2017, pp. 3–5 (in Russian).
7. Vikhansky O. S., Naumov A. I. *Menedzhment: chelovek, strategiya, organizatsiya, protsess* [Management: the man, strategy, organization, process]. Moscow, 1996. 416 p. (in Russian).

Cite this article as:

Aksenovskaya L. N. Order Diagnostics of Organizational Culture: Level of Managerial Team. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 419–424. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-419-424>

УДК 316.62

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФОРМ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

И. В. Арендачук

Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, arend-irina@yandex.ru

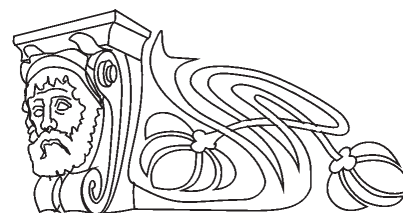
Целью исследования, описанного в статье, стало выявление сходства и различий ценностно-смысловых характеристик, обуславливающих разные формы проявления социальной активности молодежи. Представлены результаты эмпирического исследования, участники – молодежь в возрасте 18–25 лет ($N = 80$). Изучение социальной активности молодежи проводилось с помощью специально разработанной анкеты; ее смысло-жизненные характеристики анализировались с помощью теста смысло-жизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, шкалы экзистенции А. Лэнгле и К. Орслера, методики «Жизненное предназначение» О. И. Моткова. Ценностные ориентации изучались по методикам «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой и «Профиль личности» Ш. Шварца. Установлено, что образовательно-развивающая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, досуговая и альтруистическая формы активности молодежи положительно коррелируют со смысло-жизненными ориентациями, показателями экзистенциальной наполненности жизни и социально ориентированными ценностями. Показано, что религиозная и досуговая формы активности в большей мере детерминированы убеждениями в управляемости жизни и направленностью на реализацию жизненных предназначений; социально-политическая активность направлена на достижение позитивных изменений в обществе. Выявлены различия в ценностно-смысловых детерминантах разных форм социальной активности, которые определяют их направленность. Результаты исследования могут быть использованы при организации разных видов социально полезной деятельности молодежи, с учетом ее основных ценностей и жизненных устремлений.

Ключевые слова: молодежь, социальная активность, формы социальной активности, ценности, жизненные предназначения, смысло-жизненные ориентации, экзистенциальная наполненность жизни.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>

Введение

Проблема социальной активности личности не теряет своей актуальности в современных психологических исследованиях в связи с изменениями всей системы общественной жизни, связанными с расширением возможностей современного человека в проявлении активного и от-

ветственного отношения к миру и другим людям, в поиске своего жизненного предназначения.

В современных публикациях по проблеме социальной активности она определяется в разных контекстах:

как способность и готовность личности быть субъектом социальных взаимодействий, направленных на преобразование себя и окружающей среды для достижения личных и социально ориентированных целей [1];

как частный случай инициативного воздействия личности на окружающую среду, предполагающий не только ее участие в общественной жизни, но и инициативно-творческое отношение к самой себе как субъекту социального бытия, а также к сферам своей социальной жизнедеятельности [2];

как интегральную, обобщенную характеристику, структурно состоящую из мотивационной, предметно-операционной, рефлексивной и ценностно-потребностной групп компонентов, взаимосвязь которых определяет проявления личностью инициативы, самостоятельности, самостоятельности как специфических ее характеристик [3];

как совокупность социально полезных действий в процессе взаимодействия человека с окружающей средой посредством познания, деятельности и общения, в основе которых лежат не только личные мотивы и стимулы, но и общественно значимые потребности [4].

Методологический анализ исследований по проблеме социальной активности, проведенный Г. В. Барановой и А. А. Барановым, показывает, что она является динамической составляющей деятельности, реализуемой исходя из особенностей текущей ситуации, цель которой определяется потребностями личности или общества. Формы проявления социальной активности зависят от существующей общественно-экономической формации и особенностей развития общества в конкретный исторический период. Ее основными компонентами являются социально-психологическая готовность личности к деятельности и целенаправленные акты творческой социальной деятельности, осуществляемой в разных формах [5].

Наиболее выраженными проявлениями социальной активности отличается молодежь как социально-психологическая группа, основной задачей личностного развития которой становится формирование системы отношений к себе и к окружающему миру, поиск приемлемых форм взаимодействия с ним. Исходя из того, что социальная активность молодежи направлена на достижение актуальных целей в тех видах социально значимой деятельности, которая позволяет их реализовать [1], можно выделить виды этой деятельности, соответствующие сферам социальной жизни. К первому виду относится общественно значимая деятельность (альтруистическая, социально-политическая, гражданская, социально-экономическая, досуговая и пр.). Другой вид деятельности обусловлен задачами личностного развития: для студенческой молодежи – это учебно-профессиональная деятельность, а для работающей – профессиональная. Именно поэтому при изучении проблемы социальной активности молодежи в отечественных исследованиях рассматриваются отдельные формы ее проявления: социально-политическая [6–8], гражданская [9], волонтерская [10], протестная [11]. Широко представлены исследования социальной активности студенческой молодежи как отдельной социальной группы [1, 3, 12–14]. Следует отметить, что большинство исследований социологические. В психологическом плане социальная активность исследована в контексте обусловленности мотивацией и адаптацией личности [15], ее субъективным благополучием [16, 17], рассматриваются компоненты ее развития [18], однако практически не исследованными являются аспекты социальной активности молодежи, связанные с системой ее ценностных и смысловожизненных ориентаций.

Цель исследования, представленного в данной статье, – изучение ценностно-смысловой обусловленности разных форм социальной активности молодежи, направленное на выявление ее сходства и различий. *Гипотеза исследования*: различные формы социальной активности молодежи отличаются комплексом взаимосвязанных ценностно-смысловых характеристик, определяя ее направленность и степень выраженности.

Методы и результаты исследования

Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 80 человек в возрасте 18–25 лет – студенты Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и Саратовского государственного технического университета

имени Гагарина Ю. А. (40 человек), а также представители работающей молодежи (40 человек). Из них 52,5% проживают в областном городе (Саратове) и 47,5% – в малом городе (Балакове). По уровню образования: имеет полное общее среднее 36%, среднее профессиональное образование – 34%, высшее образование – 30%. Степень выраженности и формы проявления социальной активности изучались с помощью специально разработанной анкеты (коллектив авторов – И. В. Арендачук, Е. Е. Бочарова, М. В. Григорьева, А. И. Заграничный, М. А. Кленова, Н. В. Усова, О. А. Черкаева, Р. М. Шаминов, А. А. Шаров), в которой все изучаемые показатели оценивались молодыми людьми по шкале от 1 до 5 (1 – минимальная, 5 – максимальная степень выраженности показателя). Ценностно-смысловые характеристики социальной активности исследованы с помощью методик: «Тест смысловожизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева [19], «Шкала экзистенции (Existenzskala)» А. Лэнгле и К. Орглера [20], «Жизненное предназначение» О. И. Моткова [21], «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой [22], «Профиль личности» Ш. Шварца [23]. Проверка выборки на нормальность распределения по среднему показателю проявления социальной активности с помощью критерия Колмогорова – Смирнова ($K-S d = 0,066$; $p = 0,128$ с учетом поправки Лильефорса) свидетельствовала о согласовании эмпирического распределения с гипотезой о его нормальности, что позволило использовать линейный корреляционный анализ по Пирсону для выявления взаимосвязей показателей ценностно-смысловых характеристик и степени проявления разных форм социальной активности.

Проведенное исследование позволило выявить значимые корреляционные связи ($p < 0,05$), отражающие обусловленность разных форм социальной активности ценностно-смысловыми характеристиками молодежи.

Наибольшая обусловленность (по числу значимых корреляционных связей, $n = 19$; 41% от возможного их числа) была выявлена в отношении *образовательно-развивающей активности молодежи*, проявляющейся в учебно-развивающей деятельности (получение дополнительного, в том числе профессионального, образования, участие в предметных олимпиадах, конкурсах, различных образовательных акциях, в научной и проектно-исследовательской деятельности, групповой обучающе-развивающей деятельности – посещение тренингов, групп личностного роста, публичных лекций, мастер-классов и пр.).

Было установлено, что проявление этой формы активности тем сильнее, чем в большей степени у молодых людей:

сформированы перспективные жизненные цели ($r = 0,42$), позитивно оценивается прошлый жизненный опыт ($r = 0,40$), выражены удовлетворенность настоящим ($r = 0,31$) и в целом – осмысленность жизни ($r = 0,36$);

проявляется способность справляться с самим собой и с миром, соотносить внутренние и внешние требования с собственными ценностями (экзистенциальная исполненность, $r = 0,38$), основанная на умении ориентироваться в этом мире (фактор экзистенции, $r = 0,39$) и быть ответственным за свою жизнь ($r = 0,46$), а также способность понимать свои чувства, соотносить с собой ценности мира (самотрансценденция, $r = 0,26$) и ориентация на эмоциональный стиль жизни (фактор личности, $r = 0,26$);

при реализации жизненных предназначений выражен внутренний ($r = 0,31$) и снижен внешний ($r = -0,25$) локус контроля;

в системе ценностей доминируют ориентации на групповые нормы и традиции ($r = 0,29$), на поиск и наслаждение прекрасным ($r = 0,32$), на общение ($r = 0,26$) и любовь ($r = 0,26$), на познание нового о мире, природе, человеке ($r = 0,43$), на достижение высокого социального статуса и возможности управлять людьми ($r = 0,48$), признания и уважения людей ($r = 0,31$), на социальную активность для достижения позитивных изменений в обществе ($r = 0,41$).

Также выраженной по числу значимых ($p < 0,05$) корреляционных связей ($n = 16$; 34,7% от возможного их числа) оказалась ценностно-смысловая обусловленность *интернет-сетевой активности молодежи* в форме участия в различных сетевых группах и сообществах, в интерактивных коллективных взаимодействиях, в открытом выражении собственного мнения и позиции в виртуальной среде и т. п., проявления которой находились в прямой взаимосвязи от характеристик:

смысложизненных ориентаций в целом ($r = 0,34$), сформированности жизненных целей ($r = 0,50$) и позитивной оценки результативности жизни ($r = 0,34$);

экзистенциальной исполненности жизни – ответственности ($r = 0,33$), как проявления обязательности перед собой или перед кем-то и ориентации на жизненный стиль, основанный на долге (фактор экзистенции, $r = 0,25$);

ценностных ориентаций личности – на традиции ($r = 0,25$), любовь ($r = 0,26$), на познание нового о мире, природе, человеке ($r = 0,26$), на достижение признания и уважения людей

($r = 0,27$), на социальную активность для достижения позитивных изменений в обществе ($r = 0,42$), на общение ($r = 0,48$) и здоровье ($r = 0,32$).

Были выявлены характеристики, снижающие *интернет-сетевую активность* молодежи, отражающие ценностные ориентации на власть как доминантную позицию в целостной социальной системе ($r = -0,24$), универсализм при расширении социальных взаимодействий ($r = -0,29$) и самостоятельность в мышлении и выборе способов действий ($r = -0,33$), а также внутренний локус контроля ($r = -0,29$).

14 значимых ($p < 0,05$) корреляционных связей (30,4% от возможного их числа) выявлено в отношении *гражданской* (участие в деятельности неполитических организаций, в акциях по преобразованию общества и выражению солидарности в другими людьми), *социально-экономической* (совмещение учебы и работы, выраженная направленность на получение различных видов заработков) и *досуговой* (активный и пассивный отдых, хобби, деятельность по совершенствованию своего внешнего облика и т. п.) форм активности. Они проявляются тем сильнее, чем в большей степени у молодежи выражен показатель осмысленности жизни (соответственно, $r = 0,33$; $r = 0,32$ и $r = 0,35$) и его составляющие. Гражданская активность проявляется сильнее при выраженности смысловых ориентаций «процесс жизни» (удовлетворенность настоящим, $r = 0,36$), «результативность жизни» (удовлетворенность самореализацией, $r = 0,38$), «локус контроля–Я» (представления о себе как о сильной личности, $r = 0,26$). Социально-экономическая и досуговая формы активности усиливаются при повышении значимости смысловых ориентаций «цели жизни» (направленность и временная перспектива жизни, $r = 0,36$ и $r = 0,44$), «результативность жизни» (удовлетворенность прожитой частью жизни, $r = 0,27$ и $r = 0,29$), «локус контроля–жизнь» (управляемость жизни, $r = 0,26$ и $r = 0,34$). Схожей оказалась обусловленность гражданской, социально-экономической и досуговой активности показателями экзистенциальной исполненности жизни: «самотрансценденцией» (внутренней способностью чувствовать ценностные основания и ориентироваться на них, соответственно $r = 0,27$; $r = 0,25$ и $r = 0,28$), «свободой» (ясностью и прочностью в формировании суждения и нахождении решения, $r = 0,29$; $r = 0,32$ и $r = 0,37$), «ответственностью» (способностью доводить до конца решения, принятые на основании личных ценностей, $r = 0,28$; $r = 0,40$ и $r = 0,36$), «исполненностью жизни предоставляемыми возможностями» ($r = 0,31$; $r = 0,39$ и

$r = 0,39$), «субъективно переживаемой мерой исполненности» (на основе способности прийти к жизни, сформированной со смыслом, $r = 0,34$; $r = 0,38$ и $r = 0,37$).

Различия в описываемых формах социальной активности выявлены в их обусловленности отдельными ценностными ориентациями и показателями жизненных предназначений. Так, гражданская активность повышается при выраженной у молодежи высокой осознанности жизненных предназначений ($r = 0,27$; при низкой осознанности снижается, $r = -0,40$) и потенциальной гармоничности их осуществления ($r = 0,29$); при повышении ценностной ориентации на гедонизм ($r = 0,27$) и любовь ($r = 0,26$). Социально-экономическая активность усиливается у молодых людей с внешним локусом контроля ($r = 0,32$), не ориентированных на подчинение ($r = -0,25$) и проявление доброты ($r = -0,30$), но стремящихся к высокому социальному статусу и управлению людьми ($r = 0,32$), к проявлению социальной активности для достижения изменений в обществе ($r = 0,25$). Досуговая активность повышается при жизненной направленности на творчество ($r = 0,31$), поддержку себя и своих интересов ($r = 0,25$), выраженности внешнего локуса контроля ($r = 0,33$).

В отношении *религиозной активности* (участие в деятельности религиозных объединений, следование религиозным обрядам и нормам поведения) было выявлено 13 значимых ($p < 0,05$) корреляционных связей (28,3% от возможного их числа), показывающих ее обусловленность характеристиками экзистенциальной наполненности жизни и ценностными ориентациями. Эта форма активности особенно явно выражена у молодых людей с повышенной направленностью к самодистанцированию ($r = 0,31$) как проявлению способности отодвинуть при необходимости свои желания, представления, чувства и намерения, чтобы взглянуть на себя и на ситуацию с некоторой дистанции; к самотрансценденции ($r = 0,28$) как выходу за пределы себя (эмоциональная откликаемость, готовность к встрече с новым) и в целом – к экзистенциальной наполненности жизни ($r = 0,25$) как результату реализации способности справляться с самим собой и с миром. При этом также выражено убеждение во внешней управляемости жизнью (локус контроля–жизнь, $r = 0,24$). В системе ценностных установок молодежь с повышенной религиозной активностью ориентирована на традиции ($r = 0,41$), доброту, особенно к близким людям ($r = 0,29$), на новизну и глубокие переживания (стимуляция, $r = 0,27$), на помощь и милосердие к другим людям ($r = 0,30$), любовь ($r = 0,42$) и

проявление социальной активности ($r = 0,27$). Тенденция к снижению этой формы активности может наблюдаться у молодых людей, отличающихся разнонаправленностью своих жизненных предназначений ($r = 0,32$) и стремящихся к сохранению здоровья ($r = -0,25$).

Активность при осуществлении *альтруистической деятельности*, направленной на безвозмездную помощь людям и заботу об окружающем мире, оказалась обусловленной смысложизненными ориентациями и направленностью на реализацию жизненных предназначений (11 значимых корреляционных связей, $p < 0,05$; 23,9% от общего их числа). Участие молодежи в альтруистических формах деятельности (донорство, пожертвования, поддержка людей с ограниченными возможностями, поиск пропавших людей, забота о бездомных животных, благоустройство общественных мест и т. п.) обусловлено стремлением к свободе в принятии решений ($r = 0,30$), к экзистенциальной исполненности жизни ($r = 0,25$), к общей ее осмысленности ($r = 0,32$) на основе удовлетворенности самореализацией в настоящем (процесс жизни, $r = 0,35$), позитивной оценки прожитой части жизни (результативность жизни, $r = 0,31$) и уверенности в способности управлять собственной жизнью (локус контроля–Я, $r = 0,28$). В системе жизненных предназначений у молодых людей с выраженной альтруистической активностью доминирует направленность на руководство ($r = 0,31$), поддержку других людей ($r = 0,31$) при одновременной ориентации на соответствие социальным ожиданиям (конформность, $r = 0,25$) и традиционный способ поведения как символ групповой солидарности (традиции, $r = 0,30$). Ориентация на конкретную деятельность в собственных интересах (ситуативная ориентация, $r = -0,32$) снижает альтруистическую активность молодежи.

Духовная активность, направленная на духовное развитие личности через приобщение к культурному наследию общества (8 значимых корреляционных связей, $p < 0,05$; 17,4% от общего их числа), оказалась обусловленной персональными предпосылками исполненности жизни ($r = 0,34$) и особенно выраженностью самотрансценденции ($r = 0,34$) и локуса контроля–жизнь ($r = 0,30$), а также ценностными ориентациями на творчество ($r = 0,30$), доброту ($r = 0,30$), универсализм ($r = 0,32$) и стимуляцию как производную от потребности в разнообразии и глубоких переживаниях ($r = 0,28$).

Социально-политическая активность, проявляющаяся в участии молодежи в деятельности политических объединений, в митингах, шествиях

ях, избирательных кампаниях и т. п., оказалась взаимосвязана только с экзистенциальным фактором «ответственность» ($r = 0,24$) и социально ориентированными ценностями – познанием нового о мире, природе, человеке ($r = 0,34$), высоким социальным статусом и управлением людьми ($r = 0,36$), социальной активностью для достижения позитивных изменений в обществе ($r = 0,34$) и общением ($r = 0,30$) (для всех корреляционных связей $p < 0,05$).

Радикально протестная активность в виде деятельности, направленной на ограничение прав и свобод других людей, связана с проявленными на уровне значимых ($p < 0,05$) корреляционных связей ориентациями молодых людей на ценности солидарности с групповыми нормами и традициями ($r = 0,25$). При доминировании ценностных ориентаций на новизну и открытость к изменениям (стимуляция, $r = -0,26$), на получение удовольствия от жизни (гедонизм, $r = -0,38$), на личный успех и социальную компетентность (достижение, $r = -0,25$) данная форма активности имеет тенденцию к снижению.

Протестная (выражение недовольства, оппозиционная деятельность) и *субкультурная* (принадлежность и открытое выражение позиции любой из субкультур) формы активности молодежи не связаны со смысложизненными и ценностными ориентациями. Выявлены жизненные предназначения, снижающие проявление этих форм активности ($p < 0,05$): при направленности молодых людей на творческую самореализацию в жизни они не склонны к протестам ($r = -0,26$); при направленности на реализацию жизненного предназначения «исполнитель» ($r = -0,37$) снижается степень выраженности субкультурной активности.

Заключение

Проведенное исследование выявило сходство в ценностно-смысловой обусловленности разных форм активности молодежи. Так, образовательно-развивающая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, досуговая и альтруистическая формы активности молодежи обусловлены смысложизненными ориентациями. Эти же формы активности, кроме альтруистической, коррелируют с показателями экзистенциальной исполненности жизни, а образовательно-развивающая, интернет-сетевая и социально-экономическая активность еще и с социально ориентированными ценностями. Вместе с тем были выявлены и различия:

при внутреннем локусе контроля и направленности молодежи на достижение социального престижа и статуса снижается интернет-сетевая активность;

гражданская активность проявлялась при высокой осознанности молодыми людьми своих жизненных предназначений и наличии внутренних условий для гармоничности их осуществления, а также ориентации на гедонизм;

социально-экономическая активность молодежи снижается при ориентации на благополучие в повседневных взаимодействиях с близкими людьми и подчинение при реализации своих жизненных предназначений;

досуговая активность усиливается при реализации творческого подхода к жизни, поддержке себя в достижении жизненных предназначений при выраженной неготовности проявлять ответственность за их реализацию;

альтруистическая активность обусловлена направленностью на руководство, поддержку других людей, на конформность, на традиции и имеет тенденцию к снижению при ориентации на конкретную деятельность в собственных интересах;

духовная активность проявляется у молодежи, ориентированной на творчество, на ценности, определяющие открытость личности к изменениям (стимуляции) и самотрансценденности (обогащению внутреннего мира, универсализме и доброте);

религиозная активность детерминирована ориентациями на чувственные переживания – стремлением к новизне и глубоким переживаниям, к любви, помощи и милосердию, к реализации потребности в позитивном взаимодействии на благо других людей, в смирении и благочестии при поддержании традиций, ориентация же на здоровый образ жизни и разнонаправленность жизненных предназначений значительно снижают степень ее проявления;

социально-политическая активность проявляется молодыми людьми, стремящимися к достижению высокого социального статуса, через участие в деятельности политических партий и объединений, у которых развито чувство долга и выражено стремление к достижению позитивных социальных изменений в общественной жизни, понимающих ценность общения и знаний о современном человеке, о законах развития социального мира;

радикально протестная активность обусловлена только ориентацией на групповые нормы и традиции, направленность которых зависит от социальной ориентации молодежных групп;

протестная и субкультурная формы активности не имеют ценностно-смысловой обусловленности и определяются только направленностью жизненного предназначения молодого человека.

Полученные результаты показывают, что ($p < 0,05$) различные формы социальной активности молодежи характеризуются обусловленностью комплексом схожих ценностно-смысловых характеристик, определяющих степень их выраженности; различия в характере корреляционных связей определяют направленность этих форм активности.

В практическом плане знание основных ценностей и жизненных устремлений молодежи, особенностей ценностно-смысловой детерминации ее социальной активности представляется важным для разработки программ вовлечения молодых людей в общественно значимую и полезную деятельность на основе их осознанного и ответственного отношения к результатам и социальным последствиям этой деятельности.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).

Список литературы

1. Харланова Е. М. Исследование социальной активности студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 173–178.
2. Шамионов Р. М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.
3. Палаткина Г. В., Азизова Л. В. Структурные компоненты социальной активности студентов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 85–87.
4. Бережная И. Ф., Зыкова А. О. Содержание категории «социальная активность» в психологии и педагогике // Вестн. Воронеж. гос. техн. ун-та. 2012. Т. 8, № 10. С. 171–177.
5. Баранова Г. В., Баранов А. А. Социальная активность (опыт методологического анализа) // Вестн. Рос. гос. гум. ун-та. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2 (103). С. 232–242.
6. Гукова И. Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 156–159.
7. Игнатова Т. В. Политическая активность как основная форма политического участия российской молодежи // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 3–12.
8. Швачко Е. В., Дуранов М. Е. Социальная активность как фактор формирования политической культуры студентов // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 159–164.
9. Андреева М. А., Холдобин Д. В. Возможности воспитания в формировании социальной активности личности студента как гражданина-патриота // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2013. № 5. С. 9–13.
10. Рюмина Ю. Н. Формирование социальной активности студентов вуза в процессе волонтерской деятельности // Концепт. 2013. № S2. С. 36–40. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13520.htm>
11. Гусейнов А. Ш. Протестная активность личности : сущность, динамика, трансформация. Краснодар, 2013. 468 с.
12. Маширапова Х. К. Теоретические основания социальной активности студенческой молодежи // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 7 (123). С. 180–184.
13. Драган Н. А. Воспитание социальной активности студента // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология. 2013. № 2. С. 104–106.
14. Жамков А. А. Развитие социальной активности личности студента – будущего педагога в системе высшего профессионального образования // Общество : социология, психология, педагогика. 2017. № 5. С. 110–112. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.5.27> (дата обращения: 05.03.2018).
15. Shamionov R. M., Grigoryeva M. V., Grigoryev A. V. Influence of beliefs and motivation on social-psychological adaptation among university students // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 112. P. 323–332. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/18770428/1> (дата обращения: 20.08.2018).
16. Бочарова Е. Е. Универсальные и культурно-специфические особенности взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 4 (8). С. 387–391.
17. Шамионов Р. М. Критерии субъективного благополучия личности : социокультурная детерминация // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 3. С. 213–219. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218
18. Пчелин С. М. Психологическое исследование социальной активности личности : компоненты развития социальной активности личности // Сиб. пед. журн. 2008. № 15. С. 378–386.
19. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000. 18 с.
20. Кривцова С. В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1. С. 141–170.
21. Мотков О. И. Методика «Жизненное предназначение» // Школьный психолог. 1998. № 36. С. 8–9.
22. Бубнова С. С. Методика диагностики ценностных ориентаций личности. М., 1995. 49 с.
23. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. СПб., 2004. 70 с.

Образец для цитирования:

Арендачук И. В. Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 425–432. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>

Value-based Meaningful Characteristics of Social Activity of Youth, Depending on the Forms of Its Manifestation

I. V. Arendachuk

Irina V. Arendachuk, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, arend-irina@yandex.ru

The purpose of the study presented in the article was to identify the similarities and differences in value-based meaningful characteristics that determine the different forms of social activity of youth. The results of an empirical study performed on a sample of young people aged 18–25 ($N = 80$) are presented. The study of the youth's social activity is performed with the help of the original questionnaire; its life-purpose characteristics are analyzed with the help of the life-purpose orientations test by D. A. Leontev, the existence scale by A. Langle and C. Orgler, methods "Life purpose" by O. I. Motkov. Value orientations are studied using the methods "Diagnostics of the real structure of personality's value orientations" by S. S. Bubnova and "Personality Profile" by Sh. Schwartz. It has been established that the educational and developmental, Internet- network, civil, socio-economic, leisure and altruistic forms of youth activity positively correlate with the life-meaning orientations, indicators of existential fullness of life and socially-oriented values. It is shown in the article that religious and leisure forms of activity are mostly determined by beliefs about the manageability of life and the orientation towards the realization of life's predestination; socio-political activity is aimed at achieving positive changes in society. The author revealed differences in the value-based meaningful determinants of various forms of social activity that designate their direction. The results of the research can be used to organize different types of socially useful activities of youth, considering their basic values and life aspirations.

Key words: youth, social activity, forms of social activity, values, life's predestination, life-meaning orientations, existential fullness of life.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00298).*

References

1. Kharlanova E. M. Issledovanie sotsialnoy aktivnosti studentov [Research of social activity of students]. *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Social-Educational Ideas], 2011, no. 5 (10), pp. 173–178 (in Russian).
2. Shamionov R. M. Psikhologicheskie kharakteristiki sotsialnoy aktivnosti lichnosti [Psychological characteristics of social activity of a personality]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 2012, no. 3, pp. 145–154 (in Russian).
3. Palatkina G. V., Azizova L. V. Strukturnye komponenty sotsialnoy aktivnosti studentov [Structural components of the students social activity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 7, pp. 85–87 (in Russian).
4. Berezhnaya I. F., Zykova A. O. Soderzhanie kategorii «sotsialnaya aktivnost» v psikhologii i pedagogike [The concept of social activity as a category of psychology and pedagogy]. *Vestn. Voronezh. gos. tekhn. un-ta* [Bulletin of Voronezh State Technical University], 2012, vol. 8, no. 10, pp. 171–177 (in Russian).
5. Baranova G. V., Baranov A. A. Sotsialnaya aktivnost (opyt metodologicheskogo analiza) [Social activity {methodological analysis}]. *Vestn. Ros. gos. gum. un-ta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Philosophy. Social Studies. Art Studies], 2013, no. 2 (103), pp. 232–242 (in Russian).
6. Gukova I. N. Perspektivnye formy razvitiya obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti molodezhi v Rossiyskoy Federacii [Promising forms of youths socio-political activity development in the Russian Federation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 21, pp. 156–159 (in Russian).
7. Ignatova T. V. Politicheskaya aktivnost kak osnovnaya forma politicheskogo uchastiya rossiyskoy molodezhi [Political activity as the main form of political participation of young people in Russia]. *Izv. Tul. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2016, no. 1, pp. 3–12 (in Russian).
8. Shvachko E. V., Duranov M. E. Sotsialnaya aktivnost kak faktor formirovaniya politicheskoy kultury studentov [Social activity as a factor in the formation of political culture of students]. *Vestn. Chelyab. gos. akad. kultury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2013, no. 1 (33), pp. 159–164 (in Russian).
9. Andreeva M. A., Kholdobin D. V. Vozmozhnosti vospitaniya v formirovanii sotsialnoy aktivnosti lichnosti studenta kak grazhdanina-patriota [Possibility of education in the formation of the social activity of the students personality as a citizen-patriot]. *Vestn. Orenb. gos. un-ta* [Vestnik Orenburg State University], 2013, no. 5, pp. 9–13 (in Russian).
10. Ryumina Yu. N. Formirovanie sotsialnoy aktivnosti studentov vuza v protsesse volonterskoy deyatel'nosti (Formation of social activity of University students in the process of volunteer activity). *Concept* (Koncept: periodic scientific and methodological e-journal), 2013, no. S2, pp. 36–40. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13520.htm> (in Russian).
11. Guseynov A. Sh. *Protestnaya aktivnost lichnosti: sushchnost, dinamika, transformaciya* [Protest activity of personality: essence, dynamics, transformation]. Krasnodar, 2013. 468 p. (in Russian).

12. Mashrapova H. K. Teoreticheskie osnovaniya socialnoy aktivnosti studencheskoy molodezhi [Theoretical foundations of social activity of students youth]. *Vestn. Tamb. gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State University. Ser. Humanitarian Sciences], 2013, iss. 7 (123), pp. 180–184 (in Russian).
13. Dragan N. A. Vospitanie sotsialnoy aktivnosti studenta [Social education student activity]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gos.un-ta. Ser. Pedagogika, psihologiya* [Vector of Science Togliatti State University. Ser. Pedagogy, Psychology], 2013, no. 2, pp. 104–106 (in Russian).
14. Zhamkov A. A. Razvitie sotsialnoy aktivnosti lichnosti studenta – budushchego pedagoga v sisteme vysshego professionalnogo obrazovaniya (Social activity development of the personality of a student majoring in education science in higher professional education). *Obshchestvo: sotsiologiya, psihologiya, pedagogika* (Society: Sociology, Psychology, Pedagogics), 2017, no. 5, pp. 110–112. Available at: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.5.27> (accessed 5 March 2018) (in Russian).
15. Shamionov R. M., Grigoryeva M. V., Grigoryev A. V. Influence of beliefs and motivation on social-psychological adaptation among university students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, no. 112, pp. 323–332. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/18770428/1> (accessed 20 August 2018) (in Russian).
16. Bocharova E. E. Universalnye i kulturno-spetsificheskie osobennosti vzaimosvyazi soctsalnoy aktivnosti i subektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Universal and culture-specific peculiarities of interconnection between social activity and personal subjective well-being]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013. vol. 2, iss. 4 (8), pp. 387–391 (in Russian).
17. Shamionov R. M. Kriterii subektivnogo blagopoluchiya lichnosti: sotsiokulturnaya determinatsiya (Criteria of subjective personal well-being: socio-cultural determinancy). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, vol. 4, iss. 3 (15), pp. 213–219. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218 (in Russian).
18. Pchelin S. M. Psikhologicheskoe issledovanie sotsialnoy aktivnosti lichnosti: komponenty razvitiya socialnoy aktivnosti lichnosti [Psychological research of social activity of the personality: components of development of social activity of the personality]. *Sib. ped. zhurn.* [Siberian Pedagogical Journal], 2008, no. 15, pp. 378–386 (in Russian).
19. Leontiev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [Test of life orientations {DLC}]. Moscow, 2000. 18 p.
20. Krivtsova S. V., Lengle A., Orgler K. Shkala ekzistencii (Existenzskala) A. Lengle i K. Orgler [Scale of Existence {Existenzskala} A. Lengle and K. Orgler]. *Ekzistencialniy analiz* [Existential Analysis], 2009, no. 1, pp. 141–170 (in Russian).
21. Motkov O. I. Metodika “Zhiznennoe prednaznachenie” [Methods of “Life purpose”]. *Shkolniy psiholog* [School psychologist], 1998, no. 36, pp. 8–9 (in Russian).
22. Bubnova S. S. *Metodika diagnostiki tsennostnykh orientatsiy lichnosti* [Methods of diagnostics of value orientations of personality]. Moscow, 1995. 49 p. (in Russian).
23. Karandashev V. N. *Metodika Shvarca dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartzs method for studying the values of personality: concept and methodological guidance]. St. Petersburg, 2004. 70 p. (in Russian).

Cite this article as:

Arendachuk I. V. Value-based meaningful Characteristics of Social Activity of Youth, Depending on the Forms of its Manifestation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 425–432. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>

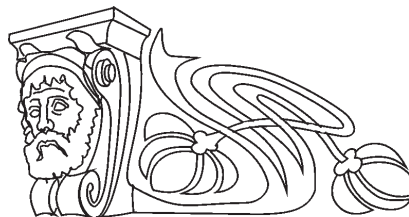

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Е. Е. Бочарова

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bocharova-e@mail.ru

Статья посвящена проблеме обоснования феномена «социальный капитал» как психологического феномена. Цель исследования, представленного в статье, состояла в систематическом обзоре статей, посвященных проблеме социального капитала, выполненных в психологическом ракурсе. Показано, что беспрецедентный рост интереса исследователей к проблеме социального капитала связан с его рассмотрением как ресурса развития общества, содержащего в себе объяснительный потенциал совокупности факторов, способствующих или/и препятствующих достижению благополучия общества. Зафиксировано отсутствие единства в понимании концепта социального капитала, что свидетельствует о его сложной и многогранной социальной природе. Кроме того, данный факт является свидетельством того, что концепт социального капитала активно проходит этап дефиниции. Приведены направления исследований в современной психологии, которые представляют интерес для разработки проблемного поля социального капитала как психологического феномена. На фоне наблюдаемого понятийного разночтения наблюдаются попытки операционализации феномена социального капитала посредством психологических категорий: отношение, субъектные свойства личности, межличностные отношения, доверие, культурные нормы, социальный опыт, аксиологическая направленность. Однако, несмотря на наличие конкретных теоретико-методологических подходов и исследовательских возможностей раскрытия психологического содержания социального капитала, очевидно просматриваются и трудности в их реализации.

Ключевые слова: социальный капитал, ресурс общества, психологическое содержание, общество, личность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-433-438>

Актуализация проблемы исследования

Традиционно содержание понятия «капитал» раскрывается преимущественно через совокупность экономических показателей дохода, потребления материальных благ и услуг, что не в полной мере отражает современные общественные реалии. Согласно мнению известных российских экономистов [1], такой индикатор благосостояния общества и уровня жизни его членов, как душевой ВВП (валовой внутренний продукт), все чаще признается в современной экономической теории не вполне репрезентативным в оценке благополучия общества. Ученые разных дисциплинарных областей солидарны в том, что социальный капитал представляет феномен, содержащий в себе объяснительный

потенциал совокупности факторов, способствующих или/и препятствующих достижению благополучия общества [1–5]. В этой связи вполне очевиден беспрецедентный рост интереса в мировой науке к социальному капиталу как ресурсу развития общества.

Изначально попытки концептуализации социального капитала были связаны с фиксацией совокупности актуальных и потенциальных ресурсов общества, сопряженных с использованием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений знакомства и взаимного признания [6]; ценности социальной структуры акторов, значимость которой определяется её ресурсом в реализации своих целей [2]; поддержки ближайшего окружения (друзья, коллеги и контакты более широкого круга) как возможности актуализации своего финансового и человеческого капитала [7].

В дальнейшем исследователи R. Putnam [8], J. Turner [9], R. Inglehart [10], опираясь на идеи F. Barth, P. Bourdieu, J. S. Coleman, конкретизируют содержательное наполнение социального капитала, наделяя его характеристиками группы и общества в целом, к которым, прежде всего, отнесены параметры социальной жизни, побуждающие ее субъектов к оптимизации совместных действий по достижению общих целей (R. Putnam), интерпретируя факторы оптимизации потенциала экономического развития общества, связанные с созданием и поддержанием социальных связей и моделей социальных организаций (J. Turner), выделяя параметры культуры доверия и терпимости, выступающие основанием появления обширных сетей добровольных ассоциаций (R. Inglehart).

В научном дискурсе циркулируют разные определения социального капитала. Его содержание конкретизируется благодаря работам, выполненным в социологическом ракурсе В. В. Радаева, С. В. Твороговой, В. А. Сажинной и др. Например, понятие социального капитала в работах В. В. Радаева [5] раскрывается через совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций.

В исследовании С. В. Твороговой [11] содержание изучаемого явления описывается как совокупность ресурсов, актуализация которых возможна при наличии доверительных отношений на всех уровнях социальной организации: от межличностных контактов до отношения человека к государству, социальным институтам и власти.

Анализируя накопленный опыт изучения феномена социального капитала, А. Т. Коньков [3], В. А. Сажина [12] обосновывают необходимость его концептуализации через совокупность структурно оформленных социальных отношений, основанных на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, обязательствах и представлениях, реализация которых способствует получению доступа к разнообразным благам, повышению эффективности коллективной деятельности субъектов этих отношений.

Обобщая данные выполненных исследований, заметим, что и в области социально-экономического знания отсутствует единство в понимании концепта социального капитала, что свидетельствует о его сложной и многогранной социальной природе. Тем не менее на фоне наблюдаемого понятийного разночтения наблюдаются попытки операционализации феномена социального капитала посредством психологических категорий. В большинстве случаев ключевая идея развития данной проблематики связана с обращением к личности как субъекту социально ценных отношений, содержанием которых выступают социальные ценности, нормы, верования, опыт. По сути, речь идет о роли самой личности и ее субъектных свойств как ресурсе социального капитала, качества жизни и благополучия общества в целом, что существенно расширяет эту область научного знания в перспективе его дальнейшего исследования.

Психологическое содержание социального капитала

Многогранную картину современной жизни отражает гораздо более широкое, чем уровень жизни, понятие ее качества, характеризующее благополучие общества и его членов не только в сфере материальных благ, но и в таких сферах жизнедеятельности человека, как профессиональная, образования, семьи, социального окружения, психологической безопасности и т. д. Подобный комплексный подход уже нашел практическое отражение в работах отечественных и зарубежных психологов, связанных с исследованием человеческого капитала и методов его анализа [13]; интеллектуального капитала

как ресурса модернизации общества и механизма реализации стратегий «восходящей социальной мобильности» [14]; феномена культурного капитала и его спецификации в условиях этнокультурного многообразия [5, 15]; социального капитала [16–18] и его структурообразующих факторов; психологического капитала, рассматриваемого в качестве системного ресурса субъективного благополучия и эффективности социально-экономического поведения [19, 20]; феномена позитивного капитала [21, 22], концептуализация которого связана с выделением единого фактора – личностного ресурса, задействованного человеком для эффективного поддержания качества своей жизни (оптимизм, резильентность, надежда, вера в свои возможности эффективного функционирования в разных сферах социальных практик и совладания со стрессовыми обстоятельствами). Нельзя не отметить, что в целом психологическая составляющая социального капитала была существенно уточнена благодаря научным изысканиям отечественных исследователей – Г. С. Абрамовой, О. В. Биляковской, В. В. Гриценко, А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко, Н. М. Лебедевой, Н. Р. Маликовой, Л. В. Марарица, Т. А. Нестик, В. П. Познякова, Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкого, Т. П. Скрипкиной, Г. В. Солдатовой, А. Н. Татарко, Е. В. Филлиевой, В. А. Хащенко, П. Н. Шихирева, А. В. Юревича и др.

В работах В. В. Гриценко, И. В. Кузнецовой [23] социальный капитал рассматривается как результат приобщения индивида к системе социальных связей через механизмы присвоения им социального опыта, ценностей, доминирующих в обществе, культурных норм и социальных ролей. Нормативно-ценностная ориентация выражает отношение к социальному обмену как к самостоятельной индивидуальной или общественной ценности самого обмена, что является, по существу, ценностью, достоянием общества. Подобная логика авторской интерпретации социального капитала связана с процессуальными и содержательными эффектами социализации личности, в частности, с тем, что воспроизведение усвоенного содержания социального опыта предполагает активность личности в его преобразовании и реализации. Воспроизведение преобразованного приводит не только к «обогащению» системы социальных связей и отношений, но и к продвижению личности и общества в целом на новую ступень социального развития [24].

В исследовании Л. Г. Почебут [25] приведены аргументы, свидетельствующие о необходимости изучения психологического содержания

социального капитала через совокупность межличностных связей индивида, актуализация которых связана с достижением собственных целей. В этом случае межличностные отношения приобретают инструментальную функцию.

В работах А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко [26], Т. П. Скрипкиной [27] ключевой категорией в понимании социального капитала выступает доверие, «востребованность» которой наблюдается в отраслях экономического и социологического знания в изучении социального капитала. Доверие, согласно взглядам авторов, является системообразующим фактором социального капитала, психологическое наполнение которого наделяется характеристиками конгруэнтности экспектаций субъектов взаимоотношений (предсказуемости), социальной компетентности, тождественности жизненных ценностей. Признание «похожести» как условия доверия, согласно мнению исследователей [28], уже недостаточно, необходимо доверие как признание различий при «непрозрачности» Другого. Возможно, именно этим объясняется в настоящее время актуализация исследовательского интереса к проблеме социального капитала.

Существенный вклад в разработку проблемы социального капитала и его психологической составляющей внесен П. Н. Шихиревым [16], согласно которому социальный капитал являет собой качество социальных связей. К ключевым элементам социальной сети исследователем отнесены: субъекты взаимодействия, относительно устойчивые связи и возможные их переплетения, субъективные оценки этих связей в зависимости от позиций в системе связей, принятые правила взаимодействия. Иначе говоря, согласно П. Н. Шихиреву, социальный капитал в психологическом ракурсе представляет собой отношение (оценку) к отношению (связи), т. е. качество социальных отношений.

Теоретико-эмпирическое исследование социального капитала, предпринятое Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко [5], позволило им прийти к заключению о наличии социально-психологического ресурса личности, интерпретируемого авторами как «социально-психологический капитал личности». Социально-психологический капитал, согласно авторской позиции, являет собой интегральное социально-психологическое образование, основанием которого является ресурс отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению. В числе его критериальных параметров выделены доверие, субъективное благополучие и адаптивность личности в обществе.

Значимым обстоятельством в раскрытии психологического ресурса социального капитала является аксиологическая сфера личности (группы) как предельно обобщенный социальный опыт, «приобретаемый» в процессе социального онтогенеза. Отметим, что доминирующие ценности, определяющие ведущую (аксиологическую) направленность личности, раскрывают систему ценностных координат ее отношения к обществу в целом и к себе в нем. Вполне очевидно, что доминирующие ценности, их конфигурация являются одним из важнейших элементов единого смыслового поля не только социальной общности, но и ее социального капитала.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим многообразие интерпретаций социального капитала, представленных в психологических исследованиях, что свидетельствует об этапе дефиниции данного конструкта. Отметим: в большинстве случаев исследователями предпринимаются попытки концептуализации понятия социального капитала через категорию отношения. Однако, несмотря на наличие конкретных подходов и исследовательских возможностей раскрытия психологического содержания социального капитала, очевидно просматриваются и трудности в их реализации.

Список литературы

1. Цапенко И. П. Субъективное благополучие населения и иммиграция // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 2015. № 4. С. 23–26.
2. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1988. № 94. P. 95–120.
3. Коньков А. Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006, 34 с.
4. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.
5. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Социальный капитал : теория и психологические исследования. М., 2009. 233 с.
6. Bourdieu P. Le capital social : notes provisoires // *Actes de Recherche dans les Sciences Sociales*. 1980. Vol. 31, iss. 2. P. 2–3.
7. Barth F. Introduction // *Ethnic groups and boundaries : the social organizations of culture differences* / ed. by F. Barth. Oslo, 1969. P. 9–38.
8. Putnam R. Bowling alone : the collapse and revival of American community. N.Y., 2000. 546 p.

9. Turner J. The formation of social capital // Social capital : a multifaceted perspective / eds. P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington DC, 2000. P. 94–146.
10. Inglehart R. Modernization and postmodernization : cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, 1997. 453 p.
11. Творогова С. В. Трудовая занятость как фактор накопления человеческого и социального капитала студентов в постсоветской России : автореф. ... канд. социол. наук. М., 2003. 22 с.
12. Сажина В. А. Социальный капитал малых сообществ : автореф. ... канд. социол. наук. М., 2011. 23 с.
13. Юрьев А. И., Шевякова Л. П., Бурикова И. С. Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого капитала. СПб., 2006. 512 с.
14. Кулюткин Ю. Н. Образование в обществе социальных перемен // Человек и образование. 2006. № 8/9. С. 52–53.
15. Татарко А. Н. Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал : кросс-культурный анализ // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. 2012. Т. 9, № 1. С. 71–88.
16. Шихирев П. Н. Природа социального капитала : социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32.
17. Нестик Т. А. Социальный капитал организации : социально-психологический анализ. Ч. 1. // Психол. журн. 2009. Т. 30, № 1. С. 52–63.
18. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия М., 2008. 571 с.
19. Хащенко В. А., Баранова А. В. Восприятие и оценка качества жизни // Экономическая психология : современные проблемы и перспективы развития. СПб., 2002. С. 36–39.
20. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 2. С. 207–232.
21. Luthans F., Avolio B. J., Youseff C. Psychological capital : developing the human competitive edge. Oxford, England, 2007. 256 p.
22. Luthans F., Avolio B. J., Avey J. B., Norman S. M. Positive psychological capital : measurement and relationship with performance and satisfaction // Personnel Psychology. 2007. Vol. 60, no. 3. P. 541–572.
23. Гриценко В. В., Кузнецова И. В. Поликультурная среда вуза как условие формирования позитивного отношения к представителям других этнокультур // Психология образования в XXI веке : теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф. : к 80-летию Волгogr. гос. соц.-пед. ун-та. Волгоград, 2011. С. 389–391.
24. Бочарова Е. Е. Социальный капитал и субъективное благополучие // Позитивная психология личности / под ред. Р. М. Шамяниной. Саратов, 2018. 200 с.
25. Почебут Л. Г. Социальный капитал личности. М., 2016. 250 с.
26. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003. 436 с.
27. Скрипкина Т. П. Психология доверия. М., 2000. 264 с.
28. Свенцицкий А. Л., Почебут Л. Г., Килошенко М. И., Кузнецова И. В., Марарица Л. В., Казанцева Т. В. Социальный капитал и его формирование : социально-психологический подход // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 3, ч. II. С. 140–149.

Образец для цитирования:

Бочарова Е. Е. Социальный капитал как психологический феномен // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 433–438. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-433-438>

Social Capital as a Psychological Phenomenon

E. E. Bocharova

Elena E. Bocharova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, bocharova-e@mail.ru

The article is devoted to the problem of substantiating the phenomenon of "social capital" as a psychological phenomenon. The purpose of the study presented in the article was to systematically review the articles devoted to the problem of social capital, executed in a psychological perspective. It is shown that the unprecedented growth of researchers' interest in the problem of social capital is connected with its consideration as a resource for the development of a society that contains the explanatory potential of a set of factors that contribute to and / or hinder the achievement of the well-being of society. There is a lack of unity in understand-

ing the concept of social capital, which indicates its complex and multifaceted social nature. In addition, this fact is evidence that the concept of social capital is actively undergoing the stage of definition. The directions of research in modern psychology are presented, which are of interest for the development of the problem field of social capital as a psychological phenomenon. Against the background of the observed conceptual discrepancy, attempts are made to pre-operationalize the phenomenon of social capital through psychological categories: attitudes, subjective personality characteristics, interpersonal relationships, trust, cultural norms, social experience, axiological orientation. However, despite the existence of specific theoretical and methodological approaches and research opportunities to disclose the psychological content of social capital, it is obvious that difficulties in their implementation are also evident.

Key words: social capital, resource of society, psychological content, society, personality.

References

1. Tcapenko I. P. Sub'ektivnoe blagopoluchie naseleniya i immigratsiya [Subjective well-being and immigratio]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 4, pp. 23–36 (in Russian).
2. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 1988, no. 94, pp. 95–120.
3. Konkov A. T. *Sotsialny kapital kak konstepstiya ekonomicheskoy sotsiologii i ego rol' v sisteme ekonomicheskogo vzaimodeystviya: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk* [Social capital as a concept of economic sociology and its role in the system of economic interaction: Thesis Diss. Dr. Sci. (Sociol.)]. Moscow, 2006. 34 p.
4. Radaev V. V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertatsiya [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2003, no. 2, pp. 5–16 (in Russian).
5. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. *Sotsial'ny kapital: teoriya i psikhologicheskie issledovaniya* [Social Capital: Theory and Psychological Studies]. Moscow, 2009. 233 p. (in Russian).
6. Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires. *Actes de Recherche dans les Sciences Sociales*, 1980, vol. 31, iss. 2, pp. 2–3.
7. Barth F. Introduction. In: *Ethnic groups and boundaries: the social organizations of culture differences*. Ed. by F. Barth. Oslo, 1969, pp. 9–38.
8. Putnam R. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York, 2000. 546 p.
9. Turner J. The formation of social capital. *Social capital: a multifaceted perspective*. Eds. P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington DC, 2000, pp. 94–146.
10. Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, 1997. 453 p.
11. Tvorogova S. V. *Trudovaya zanyatost kak faktor nakopleniya chelovecheskogo i sotsialnogo kapitala studentov v postsovetsoy Rossii: avtoref. ... kand. sociol. nauk* [Labor employment as a factor in the accumulation of the human and social capital of students in post-Soviet Russia: Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.)]. Moscow, 2003. 22 p. (in Russian).
12. Sazhina V. A. *Sotsial'ny kapital malyh soobschestv: avtoref. ... kand. sociol. nauk* [Social capital of small communities: Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.)]. Moscow, 2011. 23 p. (in Russian).
13. Yur'ev A. I., Shevyakova L. P., Burikova I. S. *Strategicheskaya psikhologiya globalizatsii. Psikhologiya chelovecheskogo kapitala* [Strategic psychology of globalization. Psychology of human capital]. St. Petersburg, 2006. 512 p. (in Russian).
14. Kulyutkin Yu. N. Tsennost' obrazovaniya v moderniziruyuschemsya obschestve [The value of education in a modernizing society]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education], 2006, no. 8/9, pp. 52–53 (in Russian).
15. Tatarko A. N. Individualnye tsennosti i sotsialno-psikhologicheskiy kapital: kross-kulturnyi analiz [Individual values and socio-psychological capital: cross-cultural analysis]. *Psikhologiya. Zhurn. Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012, vol. 9, no. 1, pp. 71–88 (in Russian).
16. Shihirev P. N. Priroda sotsialnogo kapitala: sotsialno-psikhologicheskiy podhod [The nature of social capital: the socio-psychological approach]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2003, no. 2, pp. 17–32 (in Russian).
17. Nestik T. A. Sotsialny kapital organizatsii: sotsialno-psikhologicheskiy analiz (soobschenie pervoe) [Social capital of the organization: socio-psychological analysis (communication first)]. *Psihol. zhurn.* [Psychological Journal], 2009, vol. 30, no. 1, pp. 52–63 (in Russian).
18. Kupreychenko A. B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow, 2008. 571 p. (in Russian).
19. Hashchenko V. A., Baranova A. V. Vospriyatie i otsenka kachestva zhizni [Perception and evaluation of quality of life]. In: *Ekonomicheskaya psikhologiya: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya* [Economic psychology: modern problems and development prospects]. St. Petersburg, 2002, pp. 36–39 (in Russian).
20. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. Sistema faktorov ekonomicheskogo soznaniya v usloviyah vtorichnoy ekonomicheskoi sotsializatsii lichnosti i gruppy [The system of the economic consciousness factors in the secondary socialization of the personality and group]. *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology RAS. Social and economic psychology], 2016, vol. 1, no. 2, pp. 207–232 (in Russian).
21. Luthans F., Avolio B. J., Youseff C. *Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge*. Oxford, England, 2007. 256 p.
22. Luthans F., Avolio B. J., Avey J. B., Norman S. M. Positive Psychological Capital: Measurement and Relationship with Performance and Satisfaction. *Personnel Psychology*, 2007, vol. 60, no. 3, pp. 541–572.
23. Gritcenko V. V., Kuznecova I. V. Polikul'turnaya sreda vuza kak uslovie formirovaniya pozitivnogo otnosheniya k predstavitel'yam drugih etnokul'tur [Multicultural environment of the university as a condition for the formation of a positive attitude towards representatives of other ethno-cultures]. In: *Psikhologiya obrazovaniya v XXI veke: teoriya i praktika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: k 80-letiyu Volgogr. gos. sots.-ped. un-ta* [Psychology of education in the 21st century: theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference: the 80th anniversary of the Volgograd State Social and Pedagogical University], 2011, pp. 389–391 (in Russian).

24. Bocharova E. E. Sotsial'nyy kapital i sub"ektivnoe blagopoluchie [Social capital and subjective well-being]. In: *Pozitivnaya psikhologiya lichnosti*. Pod red. R. M. Shamionova. [Positive psychology of personality. Ed. by R. M. Shamionov]. Saratov, 2018. 200 p. (in Russian).
25. Pochebut L. G. *Sotsial'nyy kapital lichnosti* [Social capital of a person]. Moscow, 2016. 250 p. (in Russian).
26. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. *Nravstvenno-psikhologicheskaya regulyatsiya ekonomicheskoy aktivnosti* [Moral and psychological regulation of economic activity]. Moscow, 2003. 436 p. (in Russian).
27. Skripkina T. P. *Psikhologiya doveriya* [Psychology of trust]. Moscow, 2000. 264 p. (in Russian).
28. Svencickiy A. L., Pochebut L. G., Kiloshenko M. I., Kuznecova I. V., Mararica L. V., Kazanceva T. V. Sotsial'nyy kapital i ego formirovanie: sotsial'no-psikhologicheskii podhod [Social capital and its formation: a socio-psychological approach]. *Vestn. St.-Peterb. un-ta. Ser. 12*. [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12], 2009, iss. 3, part. II, pp. 140–149 (in Russian).

Cite this article as:

Bocharova E. E. Social Capital as a Psychological Phenomenon. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 433–438. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-433-438>

УДК 316.62

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О РИСКАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ФОКУС-ГРУППОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Н. М. Романова

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanova_nm@inbox.ru

В статье представлены результаты фокус-группового исследования представлений респондентов (студентов вуза) о потенциальных рисках вовлечения человека в криминальную деятельность в современном обществе. Суждения представителей целевой группы основывались на опыте повседневной жизни (собственной, знакомых, родственников) и сведениях, почерпнутых из средств массовой информации. Содержание социальных представлений респондентов структурировано применительно к социальным группам (подростки, молодежь, взрослые) и специфике рисков приобщения их к криминальной активности. Социальная группа «Подростки» участниками дискуссии рассматривается как имеющая наиболее высокие риски приобщения к криминальной активности в силу внешних (негативных стимулов медиасреды, нахождения подростков в зоне криминального влияния) и внутренних (возрастно-психологических особенностей) факторов; социальная группа «Молодежь» не рассматривается ими как имеющая высокие риски вовлечения в преступность; социальная группа «Взрослые», по мнению респондентов, подвержена вовлечению в подобную деятельность в основном в связи действием внешних факторов (социально-экономических). Респондентами выделены две подгруппы – «Подростки из бедных семей» и «Золотая молодежь» – как особым образом склонные к вовлечению в преступность в силу наличия особых характеристик, связанных с материальным статусом последних.

Ключевые слова: фокус-групповое исследование, представления, риски вовлечения, криминальная деятельность, студенты.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-439-444>

Введение

Современная преступность – качественно новый феномен, постоянно меняющий свой облик. Исследователи выделяют следующие характеристики современной преступности: эскалация криминального насилия и усиление общественной опасности, ориентация на самовоспроизводство, интенсивная криминализация членов сообщества и наблюдающиеся у многих членов общества установки на психологическое принятие и оправдание преступности, возрастание количества лиц, имеющих противоправные тенденции [1]. Качественные изменения преступности в современном обществе расширяют воз-

можности вовлечения в нее лиц, принадлежащих к самым разным социальным группам. Этот факт обуславливает необходимость проведения не только макро-, но и микроанализа преступности как социального явления. Особенно важно в этой связи изучить субъективные аспекты восприятия специфических социальных практик, связанных с вовлечением личности в криминальную деятельность.

Актуальность и новизна исследования

В связи с этим актуальной является проблема исследования представлений членов общества о рисках вовлечения в криминальную активность в повседневной жизни человека. Анализ этой проблемы позволит улучшить понимание того, каким образом обычные люди формируют суждения об особенностях приобщения личности к преступности, и более детально разобраться в социально-психологических механизмах, регулирующих отклоняющееся поведение члена общества. Новизна исследования заключается в выявлении содержания конструкта, отражающего социальные представления участников о рисках вовлечения человека в преступность в современном обществе.

Цель исследования – выявить содержание представлений участников фокус-группы о рисках вовлечения личности в криминальную деятельность в современном обществе.

Задачи исследования:

- 1) выявить степень информированности целевой группы о возможности вовлечения личности в криминальную деятельность, основанную на житейском опыте – своем, своих родственников, друзей, знакомых, других источников;
- 2) изучить содержание и характер ситуаций, на основе которых участники фокус-группы сформировали свои представления;
- 3) раскрыть толкование причин, связанных с вовлечением личности в криминальную деятельность в современном обществе, с точки зрения участников фокус-группы, в описываемых ситуациях;
- 4) выявить основные разновидности представлений целевой группы об исследуемом феномене.

Методология и методы исследования

Методология исследования имеет полипарадигмальную природу – используются позитивистская и конструкционистская (герменевтическая) парадигмы. Многомерность и сложность проблемы понимания изменяющихся характеристик современной преступности требует использования совокупности научных подходов, дающих возможность объяснить основания и детерминанты криминального поведения личности, в связи с этим использовались следующие теоретические подходы: концепция социального конструкционизма, когнитивистский подход, теория социальных представлений С. Московичи.

Достижение цели исследования осуществлялось с использованием качественной методологии, позволяющей раскрыть содержание социальных представлений и социального опыта членов общества относительно происходящих в нем явлений. Это важно для понимания характера состояния криминальности в изменяющемся российском обществе. В когнитивистском подходе знания, прежде всего знания о мире, являются основой социального познания, одной из ведущих детерминант человеческого поведения. В процессе социального познания происходит переработка человеком социальной информации. С точки зрения социального конструкционизма, предметом психологического анализа является конструкция образа мира в сознании социальных субъектов. Данная концепция помогает отразить содержание социального мира в субъективных процессах человека. Теория социальных представлений С. Московичи позволяет понять, как образ мира преломляется в сознании социальных субъектов – как отдельных индивидов, так и социальных групп и сообществ [2].

Использование качественного подхода позволяет раскрыть микроанализ социального явления (в нашем случае – вовлечения в криминальную деятельность) с целью его более глубокого понимания. Для нас важно понимание социального дискурса и содержание образа изучаемого социального явления в сознании социальных субъектов – наших респондентов. Содержание образа мира в сознании социальных индивидов отражено в продуктах социальных представлений, мнений, отношений, установок, убеждений человека [3].

Наш подход согласуется с точкой зрения В. А. Ядова, полагавшего, что для понимания социальных явлений и процессов необходимо изучение и объяснение их «человеческой сущности». В. А. Ядов указывал на важность изучения отдельных социальных практик, помогающих раскрыть картину общественной жизни [4]. Речь

идет об изучении каждодневных социальных практик внутри локальных сообществ, некоторые из которых несут потенциальные риски для человека быть вовлеченным в криминальную деятельность. Мы определяем их как криминальные социальные практики. Под социальной практикой понимаются целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, а также каждодневные, привычные поступки [5]. Важно уяснить, насколько хорошо люди информированы о модификациях современной преступности, осознают ли они риски быть вовлеченными в криминальную активность посредством этих практик в процессе своей повседневной жизни.

Для исследования особенностей вовлечения личности в криминальную деятельность нами применялся метод фокус-групп. Использование групповой дискуссии позволяет раскрыть представления ее участников о некоторой важной проблеме или жизненном явлении [4]. Преимущество фокус-групповых исследований связано с составляющими объективного и субъективного социального опыта респондентов: создается возможность взглянуть на проблему глазами представителей целевой аудитории; в результате мы получаем представления человека об исследуемом явлении, минимально подвергнутые искажению со стороны экспериментатора.

Организация исследования

Отбор участников. Привлечение респондентов осуществлялось на добровольной основе; отбор проводился путем анализа ключевых социальных характеристик участников.

Процедура исследования. Групповое фокусированное интервью проходило в форме дискуссии, построенной на открытых вопросах; респондентам была предоставлена свобода выражения и высказываний. Обстановка проведения процедуры была близка к естественной, но беседа проходила по запланированной схеме. Участникам задавались вопросы, помогающие им вспомнить собственный опыт, опыт своих друзей, знакомых, родственников, связанный с рисками вовлечения в преступность в ходе обыденной жизни; их просили описать известные им случаи, особенности их содержания и развития, объяснить причины существования данного социального явления. Фокус внимания исследуемых был сконцентрирован на собственном, особенном видении при описании картины анализируемых ими социальных практик.

Фокус-групповое интервью проводилось в учебной аудитории в комфортных условиях; процесс дискуссии записывался на диктофон с

последующей расшифровкой аудиозаписи. Схема мероприятия: вначале ведущий представлял участников группы, затем описывал цель исследования и регламент работы, потом на вопросы модератора отвечали участники, каждый высказывался в течение 5–7 минут; общее время работы группы – полтора часа.

Состав участников. Группа была гомогенной, участники имели сходные социально-демографические характеристики: молодой возраст (19–22 года), наличие незаконченного высшего образования, временную трудовую занятость, принадлежность к одному социальному слою (студенты 3–4 курсов), близость финансово-экономического статуса (средний) и уровня компетентности. Фокус-группа являлась смешанной по половому признаку (4 мужчин, 5 женщин), ее члены не имели опыта семейной жизни и детей.

Поведенческие проявления участников группы. Группа отличалась активностью: отвечая на вопросы, члены группы вспоминали события своей жизни или жизни известных им людей, особенности жизненного опыта, связанные с обсуждаемой темой.

Дискуссия проходила в свободной форме, каждый из участников сначала высказывал собственное мнение по теме, далее приводил аргументы, подтверждающие правильность своей точки зрения: известные ему жизненные ситуации, факты, непосредственно относящиеся к теме.

Валидность результатов нашего исследования определяется соблюдением точности проведения фокус-групповой процедуры; специфика изучаемой проблемы соответствует возможностям использования метода фокус-групп. Результаты, полученные с использованием данного метода, соответствуют результатам исследования проблемы, полученным другими методами [6].

Анализ результатов

Данные, полученные методом фокус-групп, были подвергнуты транскрибированию. Участники исследования сообщили, что их суждения основаны как на информации, взятой из реальной жизни (опыт знакомых, родственников, собственный), так и на сведениях, почерпнутых из средств массовой информации. Анализ протоколов фокус-группового интервью позволил выявить социальные группы и интенсивность рисков вовлечения каждой из них в криминальную деятельность с точки зрения респондентов. Последние выделили для анализа следующие социальные группы: а) подростков, б) молодежь, в) взрослых.

Участники дискуссии считают, что наиболее подверженной риску вовлечения в криминальную деятельность является социальная группа подростков: ей посвящено 82% высказываний респондентов. 16% высказываний участников группы касались проблем вовлечения в криминальную деятельность молодежи, и лишь 2% высказываний были связаны с рисками взрослых.

Участники группы выделили причины вовлечения людей в преступную активность, их можно разделить на две основные группы: 1) риски вовлечения, связанные с внешними факторами (среда); 2) риски вовлечения, связанные с внутренними факторами (личность).

Анализ суждений респондентов относительно социальной группы подростков позволил нам выделить следующие внешние факторы, способствующие их вовлечению в преступную активность.

1. **Медиасреда.** Представляет собой совокупность сообщений, публикуемых средствами массовой коммуникации. Респонденты считают, что в этой сфере имеются опасные зоны целенаправленного влияния на сознание потребителя, столкновение с которыми создает риски вовлечения в преступную активность. По мнению респондентов, благодаря возможностям этого влияния подростка «заманивают» иллюзией «красивой жизни», «формируют цель: хорошая жизнь любой ценой». Респонденты считают, что медиасреда:

а) содержит средства специального воздействия (особым образом организованную обучающую информацию) для вовлечения подростков в следующие криминальные виды деятельности: кибермошенничество, продажу наркотиков, экстремистскую деятельность, воровство и др. Участники полагают, что в сочетании с низкой медиаграмотностью взрослых этот канал вовлечения становится неконтролируемым («взрослые не могут контролировать, чем подростки занимаются в интернете», «у родителей низкая компетентность», «не разбираются, что происходит в сети»);

б) пропагандирует насилие: фильмы, в которых преступники остаются безнаказанными или нестрого наказываются за свои преступления («например фильм “Славные парни”»; «в фильмах подсказывают, как зарабатывать не честным трудом, а мошенничеством, обманом», «показано, что проще украсть, чем заработать»);

в) содержит видео реальных драк, избиений беззащитных, мучений животных. Участники считают, что инциденты, связанные с насилием, негативно воздействуют на подростков; под

влиянием увиденного в интернете они начинают инициировать подобное: снимают видео и выкладывают в сеть («снимают драки, в которых они принимали участие»);

г) способствует переформатированию мышления подростков: в частности, некоторая имеющаяся в интернете вредоносная информация подводит несовершеннолетних к мысли, что кража – это путь к достижению, демонстрация «бывалости», победа в соревновании, а не преступление. Респонденты высказывают по этому поводу такие суждения: «нет попытки скрыть кражи от других, как это было раньше», «выставляют напоказ украденные вещи», «интернет способствует продвижению таких групп – шоплифтинг», «ищут легкий заработок», «кража – это модно для них, «круто», «кража – это привлекательно».

2. Фактор *пребывания подростка в «зоне криминального влияния»*, способствующий, по мнению участников, вовлечению его в преступную активность. Этому, как считают респонденты, способствует широкое распространение в нашем обществе криминальной субкультуры («сейчас криминальное поведение “приходит” в каждый дом»). Здесь подростки подражают взрослым преступникам и становятся проводниками криминальных идей («например, АУЕ – арестантско-уркаганское единство»). Активное распространение в обществе криминальной философии способствует «возбуждению желания у подростков совершать преступления».

Анализ высказываний респондентов относительно социальной группы «Подростки» позволил нам выделить следующие внутренние факторы, способствующие их вовлечению в преступную активность, а именно – личность вовлекаемого:

1) респонденты считают, что среди внутренних факторов, отражающих личность подростка, особые риски связаны с их возрастными-психологическими особенностями: «подростки любят эксперименты», «подростки активно ищут как себя проявить», «им не хватает эмоций, острых ощущений», «подростки совершают преступления, не задумываясь о последствиях»;

2) для подростков из бедных семей, по мнению респондентов, имеются особые риски вовлечения – невозможность удовлетворить имеющиеся материальные потребности. Поэтому такие подростки начинают «делать деньги» путем совершения преступлений («например, закладка наркотиков», «вовлекаются в наркобизнес»): они, по мнению участников, считают, что «проще зарабатывать незаконно».

Анализ суждений респондентов относительно социальной группы «Молодежь» позволил нам выделить довольно ограниченные внешние факторы, способствующие вовлечению ее представителей в преступную активность. Участники остановились только на негативном влиянии интернета: они считают, что в сети имеются угрозы, связанные с манипулятивным воздействием на личность молодого человека, и отметили, что «затягивание» в зону криминального влияния происходит «шаг за шагом», постепенно. Такой своеобразный «уход» респондентов от обсуждения рисков вовлечения в преступность близкой им по социальным характеристикам социальной группы объясняется тенденцией психологически снизить опасности криминального вовлечения именно этой возрастной группы.

При этом в группе «Молодежь» выделена особая подгруппа – так называемая «Золотая молодежь». Для представителей последней, по мнению участников дискуссии, характерны особые черты: «склонность к безнаказанности и вседозволенности, а это облегчает вовлечение их в преступление», «Золотая молодежь – это люди без идеалов».

Для социальной группы «Взрослые» респондентами выделены ограниченные внешние факторы, способствующие вовлечению ее представителей в криминальную активность, – социально-экономическое неблагополучие («безработица», «бедность»). Респонденты считают, что главным образом тяжелое материальное положение приводит к вовлечению в преступную активность взрослых людей. Этим объясняются «криминальные сделки», вовлечение в наркоторговлю «с целью быстрой наживы». Очевидно, респонденты имеют ограниченные представления о том, как вовлекаются в преступления взрослые люди. Их пониманию доступен лишь социально-психологический механизм вовлечения в криминальную деятельность представителей экономически несостоятельного взрослого населения. Мотивация иных, экономически более успешных прослоек взрослого населения, очевидно, им не совсем понятна. Этим объясняется низкая фокусированность их внимания в дискуссии при обращении к обсуждению данной темы.

Выводы

1. Степень информированности целевой группы (студентов) о возможностях вовлечения личности в криминальную деятельность в современном обществе имеет специфический характер: респонденты связывают эти риски не столько с характеристиками потенциально опас-

ных ситуаций, сколько с возрастными характеристиками потенциальных объектов вовлечения.

2. Наиболее высокие риски вовлечения в преступность в современном обществе, по мнению респондентов, имеют подростки – в силу неблагоприятно складывающихся для них внешних факторов: интенсивного влияния негативных стимулов медиасреды, содержащей инструменты психологического воздействия особым образом организованной обучающей информации; пребывание подростков в «зоне криминального влияния».

3. Риски вовлечения в криминальную деятельность для подростков, определяемые внутренними факторами, связаны в сознании респондентов с личностью вовлекаемого и прежде всего с возрастными-психологическими особенностями.

4. Представители целевой группы выделили особую подгруппу «Подростки из бедных семей» как особым образом склонную к вовлечению в преступность в связи с фрустрированностью их материальных потребностей.

5. Респонденты расценивают как весьма невысокие риски вовлечения в преступность группы «Молодежь», что объясняется, очевидно, тем, что к этой возрастной категории относятся представители фокус-группы.

6. Представители целевой группы выделили подгруппу «Золотая молодежь» как особым об-

разом склонную к вовлечению в преступность в связи с наличием у ее представителей особых характеристик – отсутствия идеалов, склонности к безнаказанности и вседозволенности.

7. Социальная группа «Взрослые» рассматривается респондентами как подверженная вовлечению в преступную деятельность в основном в связи с действием ограниченных внешних социально-экономических факторов.

Список литературы

1. Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М., 2014. 927 с.
2. Московичи С. Социальное представление : исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
3. Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности : социально-психологические подходы : науч.-аналит. обзор. М., 1999. 115 с.
4. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования : описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2007. 567 с.
5. Бурдые П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М., 1994. 288 с.
6. Романова Н. М. Криминальные группы и криминальная субкультура // Психология и право. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58348.shtml> (дата обращения: 11.05.2018).

Образец для цитирования:

Романова Н. М. Представления студентов о рисках вовлечения личности в криминальную деятельность: фокус-групповое исследование // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 439–444. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-439-444>

Notions of Students about Risks of Involvement of the Person in Criminal Activity: Focus-Group Research

N. M. Romanova

Natalia M. Romanova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, romanova_nm@inbox.ru

The article presents the results of a focus group study of respondents' submissions (university students) on the potential risks of involving a person in criminal activity in modern society. The judgments of the representatives of the target group were based on the experience of everyday life (one's own, acquaintances and relatives) and information obtained from the mass media. The content of respondents' social representations is structured in relation to social groups (adolescents, youth and adults) and the specific risks of accusing them of criminal activity. Results: the social group of adolescents are considered participants of the discussion as having the highest risks of becoming involved in criminal activity due to external factors (negative incentives for the media environment,

the presence of adolescents in the zone of criminal influence) and internal (age-psychological characteristics) factors; the social group "Youth" is not considered by them as having high risks in terms of involvement in criminal activity; social group "Adults", according to respondents, is susceptible to involvement in criminal activities mainly in connection with the action of limited external factors (socioeconomic). Respondents identified two subgroups – "Adolescents from poor families" and "Rich Kids" – who are especially inclined to engage in crime because of the special characteristics associated with the material status of the latter.

Key words: focus-group research, representations, risks of involvement, criminal activity, students.

References

1. Kondrat E. N. *Pravonarusheniya v finansovoi sfere Ros-sii. Ugrozy finansovoi bezopasnosti i puti protivodeyst-viya* [Offenses in the financial sphere of Russia. Threats to financial security and ways of counteraction]. Moscow, 2014. 927 p. (in Russian).

2. Moskvich S. Sotsialnoe predstavlenie: istoricheskiy vzgliad [Social representation: A historical view]. *Psikholog. zhurn.* [Psychological Journal], 1995, vol. 16, no. 1, pp. 3–18; no. 2, pp. 3–14 (in Russian).
3. Yakimova E. V. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: sotcialno-psihologicheskie podhody* [Social construction of reality: socio-psychological approaches. Scientific review]. Moscow, 1999. 115 p. (in Russian).
4. Yadov V. A. *Strategiya sotciologicheskogo issledovaniya: opisaniye, obiasneniye, ponimaniye sotcialnoi realnosti* [Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality]. Moscow, 2007. 567 p. (in Russian).
5. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris, 1987. 256 p. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Nachala*. Moscow, 1994. 288 p.).
6. Romanova N. M. Kriminalnye gruppy i kriminalnaya subkultura (Criminal groups and criminal subculture). *Psikhologiya i pravo* (Psychology and Law), 2013, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58348.shtml> (accessed 11 May 2018) (in Russian).

Cite this article as:

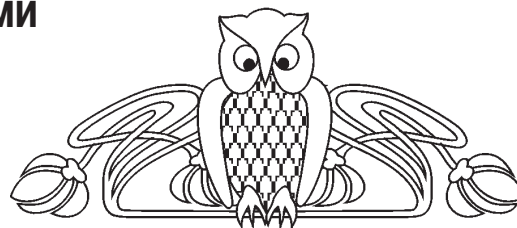
Romanova N. M. Notions of Students about Risks of Involvement of the Person in Criminal Activity: Focus-Group Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 439–444. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-439-444>

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ОПОЗНАВАНИЯ ЖЕНЩИНАМИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ФОТОЭТАЛОНОВ В МИКРОИНТЕРВАЛАХ ВРЕМЕНИ В СВЯЗИ С ВЕДУЩИМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ ЛИЧНОСТИ

Л. А. Хрисанфова

Хрисанфова Людмила Аркадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (ННГУ), l.hri@mail.ru

Изучалась взаимосвязь особенностей микрогенеза восприятия эмоциональных фотоэталонов с ведущими тенденциями развития личности (по Л. Сонди) на примере женской выборки студентов. Метод исследования: предъявление эмоциональных фотоэталонов (заимствованы у Экмана) в микроинтервалах времени на фоне «шума». Реализуемые временные интервалы: 16 мс, 34 мс, 49 мс, 66 мс. Обнаружено следующее: процесс микрогенеза восприятия эмоциональных фотоэталонов протекает как ряд фаз, во время которых происходит смена механизмов восприятия. Первые две фазы составляют период неосознаваемой эмоциональной установки (до 34 мс включительно), последующие – период осознанной идентификации эмоциональных фотоэталонов. В период неосознанной эмоциональной установки женщины, склонные к депрессивным реакциям, выбирают эмоциональный фотоэталон «Страх». Женщины, у которых выражена потребность в активности, в период осознанной идентификации эмоций идентифицируют фотоэталон «Surprise» («Удивление»). Женщины, склонные к аутичности, в период осознанной идентификации эмоций идентифицируют лицо без эмоций (нейтральное), не обнаруживая приоритетного опознавания какой-либо эмоции. Эмоциональная чувствительность не выражается через правильное или неправильное опознавание эмоций, но обнаруживается через связи характеристик микрогенеза восприятия эмоций и ведущих тенденций развития личности.

Ключевые слова: микрогенез восприятия, обнаружение и идентификация, фотоэталоны базовых эмоций, ведущие тенденции, личностные качества.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-445-449>

Проблема исследования

Центральным звеном серии наших последних исследований является поиск психологических коррелятов эмоциональной чувствительности, способов ее быстрого и объективного измерения. В предыдущих исследованиях нами было представлено теоретическое обоснование возможности изучения эмоциональной чувствительности, опираясь на закономерности чувствительности как свойства сенсорных систем [1, 2]. В этом исследовании мы продолжаем реализацию идеи поиска опосредованных взаи-

мосвязей эмоциональной чувствительности с психическими проявлениями (в данном случае с факторами ведущих тенденций развития личности по Л. Сонди) через особенности опознавания эмоциональных стимулов. Эмоциональная чувствительность на сегодняшний день определяется как способность воспринимать эмоциональные стимулы, идущие из внешней среды. Универсальными эмоциональными стимулами являются проявления базовых эмоций на лице человека. Опираясь на положение, что эмоциональная чувствительность каждого человека различна по отношению к разным эмоциям, и на идеи системного подхода, мы полагаем, что эмоциональная чувствительность к различным эмоциям связана с опознаванием этих эмоций в процессе их восприятия. В обычных условиях восприятия такая связь четко фиксируется лишь при заметных отклонениях от нормального процесса функционирования психики. На наш взгляд, измерить взаимосвязь между чувствительностью к различным эмоциям и опознаванием эмоций в случае нормального развития психики также возможно, но при соблюдении ряда условий, которые позволяют снизить контролирующее влияние сознания на процесс восприятия эмоций. Такой эффект можно получить, изучая микрогенез процесса восприятия. При этом остро встает вопрос нахождения релевантных маркеров эмоциональной чувствительности к различным эмоциям. В определенной степени такими маркерами могут служить индивидуально-психологические особенности воспринимающих, которые, согласно теории ведущих тенденций, онтологически связаны с категорией эмоциональности [3, 4].

Особо стоит остановиться на описании процесса микрогенеза восприятия как способе получения информации о человеке. В настоящее время хорошо описаны и уже считаются классикой процессы опознавания (идентификации) воспринимаемых стимулов как при протекании обычного процесса восприятия (при длительности свыше 300 мс), так и в процессе микрогенеза восприятия.

Идентификация (опознавание) понимается как процесс отнесения предъявленного объекта к какому-либо известному, зафиксированному в памяти классу (категории) [5]. Описывается стадийный характер процесса опознавания стимулов. Выделяемые стадии в основном являются реализацией мыслительного процесса. Первое звено – обнаружение объекта, второе – сличение получаемого перцептивного материала со следами памяти, третье звено опознавания – процесс принятия решения о классе, к которому относится данный паттерн.

Существует достаточно исследований, в которых изучался микрогенез восприятия эмоциональных паттернов (в том числе и мимических базовых эмоций) и искались связи с личностными особенностями воспринимающего. В основном все эти исследования опираются на изложенную выше схему развития перцептивного процесса, и часто искомые взаимосвязи не находятся. Причина неудачных поисков, на наш взгляд, не в отсутствии искомых взаимосвязей, но в неверном методологическом подходе к процессу опознавания базовых эмоций человека. На самом деле процесс восприятия мимических паттернов базовых эмоций человека в микрогенезе было бы вернее называть не идентификацией (опознаванием в когнитивном смысле), а обнаружением (опознаванием в перцептивном смысле). Обоснуем разницу между опознанием (идентификацией) и обнаружением. Еще М. Шехтер отмечал, что процесс обнаружения наблюдается в тех условиях, когда различия альтернативных классов близки к пороговым. В случае обнаружения для опознавательного процесса опора на все различительные признаки не обязательна – происходит восприятие по форме в целом, по общему целостному образу. Как правило, в этом случае наблюдается очень быстрое (моментальное) опознавание. При этом опознавательные признаки не обязательно должны быть простыми, и их количество не оказывает существенного влияния на возможность одномоментного опознавания. Одномоментно, например, опознается просто лицо человека [6].

В настоящее время является фактически доказанным факт, что эмоциональные мимические паттерны относятся к целостным (интегральным) стимулам [7]. В целостный эталон синтезируются перцептивные признаки, тогда как сложные эталоны могут быть образованы из комбинации как перцептивных, так и концептуальных признаков. Концептуальные признаки выявляются в результате мыслительной деятельности и являются характеристиками класса объектов. Именно отсутствие концептуальных признаков в процессе опознавания эмоциональных мимиче-

ских паттернов, несмотря на их сложный состав, делает возможным не только их опознавание, но и обнаружение в условиях, когда отсутствует возможность осознанной идентификации.

Фазы восприятия в микрогенетическом аспекте отличаются от опознавательного процесса в условиях восприятия, когда акт восприятия длится более 300 мс. В микрогенезе восприятия выделяется ряд последовательных актуалгенетических стадий, или фаз: обнаружение паттерна (нерасчлененное видение), определение его модальности (расчлененное видение), уточнение (конкретизация, узнавание) образа внутри найденной модальности [8, 9].

Взаимосвязи особенностей опознавания эмоций в микрогенезе восприятия и индивидуально-психологических особенностей воспринимающего человека стоит искать на стадии обнаружения паттерна (нерасчлененного видения), потому что далее включаются когнитивные механизмы, которые, как правило, носят более объективный характер, и вклад личностных особенностей в воспринимаемый образ значительно снижается. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты исследования В. А. Барабанщикова и А. А. Демидова, которые, изучая динамику восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в микроинтервалах времени, обнаружили, что на различных этапах становления представления о личности человека (Он-концепции) доминируют различные механизмы межличностного восприятия: на интервале 50–200 мс определяющую роль играет Я-концепция наблюдателя. В интервале 3–30 мс увеличивается роль коммуникативного опыта [10].

В данном исследовании мы предприняли попытку найти ответы на следующие вопросы: 1) могут ли индивидуальные различия, выявляемые в процессе опознавания эмоциональных мимических паттернов, лежать в основе качества эмоциональной чувствительности? 2) существует ли связь особенностей эмоциональной чувствительности, которые обнаруживаются через характеристики микрогенеза восприятия эмоций, и индивидуально-психологических особенностей человека, определяемых ведущими тенденциями развития личности?

Методика исследования

В эксперименте использовалась методика опознавания паттернов, предъявленных в микроинтервалах времени, равных 16 мс, 34 мс, 49 мс и 66 мс, с одновременным зашумлением экрана с использованием «маски». «Маска» представляла собой гауссов шум, сделанный в PaintShop, с нормальной гистограммой распределения яркости.

Уровень зашумленности снижается постепенно, максимально градуированно. Такой подход позволяет «поймать» начало опознавания стимулов максимально точно. Всего было шесть градаций сочетания «время–шум», на каждую из них предъявлялись все фотоэталоны в случайном порядке. Для предъявления стимульного материала была написана программа на языке JAVA 5 (автор А. В. Жегалло).

Предварительно у каждого испытуемого определялись его индивидуально-психологические особенности при помощи методики портретных выборов, основанной на тесте Л. Сонди.

В качестве **стимульного материала** для восприятия эталонных эмоций в микроинтервалах времени были выбраны базовые эталоны эмоций из набора JACFEE [11]. Всего использовано семь фотоэталонов: «Счастье» (“Happeness”), «Злость» (“Anger”), «Печаль» (“Sadness”), «Удивление» (“Surprise”), «Страх» (“Fraid”), «Отвращение» (“Disgust”), «Нейтральное лицо» (“Neutral”).

Процедура исследования

На экране компьютера испытуемым в случайном порядке на очень короткое время и на фоне «шума» предъявлялись фотоэталоны. Испытуемые после предъявления каждого фотоэталона выбирали название эмоции, которой, по его мнению, соответствовало увиденное выражение лица. На основании полученных первичных показателей методики высчитывались показатели, которые служили критериями для определения специфики процесса микрогенеза восприятия фотоэталонов для каждого испытуемого. Были использованы следующие критерии:

1) показатель «Доля ошибочных ответов» (ДО). Рассчитывался как отношение количества неправильных ответов (не совпадающих с предъявленным стимулом) к общему числу предъявления данного эмоционального фотоэталона в данном интервале времени;

2) показатель «Доля выбора» (ДВ). Рассчитывался как отношение количества выбора данного эмоционального фотоэталона (независимо от совпадения с предъявляемым фотоэталонem) к общему числу предъявляемых фотоэталонов в данном интервале времени.

В дальнейшем эти показатели сопоставлялись с индивидуально-психологическими характеристиками испытуемых. Математической базой исследования выбран метод корреляционного анализа с использованием критерия Пирсона. В качестве испытуемых выступили студентки-женщины Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в количестве 37 человек, средний возраст 21 год.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего стоит отметить, что в нашем исследовании получил подтверждение факт существования актуалгенетических стадий (фаз) процесса микрогенеза восприятия. Для женщин в процессе микрогенеза восприятия эмоциональных фотоэталонов выделяется ярко выраженная граница между двумя временными интервалами. Этой границей является фаза длительностью 49 мс. Существование границы доказывает, прежде всего, значимое уменьшение доли ошибочных выборов в процессе опознавания эмоциональных фотоэталонов между второй (34 мс, 70% «шума» на экране, доля ошибок 0,76) и третьей (49 мс, 60% «шума» на экране, доля ошибок 0,44) фазами микрогенеза. Достоверность различий: $t = 4,710$, Sig.(2-tailed) = 0,000. Косвенным доказательством наличия границы между двумя временными интервалами является резкая смена ведущих тенденций развития личности, показавших взаимосвязь с параметрами микрогенеза, начиная с 49 мс.

Мы полагаем, что временные интервалы в 16 мс и 34 мс являются периодом обнаружения паттерна (нерасчлененное видение), в то время как период в 66 мс – фаза идентификации паттерна. В период в 49 мс происходит смена механизмов восприятия эмоциональных фотоэталонов. Временной интервал до 34 мс включительно характеризуется действием механизмов, основную роль в реализации которых играют компоненты Я-концепции, имеющие отношение к внутренним особенностям эмоциональной сферы воспринимающего человека. Условно назовем совокупность этих факторов неосознаваемой эмоциональной установкой. После 49 мс подключаются когнитивные механизмы обнаружения, результатом действия которых является осознанная идентификация эмоциональной модальности. Мы назвали этот временной интервал временем сознательной идентификации.

Анализ взаимосвязей ведущих тенденций развития личности и особенностей опознавания эмоциональных фотоэталонов позволяет выделить несколько закономерностей, характерных для всей женской выборки.

1. Для женщин, обнаруживающих склонность к депрессивным реакциям, в период неосознанной эмоциональной установки характерен выбор эмоционального фотоэталона “Fraid” («Страх»). Коэффициент корреляционной связи Пирсона составляет 0,506 при уровне значимости 0,01.

2. Женщины, у которых выражена потребность в активности, в период осознанной идентификации эмоций, идентифицируют фотоэталон “Surprise” («Удивление»). Опознавание фотоэта-

лона «Удивление» связано с особенностями проявления потребности в активности и характерно для женщин, подавляющих свою активность (коэффициент корреляционной связи Пирсона составляет 0,393* при уровне значимости 0,05). Избегание фотоэталона «Удивление» характерно для женщин, испытывающих потребность реализовать свою активность (коэффициент корреляционной связи Пирсона составляет 0,694* при уровне значимости 0,05).

3. Женщины, обнаруживающие склонность к аутичности, в период осознанной идентификации эмоций идентифицируют лицо без эмоций (нейтральное), не обнаруживая приоритетного опознавания какой-либо эмоции (коэффициент корреляционной связи Пирсона составляет 0,464 при уровне значимости 0,01). Причем точность опознавания эмоций такими женщинами может быть как хорошей, так и плохой.

Необходимо отметить, что в нашем исследовании женская выборка представлена студентками дневного отделения, обучающимися на отделении психологии, но по разным специализациям: психологи и психологи служебной деятельности. Данные подгруппы, кроме описанных общих закономерностей, обнаружили значительное отличие найденных взаимосвязей ведущих тенденций развития личности и особенностей процесса микрогенеза восприятия. Кроме того, некоторые показатели подгрупп показывают прямо противоположные взаимосвязи. Например, экстравертированные студентки-психологи не обнаруживают склонности к опознаванию фотоэталона «Sadness» («Печаль»). Коэффициент корреляционной связи Пирсона составляет $-0,711$ при уровне значимости 0,05. В то время как экстравертированные студентки – психологи служебной деятельности ориентированы на опознавание «Печали». Коэффициент корреляционной связи Пирсона составляет 0,417 при уровне значимости 0,05. На наш взгляд, такие различия стоит искать в мотивационной сфере личности и в специфике подготовки разных специализаций.

Многочисленные взаимосвязи ведущих тенденций развития личности и особенностей процесса микрогенеза восприятия показывают специфику развития личности, которая зависит от многих условий. Выбор/опознание конкретного эмоционального фотоэталона оказывается связанным с определенными личностными проблемами, и эта взаимосвязь различна для женщин, обучающихся по разным специализациям. Для того чтобы установить, от чего зависят найденные взаимосвязи, стоит детально проанализировать специфику каждой подгруппы. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о проективных диагностических возможностях процедуры микрогенеза восприятия.

Выводы

1. Процесс микрогенеза восприятия эмоциональных фотоэталонов разбивается на два периода: неосознанной эмоциональной установки (до 34 мс включительно) и осознанной идентификации эмоциональных фотоэталонов (свыше 49 мс). Периоды характеризуются различными механизмами восприятия эмоций.

2. Для женщин, обнаруживающих склонность к депрессивным реакциям, в период неосознанной эмоциональной установки характерен выбор эмоционального фотоэталона «Fraid» («Страх»).

3. Женщины, у которых выражена потребность в активности, в период осознанной идентификации эмоций, идентифицируют фотоэталон «Surprise» («Удивление»).

Возвращаясь к целям данного исследования и подводя итоги анализа полученных данных, мы можем сделать однозначное заключение: индивидуальные различия, выявляемые в процессе опознавания эмоциональных мимических паттернов в микроинтервалах времени, лежат в основе качества эмоциональной чувствительности; эмоциональная чувствительность не выражается через правильное или неправильное опознавание эмоций, но обнаруживается через связи характеристик микрогенеза восприятия эмоций и ведущих тенденций развития личности.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Индивидуально-психологические предикторы обнаружения эмоциональных объектов в микроинтервалах времени» (№ 18-013-00828).

Список литературы

1. Хрисанфова Л. А. Соотношение качеств темперамента и эффективности опознавания эмоциональных схем // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 62–68.
2. Хрисанфова Л. А. Соотношение некоторых качеств личности и точности опознавания базовых эмоций в условиях микрогенеза восприятия // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 95–99. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-95-99
3. Собчик Л. Н. Метод портретных выборов – адаптированный тест Сонди. Практическое руководство. СПб., 2007. 123 с.
4. Хрисанфова Л. А. Динамика восприятия экспрессий лица : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 239 с.
5. Шехтер М. С. Зрительное опознавание. Закономерности и механизмы. М., 1981. 253 с.
6. Todorov A., Pakrashi M., Oosterhof N. N. Evaluating faces on trustworthiness after minimal time exposure // Social Cognition. 2009. Vol. 27, no. 6. P. 813–833. URL: <https://doi.org/10.1521/soco.2009.27.6.813> (дата обращения: 26.12.2016).

7. Барабанчиков В. А., Носуленко В. Н. Системность. Восприятие. Общение. М., 2004. 480 с.
8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии М., 1984. 445 с.
9. Ланге Н. Н. Психологический мир : избр. психол. тр. / под ред. М. Г. Ярошевского. М. ; Воронеж, 1996. 368 с.
10. Барабанчиков В. А., Демидов А. А. Динамика восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в микроинтервалах времени // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. 2008. Т. 5, № 2. С. 109–115.
11. Matsumoto D., Ekman P. Japanese and Caucasian facial expressions of emotion (JACFEE) : Slides. San Francisco, CA, 1988.

Образец для цитирования:

Хрисанфова Л. А. Особенности опознавания женщинами эмоциональных фотоэталонов в микроинтервалах времени в связи с ведущими тенденциями личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 445–449. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-445-449>

Recognizing Ekman's JACFEE Set of Stimuli by Female Subjects in Varied Time Intervals in Correlation with the Driving Forces in Their Personality

L. A. Khrisanfova

Liudmila A. Khrisanfova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia, l.hri@mail.ru

The study focuses on the correlation of Szondi's driving forces in a person with microgenesis of perception of JACFEE set of stimuli by female students (11 subjects). Method: the subjects were exposed to Ekman's JACFEE set of stimuli (with varied time intervals of 16 msec, 34 msec, 49 msec, 66 msec) in background noise conditions. We have found that microgenesis of perception of the JACFEE set of stimuli involves a chain of phases, in the course of which the mechanisms of perception follow in succession. The first two phases are a period (up to 34 msec) of unconscious emotional preparedness, followed by the period of conscious recognition of the JACFEE set of stimuli. In the period of unconscious emotional preparedness, women, prone to depressive reactions, choose emotion "Fear". During the period of conscious identification of emotions, women who express a need for activity identify the emotion "Surprise". Women inclined towards autism in the period of conscious identification of emotions identify a neutral person without revealing a priority recognition of any emotion. Emotional sensitivity is not expressed through correct or incorrect recognition of emotions. It is revealed through the connection of the characteristics of the microgenesis of the perception of emotions and the driving forces in a person.

Key words: microgenesis of perception, facial recognition and identification, the Japanese and Caucasian Facial Expressions of Emotion (JACFEE) set of stimuli, driving forces in a person, personality qualities.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches, the project "Individual Psychological Predictors of Identification of Facial Expressions in Varied Time Intervals" (No. 18-013-00828).*

References

1. Khrisanfova L. A. Sootnoshenie kachestv temperamenta i effektivnosti opoznavaniya emotsional'nykh skhem [Relationship between temperamental characteristics of a person and his or her effectiveness of distinguishing different emotional patterns]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.)*, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 62–68 (in Russian).
2. Khrisanfova L. A. Sootnoshenie nekotorykh kachestv lichnosti i tochnosti opoznavaniya bazovykh emotsiy v usloviyakh mikrogeneza vospriyatiya [Recognition of facial expressions and individual personal characteristics of the observers]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.)*, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 95–99. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-95-99 (in Russian).
3. Sobchik L. N. *Metod portretnykh vyborov, adaptirovanny test Sondi. Prakticheskoe rukovodstvo* [The method of portrait elections is the adapted sondi test. Practical guide]. St. Petersburg, 2007. 123 p. (in Russian).
4. Khrisanfova L. A. *Dinamika vospriyatiya ekspressij litsa* [Dynamics of Perception of Face Expression]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2004. 239 p. (in Russian).
5. Shekhter M. S. *Zritelnoe opoznanie. Zakonomernosti i mekhanizmy* [Visual identification. Regularities and mechanisms]. Moscow, 1981. 253 p. (in Russian).
6. Todorov A., Pakrashi M., Oosterhof N. N. Evaluating faces on trustworthiness after minimal time exposure. *Social Cognition*, 2009, vol. 27, no. 6, pp. 813–833. Available at: <https://doi.org/10.1521/soco.2009.27.6.813> (accessed 26 December 2016).
7. Barabanshnikov V. A., Nosulenko V. N. *Sistemnost'. Vospriyatie. Obshhenie* [Systematic. Perception Communication]. Moscow, 2004. 480 p. (in Russian).
8. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow, 1984. 445 p. (in Russian).
9. Lange N. N. *Psikhologicheskii mir: izbr. psikhol. tr.* [Psychological world: selected psychological works]. Ed. by M. G. Yaroshevskiy. Moscow, Voronezh, 1996. 368 p. (in Russian).
10. Barabanshnikov V. A., Demidov A. A. Dinamika vospriyatiya individual'no-psikhologicheskikh osobennostey cheloveka po vyrazheniyu ego litsa v mikrointervalakh vremeni [Dynamics in Perception of Individual Psychological Characteristics Based on Facial Expressions during Micro-intervals of Time]. *Psikhologiya. Zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2008, vol. 5, no. 2, pp. 109–115 (in Russian).
11. Matsumoto D., Ekman P. *Japanese and Caucasian facial expressions of emotion (JACFEE) and Neutral Faces*: Slides. San Francisco, CA, 1988.

Cite this article as:

Khrisanfova L. A. Recognizing Ekman's JACFEE Set of Stimuli by Female Subjects in Varied Time Intervals in Correlation with the Driving Forces in Their Personality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.)*, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 445–449. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-445-449>

УДК 316.62

ПОЧЕМУ МЫ ВЫГЛЯДИМ МОЛОЖЕ ИЛИ СТАРШЕ СВОИХ ЛЕТ: ПОИСК ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ

Т. А. Шкурко, В. А. Лабунская

Шкурко Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), shkurko@sfnedu.ru

Лабунская Вера Александровна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), vlab@sfnedu.ru

В работе приведены результаты первого этапа исследования, посвященного анализу психологических детерминант воспринимаемого возраста, целью которого выступило изучение гендерно-возрастных, социально-демографических и психологических факторов оценки воспринимаемого возраста человека на основе восприятия его внешнего облика. «Воспринимаемый возраст» определяется авторами как возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика. В качестве психологического фактора воспринимаемого возраста человека в статье рассматривается его отношение к своему внешнему облику. В исследовании систематизированы факторы, оказывающие/не оказывающие влияние на оценку воспринимаемого возраста другого человека: 1) на оценку воспринимаемого возраста влияют возраст объекта и субъекта восприятия, а также отношение объекта восприятия к своему внешнему облику (параметр «эстетическая оценка своего внешнего облика»); 2) на оценку воспринимаемого возраста человека не влияют тип фотовизуализации объекта восприятия (ростовое или портретное фото), пол объекта и субъекта восприятия, семейное положение и уровень материального благосостояния субъекта восприятия. Также обнаружена тенденция, не зависящая от пола и возраста субъекта и объекта восприятия: тенденция «старить» воспринимаемого другого (приписывать ему больше лет, нежели его хронологический возраст).

Ключевые слова: возраст, воспринимаемый возраст, восприятие возраста, внешний облик, факторы воспринимаемого возраста.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456>

Введение

В современной психологии наряду с понятиями хронологический, биологический, психологический, субъективный возраст все чаще используется термин «воспринимаемый возраст». «Воспринимаемый возраст» человека представляет собой его возраст, приписанный ему другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в процессе восприятия его внешнего облика. В работах исследователей показано, что именно воспринимаемый возраст (а не хронологический)

опосредует процессы межличностного общения, взаимодействия, атрибутивные процессы.

Интерес исследователей к изучению воспринимаемого возраста и его факторов обусловлен, с одной стороны, запросами практики – современной косметологии, фармацевтики, эстетической хирургии и т. д. Бурно развивающийся рынок медико-эстетических услуг по омоложению внешнего облика отвечает на запрос современного человека выглядеть моложе своих лет. Ученые говорят о «спасенных годах» (разнице между хронологическим возрастом человека и тем возрастом, на который он выглядит) [1], о «сопротивлении старению» [2] и об «управлении старением» [3].

С другой стороны, всплеск интереса ученых к изучению воспринимаемого возраста был вызван революционными исследованиями ученых из Финляндии [4] и группы ученых из Дании, США, Германии и Нидерландов [5], которые показали, что воспринимаемый возраст напрямую связан с биологическим возрастом человека и позволяет предсказывать риск его смерти. На огромной выборке (1826 близнецов в возрасте старше 70 лет) было доказано, что воспринимаемый возраст человека является более надежным маркером старения и риска преждевременной смерти, чем его хронологический возраст. Обзор современных исследований генетических, экологических, медико-эстетических факторов, влияющих на воспринимаемый возраст человека, приведен в ряде наших работ [6, 7].

Анализ более 100 публикаций, представленных в базе данных «Скопус», в которых термин «воспринимаемый возраст» встречается либо в названии, либо в списке ключевых слов, начиная с публикации 1974 г. [8] (работы Дж. Лоуренса, посвященной влиянию воспринимаемого возраста на первое впечатление и ролевые ожидания в процессе социальной перцепции) и заканчивая современными работами [9, 10], позволяет констатировать, что влияние психологических факторов на воспринимаемый возраст практически не изучено. Исключение составляют несколько работ, в которых показано влияние на воспринимаемый возраст человека его общего благополучия и веры в будущее [4], а также его аффективных переживаний в течение жизни [10]. При этом изучение психологических факторов, влияющих на оценку

воспринимаемого возраста, могло бы создать альтернативу пластической хирургии за счет разработки целого комплекса психологических технологий омоложения. Ведь омоложение – «это не только преобразование внешнего облика, но и переструктурирование всего жизненного опыта» [11, с. 32].

Кроме того, приходится констатировать, что на сегодняшний день очень мало исследований факторов воспринимаемого возраста проведено на российской выборке [6, 7, 12, 13], что ставит перед исследователями задачу проверки выявленных в зарубежных исследованиях закономерностей восприятия возраста. Нами показано [14], что восприятие возраста является частным случаем социальной перцепции и, следовательно, может быть проанализировано в опоре на модель социального восприятия, разработанную в школе А. А. Бодалева [15]. Исходя из данной модели, на процесс восприятия возраста могут влиять: 1) характеристики объекта восприятия; 2) характеристики субъекта восприятия; 3) особенности отношений между субъектом и объектом восприятия; 4) социальная ситуация взаимодействия, понимаемая в узком (конкретная ситуация взаимодействия «здесь и теперь») и широком смысле (как социокультурный контекст восприятия). В настоящей статье мы предлагаем результаты первого этапа большого исследования, посвященного поиску психологических детерминант воспринимаемого возраста, целью которого выступило изучение гендерно-возрастных, социально-демографических и психологических факторов оценки воспринимаемого возраста человека на основе восприятия его внешнего облика. Методологической основой проведенного исследования явился социально-психологический подход к внешнему облику, его оценкам и самооценкам [11, 16].

Гипотезы и методы исследования

В качестве гипотез настоящего исследования выступили следующие предположения: 1) оценка воспринимаемого возраста может быть обусловлена гендерно-возрастными и социально-демографическими характеристиками субъекта и объекта восприятия; 2) оценки воспринимаемого возраста человека могут различаться в зависимости от типа его представленности (ростовое/портретное фото) субъекту восприятия; 3) параметры отношения к своему внешнему облику объекта восприятия могут обуславливать оценки его воспринимаемого возраста.

В работе были использованы следующие авторские методики: 1) процедура «Фото-видео презентации внешнего облика» (Т. А. Шкурко)

[13]; 2) методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» (В. А. Лабунской) [16]; 3) социально-демографическая анкета.

Выборку исследования составили: в качестве объектов восприятия («моделей») 20 человек (10 мужчин, 10 женщин в возрасте от 18 до 58 лет); в качестве субъектов восприятия (оценщиков) – 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте от 14 до 77 лет). Всего в исследовании приняли участие 80 человек. Каждый оценщик оценивал возраст 20 «моделей», представленных на ростовой и портретной фотографиях. В результате были получены 2400 оценок возраста, относящихся к 40 фотографиям и 20 «моделям».

Для каждого объекта восприятия («модели») были подсчитаны три показателя: 1) средний возраст, который был ей приписан оценщиками (воспринимаемый возраст) по ростовой и портретной фотографиям: показатели ВВр (воспринимаемый возраст на ростовой фотографии) и ВВп (воспринимаемый возраст на портретной фотографии); 2) ДВХр (дельта между воспринимаемым и хронологическим возрастом «модели» на ростовом фото); 3) ДВХп (дельта между воспринимаемым и хронологическим возрастом «модели» на портретном фото).

Второй и третий показатели могли принимать положительные значения («модель» воспринимают старше, чем ее хронологический возраст), отрицательные значения («модель» воспринимают моложе, чем ее хронологический возраст) и нулевые значения (воспринимаемый и хронологический возраст равны).

Для каждого субъекта восприятия («оценщика») была рассчитана средняя ошибка его оценки возраста «модели» (отклонение воспринимаемого возраста «модели» от ее хронологического возраста). Эти показатели будут более подробно описаны ниже.

Результаты

Следуя заявленной выше логике, сначала обратимся к анализу влияния характеристик объекта восприятия («модели») на особенности восприятия его возраста. В качестве характеристик «моделей», которые, возможно, влияют на особенности оценки их возраста, в исследовании рассматривались: 1) тип представленности оценщику (ростовая / портретная фотография); 2) возраст «модели»; 3) пол «модели»; 4) отношение «модели» к своему внешнему облику.

Влияние типа представленности оценщику было изучено следующим образом: к показателям ДВХр и ДВХп, рассчитанным относительно

каждой из 20 «моделей», был применен критерий Уилкоксона, который позволяет выявлять значимые различия показателей, полученных на связанных выборках. Так как хронологический возраст «моделей» на ростовом и портретном фото одинаков, то подобная процедура позволила бы выяснить, нет ли завышения или занижения возраста в зависимости от типа фотографии (ростовая или портретная). Фактически подобная процедура – это проверка на соответствие с действительностью расхожей российской формулы обыденного восприятия возраста «сзади – пионер, спереди – пенсионер», в которой имеется в виду, что «по фигуре» можно дать значительно меньше лет, чем «по лицу». Результаты применения критерия Уилкоксона не позволили подтвердить гипотезу, что оценки воспринимаемого возраста человека будут различаться в зависимости от типа его представленности оценщику (в полный рост или портрет).

Для анализа влияния возраста «модели» на ее воспринимаемый возраст мы использовали ряд методов. Во-первых, возраст объекта восприятия, а также два описанных выше показателя (ДВХр и ДВХп) были подвергнуты корреляционному анализу Спирмена, результаты которого показали на уровне тенденции ($r = -0,406$, $p = 0,084$) взаимосвязь возраста и показателя ДВХр. Чем старше возраст «модели», тем более низкие показатели разницы между воспринимаемым и реальным возрастом объекта восприятия на ростовом фото, т. е. ошибаются оценщики в сторону омоложения, в первую очередь по отношению к более «взрослым» объектам восприятия.

Во-вторых, для уточнения влияния возраста объекта восприятия на особенности оценки его возраста мы предприняли следующее: все «модели» были разделены на две подгруппы. В первую вошли те, кого оценщики воспринимали старше своих лет (14 человек из 20), во вторую – те, кому давали меньше, чем им есть на самом деле (их оказалось всего 6 человек). На наш взгляд, это само по себе является интересным фактом – то, что из 100% объектов восприятия две трети (70%) воспринимаются другими людьми как более зрелые, чем они есть на самом деле, и только 30% – как более молодые. Таким образом, нами обнаружена некая общая тенденция, не зависящая от пола и возраста субъекта и объекта восприятия – тенденция «старить» воспринимаемого другого, приписывая ему больше лет, чем на самом деле.

Далее к полученным данным был применен критерий Манна–Уитни: проведен сравнительный анализ хронологического возраста тех, кого оценщики воспринимали старше своих лет, и

тех, кого воспринимали моложе. Анализ полученных результатов (ср. ранг 1 гр. = 8,19; ср. ранг 2 гр. = 13,92; уровень значимости = 0,036) позволяет заключить, что группы объектов восприятия («моделей»), выделенные по признаку «воспринимаются старше»/«воспринимаются моложе», значимо различаются по своему хронологическому возрасту, а именно: те люди, которые воспринимаются другими людьми как более «зрелые», на самом деле значительно моложе, чем те, которые воспринимаются другими как более молодые: воспринимающие субъекты имеют тенденцию «старить» более молодых людей, а более зрелых омолаживать.

Для анализа влияния гендерного фактора был применен критерий Манна–Уитни, который не показал значимых различий в восприятии «моделей» в зависимости от пола.

В качестве психологической характеристики объекта восприятия («модели»), который может влиять на оценку ее возраста (вышеописанные показатели ДВХр / ДВХп), в нашем исследовании выступало ее отношение к своему внешнему облику. В качестве параметров в данном случае выступали: 1) эстетическая оценка своего внешнего облика, включающая оценку своего лица, телосложения, оформления своего внешнего облика и выразительного поведения; 2) степень принятия своего внешнего облика; 3) оценка соответствия своего внешнего облика возрасту; 4) оценка соответствия своего внешнего облика гендеру / гендерным ролям; 5) оценка соответствия своего внешнего облика профессиональной роли; 6) оценка возрастной привлекательности внешнего облика; 7) привлекательность внешнего облика для партнера противоположного пола; 8) оценка сексуальности своего внешнего облика; 9) удовлетворенность своим внешним обликом. К полученным данным был применен корреляционный анализ Спирмена, который обнаружил взаимосвязь воспринимаемого возраста с одним из параметров отношения к своему внешнему облику, а именно – с «эстетической оценкой своего внешнего облика»: 1) обратно пропорциональную взаимосвязь эстетической оценки своего внешнего облика и ДВХр ($r = -0,456$, $p = 0,048$); 2) обратно пропорциональную взаимосвязь эстетической оценки своего внешнего облика и ДВХп ($r = -0,450$, $p = 0,05$). Полученные результаты позволяют заключить, что чем ниже эстетическая оценка своего внешнего облика, тем выше разница между воспринимаемым другими и реальным возрастом «модели». Эта тенденция касается как ростовых фото, так и портретных, что можно интерпретировать следующим образом: те люди, которые оценивают свой внешний

облик как непривлекательный, некрасивый, неухоженный, воспринимаются другими как более «зрелые», т. е. субъекты восприятия дают им больше лет, чем есть на самом деле. И наоборот, чем выше эстетическая оценка своего внешнего облика, тем более молодыми их воспринимают другие люди.

Далее рассмотрим влияние характеристик субъекта восприятия (оценщика) на оценку воспринимаемого возраста человека. В качестве характеристик субъекта восприятия (оценщика) в исследовании рассматривались: 1) возраст; 2) пол; 3) семейное положение; 4) уровень материального благосостояния.

В качестве возрастных характеристик оценщика выступали: 1) хронологический возраст оценщиков – получен в результате ответа на вопрос «Сколько Вам полных лет?»; 2) психологический возраст оценщиков – получен в результате ответа на вопрос «На сколько лет Вы себя чувствуете?»; 3) самооценка воспринимаемого возраста – получен в результате ответа на вопрос

«На сколько лет Вы выглядите?»; 4) разница между самооценкой воспринимаемого возраста и хронологическим возрастом оценщика; 5) разница между психологическим возрастом и хронологическим возрастом оценщика.

В качестве параметров точности восприятия возраста «модели» у каждого оценщика были подсчитаны следующие показатели: 1) «Средняя ошибка» (ростовая фотография) – средний размер разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом людей на ростовой фотографии по модулю; 2) «Средняя ошибка» (портретное фото) – средний размер разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом людей на портретной фотографии по модулю; 3) «Средняя ошибка» вне зависимости от типа фотографии (ростовая или портретная), что соответствует среднему арифметическому первых двух показателей.

Для анализа взаимосвязи возрастных характеристик оценщиков и параметров точности восприятия возраста «моделей» был применен корреляционный анализ Спирмена (таблица).

Результаты корреляционного анализа Спирмена показателей возраста оценщиков и параметров точности оценки возраста «модели» (коэффициент корреляции / уровень значимости)

Показатели	«Средняя ошибка» (ростовая фотография)	«Средняя ошибка» (портретное фото)	«Средняя ошибка»
Хронологический возраст оценщика	0,229/0,078 (тенденция)	–	0,250/0,05
Психологический возраст оценщика	–	0,227/0,081 (тенденция)	0,229/0,078 (тенденция)
Самооценка воспринимаемого возраста оценщика	0,323/0,013	0,291/0,025	0,360/0,005
Разница между самооценкой воспринимаемого возраста и хронологическим возрастом оценщика	–	0,329/0,010	0,299/0,020
Разница между психологическим возрастом и хронологическим возрастом оценщика	–	–	–

Анализ данных (см. табл.) показывает, что возраст оценщика восприятия прямо пропорционально взаимосвязан с размером ошибки при восприятии возраста другого. При этом если корреляционная связь психологического возраста с размером ошибки менее тесная (она обнаружена лишь на уровне тенденции), то взаимосвязь хронологического возраста и самооценки воспринимаемого возраста со всеми изучаемыми параметрами точности восприятия возраста другого обнаружена на достаточно высоком уровне значимости.

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом. Во-первых, чем выше хронологический возраст субъекта восприятия, тем больше размер расхождения между реальным и воспринимаемым возрастом

объекта восприятия в ту или иную сторону (либо занижение, либо завышение возраста) ($r = 0,250$, $a = 0,05$), т. е. более «взрослые» субъекты восприятия менее точны, а более молодые демонстрируют большую точность.

Во-вторых, если сравнивать «вклад» разных типов возраста в точность восприятия возраста другого человека, то из хронологического, психологического и воспринимаемого возраста субъекта восприятия на точность оценки возраста влияет именно самооценка воспринимаемого возраста: чем старше, по мнению оценщика, он выглядит, тем больше он ошибается при оценке возраста другого человека, представленного как на ростовом фото, так и на портретном.

В-третьих, чем больше расхождение между самооценкой воспринимаемого возраста оцен-

щика и его реальным возрастом, тем больше он ошибается при восприятии возраста других людей: это касается общего размера ошибки, а также, в частности, размера ошибки при восприятии портретного фото.

Влияние остальных характеристик оценщиков на параметры точности восприятия возраста человека было изучено с помощью критерия Манна–Уитни. Для этого выборка оценщиков была разделена на подгруппы по критериям пола (мужчина/женщина), семейного положения (состоит в браке/не состоит в браке) и уровня материального благосостояния (зарплата средняя по региону и ниже/зарплата выше средней по региону). Проведенный анализ позволил заключить, что пол, семейное положение и уровень материального благосостояния не оказывают какого-либо влияния на параметры точности оценки возраста «модели».

Заключение

В исследовании на российской выборке рассмотрены характеристики объекта восприятия («модели») и субъекта восприятия (оценщика), влияющие на оценку воспринимаемого возраста. Нами систематизированы факторы, оказывающие/не оказывающие влияние на оценку воспринимаемого возраста другого человека. На оценку воспринимаемого возраста влияют: 1) возраст объекта восприятия (молодые люди воспринимаются как более зрелые, а зрелые – как более молодые); 2) возраст субъекта восприятия (чем старше оценщик, тем менее он точен при оценке возраста другого, более молодые оценщики демонстрируют большую точность); 3) эстетическая оценка своего внешнего облика объектом восприятия (чем она выше, тем более молодыми их воспринимают другие люди). На оценку воспринимаемого возраста человека не влияют: 1) тип фотовизуализации объекта восприятия (ростовое или портретное фото); 2) пол объекта восприятия; 3) пол субъекта восприятия; 4) семейное положение и уровень материального благосостояния субъекта восприятия. Нами также обнаружена общая тенденция, не зависящая от пола и возраста субъекта и объекта восприятия, – тенденция «старить» воспринимаемого другого, т. е. приписывать ему больше лет, чем есть на самом деле.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде» (№ 17-18-01260).

Список литературы

1. Zimm A. J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P. A. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery // *JAMA Facial Plastic Surgery*. 2013. Vol. 15, № 6. P. 405–410.
2. Ballard K., Elston M. A., Gabe J. Beyond the mask: Women's experiences of public and private ageing during midlife and their use of age-resisting activities // *Health*. 2005. Vol. 9, № 2. P. 169–187.
3. Bennett E. V., Clarke H. L., Kowalski K. C., Crocker P. R. E. «I'll do anything to maintain my health»: How women aged 65–94 perceive, experience, and cope with their aging bodies // *Body Image*. 2017. Vol. 21. P. 71–80.
4. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality : A 13-year prospective study // *Age and Ageing*. 2005. Vol. 34, iss. 4. P. 368–372.
5. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmborg J. V. B., Aviv A., Gunn D., van der Ouderaa F., Vaupel J. W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing : Cohort study // *BMJ (Online)*. 2009. Vol. 339, iss. 7735. Article number b5262. P. 1433. URL: <https://www.bmj.com/content/bmj/339/bmj.b5262.full.pdf> (дата обращения: 3.09.2018).
6. Шкурко Т. А., Сериков Г. В. Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // *Рос. психол. журн.* 2017. Т. 14, № 3. С. 190–209.
7. Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Динамика отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии : результаты и перспективы развития / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2017. С. 1762–769.*
8. Lawrence J. H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations // *International Journal of Aging and Human Development*. 1974. Vol. 5, iss. 4. P. 369–391.
9. Ganel T., Goodale M. A. The effects of smiling on perceived age defy belief // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2018. Vol. 25, iss. 2. P. 612–616.
10. Adams R. B. Jr., Garrido C. O., Albohn D. N., Hess U., Kleck R. E. What facial appearance reveals over time : When perceived expressions in neutral faces reveal stable emotion dispositions. *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7, № 986. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.00986/full> (дата обращения: 3.09.2018).
11. Лабунская В. А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // *Социальная психология и общество*. 2010. № 1. С. 26–39.
12. Белопольская Н. Л., Виссарионова В. В., Шафирова Е. М. Определение хронологического возраста по лицу человека // *Лицо человека как средство общения : междисциплинарный подход / отв. ред. В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. М., 2012. С. 33–44.*

13. Шкурко Т. А., Николаева Е. Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 78–90.
14. Шкурко Т. А. Восприятие возраста как частный случай социальной перцепции // Прикладная психология общения и межличностного познания / под ред. Л. И. Рюминой. М., 2015. С. 69–80.
15. Психология общения : энцикл. словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М., 2015. 672 с.
16. Лабунская В. А., Дроздова И. И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Рос. психол. журн. 2017. Т. 14, № 2. С. 202–226.

Образец для цитирования:

Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 450–456. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456>

Why Do We Look Younger or Older than We Are: the Search for Psychological Determinants

T. A. Shkurko, V. A. Labunskaya

Tatyana A. Shkurko, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, shkurko@sfnu.ru

Vera A. Labunskaya, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, vlab@sfnu.ru

The paper presents the results of the first stage of the study devoted to the analysis of perceived age psychological determinants. The purpose of the article was to study gender-age, socio-demographic and psychological factors of a person's perceived age assessing based on his or her appearance perception. "Perceived age" is defined by the authors as the age attributed to a person (object of perception) by another person (subject of perception, appraiser) as a result of perception of his or her physical appearance. As a psychological factor of a person's age perception the article considers person's own attitude to his or her appearance. The study systematizes the factors that affect / do not affect the assessment of another person's perceived age: 1) the assessment of the perceived age is influenced by the age of the object and the subject of perception, as well as the attitude of the object of perception to his or her own appearance (parameter «aesthetic assessment of his or her own appearance»); 2) the assessment of the perceived age of a person is not affected by the type of photo visualization of the object of perception (in full growth or portrait photo), the sex of the object and the subject of perception, family status and the level of material welfare of the subject of perception. Also a trend was found that does not depend on gender and age of the subject and the object of perception: the tendency "to age" the perceived other (to attribute to a person more years than his or her real chronological age).

Key words: age, perceived age, age perception, appearance, perceived age factors.

Acknowledgements: *The research was carried out with support from the Russian Science Foundation, project "Social psychology of appearance: functions, importance, satisfaction, frustration, interpretations in interpersonal and intragroup cooperation among young people" (No. 171801260).*

References

1. Zimm A. J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P. A. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery. *JAMA Facial Plastic Surgery*, 2013, vol. 15, no. 6, pp. 405–410.
2. Ballard K., Elston M. A., Gabe J. Beyond the mask: Women's experiences of public and private ageing during midlife and their use of age-resisting activities. *Health*, 2005, vol. 9, no. 2, pp. 169–187.
3. Bennett E. V., Clarke H. L., Kowalski K. C., Crocker P. R. E. "I'll do anything to maintain my health": How women aged 65–94 perceive, experience, and cope with their aging bodies. *Body Image*, 2017, vol. 21, pp. 71–80.
4. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study. *Age and Ageing*, 2005, vol. 34, iss. 4, pp. 368–372.
5. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmborg J. V. B., Aviv A., Gunn D., Van Der Ouderaa F., Vaupel J. W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study. *BMJ (Online)*, 2009, vol. 339, iss. 7735, article number b5262, p. 1433. Available at: <https://www.bmj.com/content/bmj/339/bmj.b5262.full.pdf> (accessed 3 September 2018).
6. Shkurko T. A., Serikov G. V. Vliyanie dinamicheskogo komponenta vneshnego oblika na vospriyatie vizualnykh prezentatsiy vozrasta drugogo cheloveka [The effect of the dynamic component of physical appearance on perceived visual presentations of another person's age]. *Ros. psikhol. zhurn.* [Russian Psychological Journal], 2017, vol. 14, no. 3, pp. 190–209 (in Russian).
7. Shkurko T. A., Labunskaya V. A. Dinamika otnosheniya k vosprinimaemomu subektu v svyazi s vospriyatiem vizualnykh prezentatsiy ego vozrasta [Dynamics of attitude to the perceived subject in connection with the perception of visual presentations of his age]. In: *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research of modern psychology: results and prospects of development]. Eds. A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsov. Moscow, 2017, pp. 1762–1769 (in Russian).
8. Lawrence J. H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations. *International Journal of Aging and Human Development*, 1974, vol. 5, iss. 4, pp. 369–391.

9. Ganel T., Goodale M. A. The effects of smiling on perceived age defy belief. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2018, vol. 25, iss. 2, pp. 612–616.
10. Adams R. B. Jr., Garrido C. O., Albohn D. N., Hess U., Kleck R. E. What facial appearance reveals over time: When perceived expressions in neutral faces reveal stable emotion dispositions. *Frontiers in Psychology*, 2016, vol. 7, no. 986. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.00986/full> (accessed 3 September 2018).
11. Labunskaya V. A. «Vidimyy chelovek» kak sotsialno-psikhologicheskii fenomen [«Human visible» as a sociopsychological phenomenon]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2010, no 1, pp. 26–39 (in Russian).
12. Belopolskaya N. L., Vissarionova V. V., Shafirova E. M. Opreделение khronologicheskogo vozrasta po litsu cheloveka [Estimating of Chronologic Age from Somebody's Face]. In: *Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya: mezhdistsiplinarny podkhod* [Human Face as a Means of Communication: an Interdisciplinary Approach]. Eds. V. A. Barabanshchikov, A. A. Demidov, D. A. Diveev. Moscow, 2012, pp. 33–44 (in Russian).
13. Shkurko T. A., Nikolaeva Ye. G. Komponenty vneshnego oblika v strukture vospriyatiya vizualnykh prezentatsiy vozrasta [Components of appearance in the structure of perception of visual presentations of age]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015, vol. 6, no. 4, pp. 78–90 (in Russian).
14. Shkurko T. A. Vospriyatie vozrasta kak chastnyy sluchay sotsialnoy pertseptsii [Perception of age as a special case of social perception]. In: *Prikladnaya psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnogo poznaniya* [Applied psychology of communication and interpersonal knowledge]. Moscow, 2015, pp. 69–80 (in Russian).
15. *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskiy slovar* [Communication psychology. Encyclopaedic dictionary]. Ed. A. A. Bodalev. Moscow, 2015. 672 p. (in Russian).
16. Labunskaya V. A., Drozdova I. I. Teoretiko-empiricheskii analiz vliyaniya sotsialno-psikhologicheskikh faktorov na otsenki, samootsenki molodymi lyudmi vneshnego oblika [A theoretical and empirical analysis of the influence of socio-psychological factors on young people's assessment and self-assessment of appearance]. *Ros. psikhol. zhurn.* [Russian Psychological Journal], 2017, vol. 14, no. 2, pp. 202–226 (in Russian).

Cite this article as:

Shkurko T. A., Labunskaya V. A. Why Do We Look Younger or Older than We Are: the Search for Psychological Determinants. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 450–456. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456>

УДК 316.6

СУБЪЕКТИВНЫЕ СУЖДЕНИЯ МОЛОДЫХ НАРКОМАНОВ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В НАРКОПОТРЕБЛЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НИГЕРИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

Р. О. Экедегва

Экедегва Ринго Окпачу, аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ringostar2u4u@yahoo.com

Статья посвящена изучению содержания субъективных суждений молодых нигерийских наркоманов о социально-психологических причинах вовлечения в наркопотребление. Автор обобщает основные теоретические подходы к данной проблеме. Цель исследования: изучить основные социально-психологические суждения, детерминирующие вовлечение нигерийской молодежи в наркопотребление. Методы исследования: анкетирование с помощью авторского опросника, состоящего из вопросов, направленных на изучение особенностей обстоятельств, связанных с употреблением респондентом наркотиков, субъективных суждений, связанных с детерминантами приема запрещенных веществ; математическая статистика. На основе анализа субъективных суждений испытуемых установлены три основные социально-психологические детерминанты наркопотребления нигерийской молодежи: а) позитивные установки, связанные с полезностью употребления наркотических веществ; б) особенности дефектов семейного воспитания в детстве; в) непосредственное участие друзей-наркопотребителей в формировании решения молодым человеком о допустимости употребления психоактивных веществ. Позитивные установки о полезности употребления наркотических веществ связаны с потребностью в улучшении внимания, мышления, речи и эмпатии. Кроме того, в данном случае реализуется потребность в депривация негативных мыслей, происходит избавление от чувств одиночества и тревоги. Особенности дефектов семейного воспитания связаны с пренебрежением родителями своими воспитательными обязанностями и игнорированием потребностей ребенка в принадлежности к семье. Особенности воздействия сверстников (друзей) связаны с первичной инициацией наркопотребления и поддержанием дальнейшей наркотизации индивида.

Ключевые слова: вовлечение в наркопотребление, социально-психологические детерминанты наркопотребления, наркопотребление нигерийской молодежи, субъективные суждения, факторы наркопотребления.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-457-462>

Проблема вовлечения в наркопотребление молодежи является сдерживающим фактором для развития любого общества, угрозой жизни, здоровью, достоинству и благополучию всех его членов. Феномен употребления наркотиков не

имеет каких-либо границ или социальных классов, ему подвержены представители всех слоев общества [1–6]. J. Breslau [7] и W. M. Compton [8] отмечают отсутствие влияния расовых либо этнических различий на приобщение к употреблению психоактивных веществ.

Особую актуальность проблема молодежного наркопотребления приобрела в Республике Нигерия. Н. Mamman, А.Т. Othman, L. H. Lian [9], Р. О. Onifade и Е. В. Somoye [10] в своих исследованиях показали, что наркопотребление достигло уровня эпидемии в современном нигерийском обществе: 15% населения принимают запрещенные вещества. Наиболее популярны запрещенные наркотики – производные конопли [11].

Отдельной темой в науке является изучение субъективных суждений и мотивировок, связанных с употреблением наркотических веществ: М. Edland-Gryt, S. Sandbererg, W. Pedersen [12] установили влияние таких факторов, как приемлемость и поощрение данного вида девиантного поведения в определенной субкультуре и репутация конкретного вещества в глазах общества.

А. D. DeSantis и А. С. Hane [13] выявили основные типы мотивировок наркопотребления: 1) сравнение и контрастность («данный наркотик не так плох, как другие», «с ним я лучше учусь», «практически легален, в отличие от остальных»); 2) ощущение контроля («я никогда не злоупотребляю», «только в особых случаях», «ради финала соревнований»); 3) самолечение («у меня плохо с вниманием», «я хочу похудеть»); 4) аргументы минимизации («это безопасно», «это более крепкий вариант кофе, а кофеин – это наркотик, который все употребляют»).

В. Н. Лазарев [14] установил типичные мотивировки наркоманов, оправдывавших свое девиантное поведение: отсутствие работы, отклонение в воспитательной позиции родителей (безнадзорностью либо гиперопекой), эмоциональное одиночество, отсутствие взаимного доверия по отношению к родителям и значимым близким.

В целом к субъективным факторам употребления наркотиков в современной психологиче-

ской науке относят: а) социально-психологические – стремление к повышению социального статуса, давление со стороны общественных групп и социальных институтов, таких как сверстники, СМИ, ценности общества потребления, семейные проблемы; б) индивидуально-психологические – стремление избавиться от боли или дискомфорта, достигнуть эйфории, видений или уйти от неприятной реальности, а также удовлетворить любопытство, преодолеть скуку, избавиться от страха, получить сексуальное и физическое удовольствие, непонимание опасности наркопотребления, самолечение [15–19].

Методы качественного исследования в психологии: интервью и анкетирование широко применяется в психологической науке с целью выявления субъективных суждений наркопотребителей о причинах своего вовлечения в данную разновидность девиантного поведения.

Цель исследования: изучить основные социально-психологические суждения, детерминирующие вовлечение нигерийской молодежи в наркопотребление.

Характеристика эмпирической базы исследования. Выборку представляют молодые лица в возрасте 18–24 лет ($N = 193$), находящиеся в центре лишения свободы Национальной службы по контролю за оборотом наркотиков Нигерии и Реабилитационного центра для больных наркоманией.

Методика исследования. Для данного исследования был использован метод анкетирования с помощью авторского опросника, состоящего из вопросов, направленных на изучение возраста, семейного положения, уровня образования и пола испытуемых, особенностей обстоятельств, связанных с употреблением респондентом наркотиков, субъективных суждений, связанных с детерминантами приема запрещенных веществ. Задача испытуемого – проставить баллы от 1 до 4 соответственно степени согласия с суждением.

Полученные эмпирические данные и их анализ

Общие данные. Семейный статус: 66,8% (129 человек) из числа респондентов холосты, 11,4% (22 человека) состоят в браке, 8,3% (16 человек) в разводе, 5,2% (10 человек) – вдовы, а 8,3% (16 человек) – вдовцы.

Наибольшее количество респондентов – 94,3% (182 человека) – мужского пола, женского – 5,7% (11 человек).

Распределение испытуемых по уровню образования: 72% (139 человек) респондентов имеют только среднее образование, 11,4% (22 человека) – сертификат ND (национальный диплом – двухлетняя программа сертификации политехнического института в Нигерии), 9,3% (18 человек) имеют аттестат начальной школы и 3,1% (6 человек) – степень бакалавра или магистра, 4,2% (8 человек) не окончили школу.

По религиозным предпочтениям испытуемые распределяются следующим образом: 48,2% (93 человека) – мусульмане, 42,5% (82 человека) – христиане, 9,3% (18 человек) исповедуют традиционные африканские верования (язычество), что соответствует религиозному составу Нигерии.

Субъективные суждения о причинах употребления наркотических средств

Как показал анализ ответов испытуемых на утверждения опросника, значимой составляющей жизни в семье, предшествующей вовлечению в наркопотребление, является переживаемое в детстве пренебрежение к себе и своим потребностям со стороны родителей (это обстоятельство своей жизни отметили 88,08% (табл. 1).

Для ряда испытуемых-наркопотребителей характерно наличие таких девиантных особенностей семейного воспитания, как издевательства (33,67%), отсутствие проявлений любви (19,9%) и сексуальное насилие (5,18%) со стороны родителей.

Таблица 1

Особенности семейного воспитания, предшествующие наркопотреблению

Утверждение	Среднее значение по выборке	Стандартное отклонение	Испытуемые, согласившиеся с утверждением, %
Родители пренебрегали мной	2,981	2,070	88,08
Родители издевались надо мной	2,229	0,863	33,67
Родители никогда не любили меня	2,14	0,865	19,9
Мои родители не воспитывали меня, когда я был(а) ребенком	2,24	0,976	32,12
Меня насиловали, когда я был(а) ребенком	1,78	0,645	5,18

Особый интерес представляет рассмотрение особенностей наркопотребления и состояния социальных контактов испытуемых. Социальными агентами, ответственными за первичное вовлечение молодого человека в наркопотребление, являются друзья-наркоманы. Так, 82,9% испытуемых отметили, что с наркотиками их познакомил друг (табл. 2). Продолжающееся общение с де-

виантными друзьями становится детерминантой дальнейшего процесса наркотизации, поскольку 83,3% испытуемых-наркопотребителей отвечают, что они употребляют наркотики преимущественно в компании друзей. Стоит отметить, что среди друзей наркопотребителей редко оказываются те, кто не принимает запрещенные психоактивные вещества (15,54%, см. табл. 2).

Таблица 2

Особенности социальных контактов наркопотребителей

Утверждение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Испытуемые, согласившиеся с утверждением, %
Я употребляю наркотики преимущественно в компании друзей	3,531	0,37	83,3
Мой друг познакомил меня с наркотиками	3,001	0,667	82,90
Мои друзья не употребляют наркотики	1,73	0,56	15,54

Согласно самоотчетам наркоманов, значимой социально-психологической детерминантой употребления наркотиков являются позитивные установки, связанные со стереотипом о полезности приема наркотических веществ. Наркопотребители в качестве наиболее значимых мотивировок приема определяют потребность в

улучшении работы психических процессов (табл. 3), а именно: концентрации внимания (92,75% испытуемых), памяти (82,9%), мышления (88,08%), разговорной речи и общения (84,45%). Часть испытуемых убеждены, что употребление наркотиков позволяет лучше понимать эмоции других людей (42,48%).

Таблица 3

Установки, связанные с позитивным образом наркотических веществ как способом улучшения психических процессов

Утверждение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Испытуемые, согласившиеся с утверждением, %
Употребляю, чтобы стать более разговорчивым и свободней себя чувствовать при общении	3,94	0,797	84,45
Я становлюсь более внимательным	3,469	0,57	92,75
Я лучше усваиваю учебный материал	3,041	0,607	82,90
Употребление наркотиков позволяет лучше думать	3,04	0,602	88,08
Мне легче понимать эмоции других людей	2,29	0,8	42,48

Другим значимым субъективным представлением наркопотребителей, связанным с положительным образом наркотического веще-

ства в референтной группе, является вера в возможности наркотиков изменять переживаемые психоэмоциональные состояния (табл. 4).

Таблица 4

Установки, связанные с верой в возможности наркотиков корректировать переживаемые психоэмоциональные состояния

Утверждение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Испытуемые, согласившиеся с утверждением, %
Я принимаю наркотики, когда злюсь	3,531	0,41	83,3
Употребляю, чтобы избавиться от беспокойства и чувства одиночества	3,241	0,711	77,72
Я желаю расслабиться и успокоиться	3,05	0,67	82,90
Употребление наркотиков позволяет мне избавиться от негативных мыслей	2,941	0,931	84,45

Значительная часть наркопотребителей желает избавиться от злости (83,3%), одиночества (77,72%), чрезмерного напряжения (82,9%) и негативных мыслей (84,45%).

Обсуждение полученных результатов

Таким образом, полученные субъективные суждения испытуемых о социально-психологических причинах наркопотребления позволяют нам определить основные факторы вовлечения в потребление наркотических веществ молодых людей. Выявлены следующие группы социально-психологических детерминант наркопотребления: а) позитивные установки, связанные с полезностью употребления наркотических веществ, основанные на социальных стереотипах, усваиваемых из непосредственного общения индивида; б) наличие дефектов семейного воспитания в детстве, прежде всего пренебрежение родителей своей социальной ролью воспитателя; в) непосредственное участие друзей-наркопотребителей, оказывающих психологическое воздействие (давление группы) на принятие решения молодым человеком начать и продолжать в дальнейшем употреблять психоактивные вещества. Причем сам факт употребления наркотиков во многом связан с потребностью в социальном контакте с референтной группой, а не непосредственно с желанием принимать запрещенные препараты. В данном случае наблюдается процесс сдвига мотива на цель, а сами молодые люди продолжают употреблять наркотики уже ввиду сформировавшейся психической аддикции.

Выводы

На основе анализа субъективных суждений испытуемых установлены три основных социально-психологических детерминанты наркопотребления нигерийской молодежи: а) позитивные установки, связанные с полезностью употребления наркотических веществ; б) особенности дефектов семейного воспитания в детстве; в) непосредственное участие друзей-наркопотребителей в формировании решения молодым человеком о допустимости употребления психоактивных веществ.

Позитивные установки о полезности употребления наркотических веществ связаны с потребностью в улучшении внимания, мышления, речи, эмпатии. Кроме того, в данном случае реализуется потребность в депривации негативных мыслей, избавлении от чувства одиночества и тревоги, т. е. личность, основываясь на стереотипах о положительном влиянии наркотических веществ, приобщается к наркопотреблению как способу улучшения своего психологического состояния.

Особенности дефектов семейного воспитания связаны с пренебрежением родителями своими воспитательными обязанностями и игнорированием потребностей ребенка в принадлежности к семье. В то же время отсутствует связь сексуального и физического насилия по отношению к ребенку с последующим риском вовлечения в наркопотребление. Проведенное исследование показало значимость вовлеченности родителей в процесс воспитания и социализации формирующейся личности. При отсутствии социализирующего воздействия родителей на ребенка их место занимают другие агенты социализации, чье влияние может оказаться крайне негативным. Несформированность доверия между молодым человеком и его родными приводит к тому, что потребность в любви и принадлежности актуализируется в девиантной среде.

Особенности воздействия сверстников (друзей) связаны с первичной инициацией наркопотребления и поддержанием дальнейшей наркотизации индивида. Это объясняется высокой значимостью для молодого человека референтной группы и связанной с этим повышенной чувствительностью к психологическому воздействию с ее стороны. Кроме того, характерно отсутствие друзей, не употребляющих психоактивных веществ, в ближайшем окружении наркопотребителя.

В сфере употребления наркотиков происходит сдвиг мотива на цель: первоначальной является потребность в социальном контакте со значимыми индивидами либо желание облегчить с ними общение (снять напряженность и стеснительность), повысить коммуникативную активность, в дальнейшем прием психоактивных веществ становится самоцелью.

Список литературы

1. *Невирко Д. Д.* Особенности влияния социальных практик на развитие наркоситуации в российском обществе // *Вестн. Казан. юр. ин-та МВД России.* 2016. № 3 (25). С. 6–11.
2. *Скибицкая В. И., Костенко Г. А.* Профилактика наркомании в молодежной среде // *Науч. вестн. Южн. ин-та менеджмента.* 2014. № 4. С. 74–77.
3. *Харсеева В. Л.* Факторы, порождающие наркоманию среди молодежи, и способы их преодоления // *Общество : социология, психология, педагогика.* 2015. № 6. С. 17–20.
4. *Agunlana G. G.* Family structure and prevalence of behaviour problem among Nigerian Adolescents // *The counselor.* 1999. Vol. 17, iss. 1. P. 154–159.
5. *Obiamaka V. O.* Problem behaviours in Nigerian secondary schools // *The Behaviour problems of the nigerian child / eds. R. O. Nnachi, P. S. E. Ezech. Makurdi,* 2004. P. 69–75.

6. *Ubom I. U.* Behaviour problems of children : Counselling intervention // The Behaviour problems of the nigerian child / eds. R. O. Nnachi, P. S. E. Ezech. Makurdi, 2004. P. 47–58.
7. *Breslau J., Aguilar-Gaxiola S., Kendler K., Su M., Williams D., Kessler R.C.* Specifying race-ethnic differences in risk for psychiatric disorder in a US National Sample // Psychological Medicine. 2006. Vol. 36, iss. 1. P. 57–68.
8. *Compton W. M., Gfroerer J., Conway K. P., Finger M. S.* Unemployment and Substance Outcomes in the United States 2002–2010 // Drug Alcohol Depend. 2014. Vol. 142. P. 350–353.
9. *Mamman H., Othman A. T., Lian L. H.* Adolescent's and drugs abuse in Nigeria // Journal of Biology, Agriculture and Healthcare. 2014. Vol. 4, № 1. P. 5–9.
10. *Onifade P. O., Somoye E. B., Ogunwobi O. O., Fadipe B., Fela-Thomas A., Adeniji M. A.* Drug use, consequences and perceived accessibility in three Nigerian universities // Open Journal of Psychiatry. 2014. Vol. 4, № 1. P. 60–67.
11. *Adamson T. A., Onifade P. O., Ogunwale A.* Trends in sociodemographic and drug abuse variables in patients with alcohol and drug use disorders in a Nigerian treatment facility // West African Journal of Medicine. 2010. Vol. 29, iss. 1. P. 12–18.
12. *Edland-Gryt M., Sandbererg S., Pedersen W.* From ecstasy to MDMA : Recreational drug use, symbolic boundaries, and drug trends // International Journal of Drug policy. 2017. Vol. 50. P. 1–8.
13. *DeSantis A. D., Hane A. C.* Adderall is Definitely Not a Drug: Justifications for the Illegal Use of ADHD Stimulants // Substance Use & Misuse. 2010. Vol. 45, iss. 1–2. P. 31–46.
14. *Лазарев В. Н.* Социологическое исследование «Социальная реабилитация наркозависимых». URL: <http://newlifecenter.ru/?p=273> (дата обращения: 20.01.2018).
15. *Абдрахманов Д. М.* Влияние мифологии наркокультуры на вовлечение в наркопотребление // Актуальные вопросы экологии человека : сб. науч. ст. участников Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 21–23 октября 2015 г.) : в 3 т. Уфа, 2015. Т. 1. С. 6–11.
16. *Цветкова Л. А.* Социальная психология наркотизма в студенческой среде : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 41 с.
17. *Carhart-Harris R. L., Nutt D. J.* Experienced drug users assess the relative harms and benefits of drugs : a web-based survey // Journal of Psychoactive Drugs. 2013. Vol. 45, iss. 4. P. 322–328.
18. *Mendes F., Relvas A.P., Olaio A., Rovira M., Broyer G., Pietralunga S., Borhn K., Recio L.* Family : the challenge of prevention of drug use. Palma de Mallorca, 2001. 114 p.
19. *Tsounis A.* The role of the family in the installation of drug-addiction : an attempt to explore the relationship // Encephalos. 2013. Vol. 50. P. 109–113.

Образец для цитирования:

Экедегва Р. О. Субъективные суждения молодых наркоманов о социально-психологических причинах вовлечения в наркопотребление (на материале исследования нигерийской молодежи) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 457–462. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-457-462>

Subjective Judgments of the Young Addicts and the Social and Psychological Reasons of Their Involvement in Drug Abuse (on Material of the Research of Nigerian Youth)

R. O. Ekedegwa

Ringo O. Ekedegwa, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ringostar2u4u@yahoo.com

The article is devoted to studying the contents of the subjective judgments of young Nigerian drug addicts on the social and psychological reasons of their involvement in drug abuse. The author generalizes the main theoretical approaches to this problem. Research objective: to study the main social and psychological judgments determining involvement of the Nigerian youth in drug abuse. Research methods: a questioning method by means of the author's questionnaire consisting of some questions directed to studying and understanding the features of the circumstances connected with the use of drugs by the respondent, the subjective judgments connected with determinants of intake of the controlled substances, methods of mathematical statistics. On the basis of the analysis of the subjective judgments of examinees, three main social and psychological determinants of drug abuse among the Nigerian youth were established: a) the positive mindset connected with usefulness of the use of narcotic substances;

b) features of defects of family education in the childhood; c) direct participation of friends drug users in formation of the decision by the young man on admissibility of the use of psychoactive substances. Positive mindset about usefulness of taking narcotic substances are connected with the need for improvement of attention, thinking, the speech and empathy. Besides, in this case the need for deprivation of negative thoughts is satisfied, disposal of feeling of loneliness and alarm is implemented. Features of defects of family education are connected with existence parental neglect of the educational duties and ignoring needs of the child for belonging to family. Features of influence of peers (friends) are connected with primary initiation of drug abuse and maintenance of a further narcotization of the individual.

Key words: involvement in drug abuse, social and psychological determinants of drug abuse, drug abuse by the Nigerian youth, subjective judgments, drug abuse.

References

1. Nevirko D. D. Osobennosti vliyaniya sotsialnykh praktik na razvitie narkosituatsii v rossiyskom obshchestve. *Vestn. Kazan. yur. in-ta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 3 (25), pp. 6–11 (in Russian).

2. Skibitskaya V. I., Kostenko G. A. Profilaktika narkomani v molodezhnoy srede [Prevention of drug addiction among youth]. *Nauch. vestn. Iuzhn. in-ta menedzhmenta* [Scientific bulletin of Uzhny Institute of Management], 2014, no. 4, pp. 74–77 (in Russian).
3. Kharseeva V. L. Faktory, porozhdayushchie narkomaniyu sredi molodezhi, i sposoby ikh preodoleniya [Factors causing drug addiction among young people, and ways to overcome them]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogics], 2015, no. 6, pp. 17–20 (in Russian).
4. Agunlana G. G. Family structure and prevalence of behaviour problem among Nigerian adolescents. *The counselor*, 1999, vol. 17, iss. 1, pp. 154–159.
5. Obiamaka V. O. Problem behaviours in Nigerian secondary schools. In: *The Behaviour problems of the Nigerian child*. Eds. R. O. Nnachi, P. S. E. Ezech. Makurdi, 2004, pp. 69–75.
6. Ubom I. U. Behaviour problems of children: Counselling intervention. *The Behaviour problems of the Nigerian child*. Eds. R. O. Nnachi, P. S. E. Ezech. Makurdi, 2004, pp. 47–58.
7. Breslau J., Aguilar-Gaxiola S., Kendler K., Su M., Williams D., Kessler R. C. Specifying race-ethnic differences in risk for psychiatric disorder in a US national sample. *Psychological medicine*, 2006, vol. 36, iss. 1, pp. 57–68.
8. Compton W. M., Gfroerer J., Conway K. P., Finger M. S. Unemployment and substance outcomes in the United States 2002–2010. *Drug alcohol depend*, 2014, vol. 142, pp. 350–353.
9. Mamman H., Othman A. T., Lian L. H. Adolescent's and drugs abuse in Nigeria. *Journal of biology, agriculture and healthcare*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 5–9.
10. Onifade P. O., Somoye E. B., Ogunwobi O. O., Fadipe B., Fela-Thomas A., Adeniji M. A. Drug use, consequences and perceived accessibility in three Nigerian universities. *Open journal of psychiatry*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 60–67.
11. Adamson T. A., Onifade P. O., Ogunwale A. Trends in sociodemographic and drug abuse variables in patients with alcohol and drug use disorders in a Nigerian treatment facility. *West African journal of medicine*, 2010, vol. 29, iss. 1, pp. 12–18.
12. Edland-Gryt M., Sandbererg S., Pedersen W. From ecstasy to MDMA: Recreational drug use, symbolic boundaries, and drug trends. *International Journal of Drug Policy*, 2017, vol. 50, pp. 1–8.
13. DeSantis A. D., Hane A. C. Adderall is Definitely Not a Drug: Justifications for the illegal use of ADHD stimulants. *Substance use & Misuse*, 2010, vol. 45, iss. 1–2, pp. 31–46.
14. Lazarev V. N. Sotsiologicheskoe issledovanie «Sotsialnaya reabilitatsiya narkozavisimykh» (Sociological research “Social rehabilitation of drug addicts”). Available at: <http://newlifecenter.ru/?p=273> (accessed 20 January 2018) (in Russian).
15. Abdrakhmanov D. M. Vliyanie mifologii narkokultury na вовлечение v narkopotreblenie [Influence of the mythology of the drug culture on involvement in drug use]. *Aktualnye voprosy ekologii cheloveka: sb. nauch. st. uchastnikov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Current issues of human ecology: a collection of scientific articles of the participants of the All-Russian scientific and practical conference with international participation] (Ufa, October 21–23, 2015): in 3 vols. Ufa, 2015, vol. 1, pp. 6–11 (in Russian).
16. Tsvetkova L. A. *Sotsialnaya psikhologiya narkotizma v studencheskoy srede* [Social psychology of narcosis in a student's environment]. Thesis Diss. Dr. Sci (Psychol.). St. Petersburg, 2011. 41 p. (in Russian).
17. Carhart-Harris R. L., Nutt D. J. Experienced drug users assess the relative harms and benefits of drugs: A web-based survey. *Journal of Psychoactive Drugs*, 2013, vol. 45, iss. 4, pp. 322–328.
18. Mendes F., Relvas A. P., Olaio A., Rovira M., Broyer G., Pietralunga S., Borhn K., Recio L. *Family: the challenge of prevention of drug use*. Palma de Mallorca, 2001. 114 p.
19. Tsounis A. The role of the family in the installation of drug-addiction: an attempt to explore the relationship. *Encephalos*, 2013, vol. 50, pp. 109–113.

Cite this article as:

Ekedegwa R. O. Subjective Judgments of the Young Addicts and the Social and Psychological Reasons of Their Involvement in Drug Abuse (on Material of the Research of Nigerian Youth). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 457–462. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-457-462>

УДК.159.9

ВНУТРЕННЯЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МОТИВАЦИЯ У ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

М. И. Ясин

Ясин Мирослав Иванович, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва), nadsaw@yandex.ru

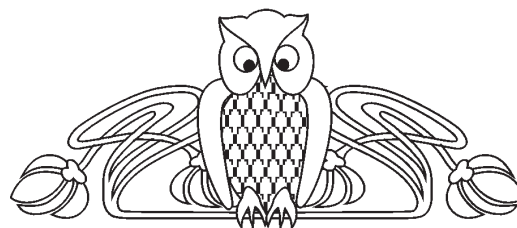
Внутренняя религиозная мотивация является основой истинной религиозности в отличие от номинальной, при которой человек идентифицирует себя с данной конфессией, но не придерживается религиозных практик. Мы использовали тест-опросник И. Стойкович и Дж. Мирича для исследования внутренней мотивации православных христиан (50 респондентов). Методика позволяет определить направленность мотивации по пяти параметрам: религия как высшая ценность; стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии; религия как средство исполнения желаний; религия как часть традиции; религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали. Обнаружено, что последователи православия имеют средневысокие показатели внутренней религиозной мотивации при большой внутригрупповой вариативности. Мужчины чаще, чем женщины, ориентируются на внешние оценки их религиозной жизни. Восприятие религии как средства исполнения желаний зависит от индивидуальных установок. Православие его последователями рассматривается как часть традиции и национальной идентичности, и этот фактор оказался тесно связанным с внутренней религиозной мотивацией. Православные связывают религиозность с эмоциональным благополучием, рассматривают ее как источник идеалов и морали.

Ключевые слова: психология религии, религиозная мотивация, внутренняя мотивация, православные христиане, гендерные различия.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-463-467>

Теоретическое обоснование

Православие как традиционная российская религия имеет множество последователей. Согласно данным различных социологических опросов и экспертных оценок православными можно считать от 70 [1] до 79% [2] россиян. Однако и исследователи современной религиозности, и сами представители Русской православной церкви отмечают, что довольно велик разрыв между воцерковленными, чей образ жизни включает реальные ценности и практики православия, и номинально религиозными людьми, которые называют себя православными, но не включены в духовную жизнь. Число номинально религиозных оценивают в диапазоне от 20 [3] до 40% [4]. Даже учитывая то, что среди православных большое количество номинально религиозных, духовная жизнь важна для большого числа современных россиян.

Наблюдаемый факт градации по степени религиозной вовлеченности – от номинальной религиозности до истинной религиозной веры и высокой вовлеченности в духовную жизнь – подводит нас к вопросам: какова природа этого явления и чем будут характеризоваться люди истинно верующие с психологической точки зрения?

Одним из первых обратил на это явление внимание Г. Олпорт, который предложил понятия внешней и внутренней религиозности [5]. Внешняя религиозность состоит в формальном выполнении религиозных практик как части социокультурной традиции, она часто имеет целью получение вторичной выгоды, например одобрения со стороны окружающих. Внутренняя религиозность не требует социального контекста – это стремление самого человека к контакту с трансцендентным.

В дальнейшем исследования внешней и внутренней религиозности происходили в контексте мотивации – побудительных мотивов, приводящих человека к религии. Т. Маргос и коллеги ввели термины «трансцендентная религиозная мотивация» и «нормативная религиозная мотивация» [6]. В отличие от Олпорта, авторы не противопоставляют эти два типа религиозности и утверждают, что они могут быть измерены автономно и даже коррелировать между собой (в исследовании была получена связь $r = 63$ при $p < 001$) [6, с. 80]. Два типа устремлений могут дополнять друг друга: стремление к трансцендентному может быть поддержано значимыми другими, а участие в религиозных практиках привести к более глубокому пониманию и заинтересованности в религии.

Дальнейшее развитие концепция внешних и внутренних мотивов получила в теории самоопределения Р. Райна и Э. Дечи [7]. Согласно наиболее позднему варианту их теории, мотивы отличаются по степени интегрированности в структуру личности. Авторы выделяют четыре основных уровня: внутренние – наиболее интегрированные, их источник – сам человек; внешние личные – пришедшие извне, но сознательно принятые личностью как желательные и необходимые; внешние социальные – принятые личностью для получения одобрения окружающих; полностью внешние – воспринимаются личностью как внешнее давление, насилие.

Группа исследователей под руководством Б. Найринка сопоставили конструкты Олпорта и Райна–Дечи и выявили как высокую степень интерпретации внутренней мотивации, так и значительные различия в истолковании внешней. При внешней религиозности человек стремится достичь неких «нерелигиозных» целей, при этом он не обязательно должен испытывать внешнее давление [8].

Исследования религиозных мотивов континума внешний–внутренний стали довольно популярными: измерялась их связь с субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью [9–12], условиями интернализации [13], внешним и внутренним локусом контроля [14], эмоциональностью и эго-состояниями [15] и рядом других факторов.

Однако вопрос структуры самой внутренней мотивации оставался открытым. Словацкие исследователи И. Стойкович и Дж. Мирич предложили конструкт, позволяющий более детально изучить структуру внутренней религиозной мотивации. Авторы произвели контент-анализ интервью с верующими и последующую факторизацию высказываний, что легло в основу предложенной ими стандартизированной методики измерения – опросника религиозной мотивации [16]. Предложенная авторами модель включает пять измерений: религия как высшая ценность; стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии; религия как средство исполнения желаний; религия как часть традиции; религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали [16]. Инструментарий пригоден для исследований религий, опирающихся на концепцию веры в Бога, при этом конфессионально нейтрален.

Исследования структуры внутренней религиозной мотивации находятся на начальной стадии, и хотя в России многие психологические работы, посвященные теме религии, так или иначе касаются темы мотивации, специальные работы о внутренней мотивации крайне малочисленны. Исследования внутренней религиозной мотивации помогут постичь феномен современной религиозности, дополнить психологический портрет верующего, лучше понимать психологию современного православного прихожанина.

Постановка проблемы и методы исследования

Мы поставили целью исследовать религиозную мотивацию православных христиан с помощью методики И. Стойкович и Дж. Мирича. Опросник включает пять субшкал: религия как высшая ценность (РВЦ); стремление соответ-

ствовать социальным ожиданиям относительно религии (СО); религия как средство исполнения желаний (ИЖ); религия как часть традиции (Т); религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали (ЭИМ) [16]. Мы дополнили его пятибалльной шкалой Р. Лайкерта. Так как шкалы содержали разное количество вопросов, мы пересчитали результаты в станах для удобства восприятия данных.

Выборка была составлена путем целевого набора респондентов с высокой религиозной вовлеченностью, для ее определения использовалась личная беседа или письменный диалог. Выборку составили 50 православных христиан с высокой степенью религиозной вовлеченности, в возрасте от 24 до 68 лет, средний возраст 45 лет, из них 22 мужчины и 28 женщин. Результаты рассчитывались в программе IBM SPSS Statistics 23.

Результаты и их обсуждение

По шкале «Религия как высшая ценность» (РВЦ) респонденты показали в среднем по выборке средневысокие баллы (среднее 5,96 стана) при средней величине дисперсии 3,44 (таблица). Данные позволяют говорить, что группа по этому показателю неоднородна. Значимых различий между мужчинами и женщинами по этой шкале выявлено не было (t -критерий Стьюдента = 1,593). Для определения различий использовался t -критерий для независимых выборок.

Результаты теста на внутреннюю религиозную мотивацию

Показатели	РВЦ	СО	ИЖ	Т	ЭИМ
Средние	5,96	1,38	4,65	5,33	5,93
Дисперсия	3,44	2,61	9,36	6,29	2,27

По шкале «Стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии» (СО) средние баллы оказались низкими (среднее 1,38), в сырых баллах это соответствует отрицательным оценкам по линейке Лайкера. Дисперсия по данной шкале составила 2,61, (средние показатели). Этот результат согласуется с предсказаниями Стойкович и Мирич: в их исследовании фактор значимо отрицательно связан с внутренней мотивацией ($-0,955$) [16]. Выявлено значимое различие между мужчинами и женщинами (t -критерий = 4,001 при $p < 0,001$). У мужчин этот показатель выше (среднее = 2,8), чем у женщин (среднее = 0,9). Таким образом, для мужчин значимость внешних оценок в религиозной жизни выше, чем для женщин.

Относительно гендерной специфики мотивации в разных исследованиях получены данные, противоречащие друг другу, из чего был сделан вывод, что различия зависят в большой степени от сферы жизни, в которой исследовалась мотивация, и от методов исследования [17, с. 47]. В отношении религиозности были получены свидетельства гендерной специфики связей внешней, интернализированной и внутренней мотивации с религиозными практиками [18].

Наше исследование показывает, что у православных мужчин ориентация на внешние оценки, или стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии, значимо выше, чем у женщин.

В измерении «Религии как средства исполнения желаний» (ИЖ) были получены средние баллы (4,65 стена) при высокой дисперсии (9,36). Результат говорит, что выбор ответа здесь в большей степени зависит от индивидуальных установок, нежели от коллективных тенденций. *t*-критерий показывает, что значимых различий между мужчинами и женщинами по этой шкале нет (*t*-критерий = 0,114). Мы можем отметить, что восприятие религии как средства исполнения желаний является специфическим для каждой из них, зависит от философской трактовки понятия «желания» и его места в системе ценностей установок, даваемых конкретной религией. В аналогичном исследовании вайшнавов гендерная разница была выявлена именно по этой шкале [19], и она позитивно коррелирует с первой шкалой («Религия как высшая ценность») со значением 0,65.

По шкале «Религия как часть традиции» (Т) нами получены средневысокие баллы (среднее 5,33 стена) при средней дисперсии 6,29. В исследовании Стойкович и Мирич этот фактор оказался позитивно связанным с внутренней мотивацией у представителей христианских и мусульманских конфессий, что подтвердилось и в нашем исследовании – корреляция шкал РВЦ и Т по выборке православных христиан составила 0,741. Гендерных различий по шкале выявлено не было (*t*-критерий = 0,795).

Номинальная религиозность «православный» является частью национальной идентичности, при ответе на вопрос о религии респонденты, осознающие себя «русскими», «россиянами», чаще всего «по умолчанию» указывают именно православие, если не осознают четкой принадлежности иной конфессии или атеистам.

У православных с высокой степенью религиозного погружения наблюдается склонность четко различать свою конфессию и все остальные, есть тенденция относиться к себе как к «исклю-

чительно правильно» верующим, принадлежность к православной традиции выступает как статус и как часть именно идентичности «русского» [20]. Высокие баллы по шкале «Религия как часть традиции» у православных показывают, что для респондентов важна связь традиции, истории, культурного наследия и веры, они выступают в едином комплексе. Но это скорее не характерно для религий-экспатов, что нами ранее было показано на примере российского вайшнавизма [19].

Понимание религии в качестве «источника эмоционального благополучия, идеалов и морали» (ЭИМ) получило у православных христиан достаточно средневысокие баллы (среднее 5,93 стена) при относительно низкой дисперсии (2,27). Мы отмечаем групповую тенденцию у православных считать религию залогом душевного благополучия. При этом у мужчин результаты оказались немного выше (среднее 6,69 стена), чем у женщин (среднее 5,68 стена) (*t*-критерий = 2,07, *p* < 0,05). Однако, учитывая небольшую выборку и некоторую разницу средних по возрасту между мужчинами и женщинами (мужская выборка по средним на 9,75 лет старше), нельзя четко утверждать, что это различие значимо. Возможно, немного более высокий балл у мужчин в нашем исследовании – результат разницы в возрасте двух групп, а не гендера, так, в исследовании [18] было установлено, что с возрастом увеличивается значение религии и ее роли в формировании субъективного благополучия.

Заключение

У православных христиан довольно высок разброс оценок в отношении к религии как высшей ценности, при этом уровень ценности религии остается для выборки в целом довольно высоким. Мужчины в значительно большей степени ориентируются на внешние оценки, для них религия – часть социальной жизни, в то время как женщинам это не свойственно. Восприятие религии как средства исполнения желаний в большой степени зависит от индивидуальных установок. Православными христианами религия рассматривается как часть традиции и национальной идентичности, и этот фактор оказался тесно связанным с внутренней религиозной мотивацией. Православные в большой степени связывают религиозность с эмоциональным благополучием, рассматривают ее как источник идеалов и морали.

Список литературы

1. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левинсон А. Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России : социология, этнология. 2009. Т. 18, № 2. С. 22–33.

2. *Калашиникова М. Б.* Особенности религиозности российской молодежи // Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2016. № 2 (93). С. 49–54.
3. *Идиатуллин А. К.* Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI века // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. Т. 4, № 1 (61). С. 135–138.
4. *Stavroyany S. S.* Аналіз релігійної ситуації в часній Україні // Вісн. Національного техн. ун-ту України «Київський політехнічний інститут». Сер. Філософія. Психологія. Педагогіка. 2010. № 3 (30). С. 75–79.
5. *Allport G. W.* The Nature of Prejudice. Cambridge, 1959. 137 p.
6. *Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K.* Religious motivations for everyday goals: their religious context and potential consequences // Motivation and Emotion. 2011. Vol. 35. P. 75–88.
7. *Deci E. L., Ryan R. M.* The empirical exploration of intrinsic motivational processes // Advances in experimental social psychology / ed. L. Berkowitz. N.Y., 1980. P. 39–80. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60130-6
8. *Neyrinck B., Vansteenkiste M., Lens W., Duriez B., Hutsebaut D.* Cognitive, Affective and Behavioral Correlates of Internalization of Regulations for Religious Activities // Motivation And Emotion. 2006. Vol. 30 (4). P. 321–332.
9. *Loewenthal K.M.* Mental Health and Religion. L., 1995. 248 p.
10. *Park C., Cohen L.H., Herb L.* Intrinsic Religiousness and Religious Coping as Life Stress Moderators for Catholics versus Protestants // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59. P. 562–574.
11. *Chan C. S., Rhodes J. E., Perez J. E.* A Prospective Study of Religiousness and Psychological Distress Among Female Survivors of Hurricanes Katrina and Rita // American Journal of Community Psychology. 2012. Vol. 49. P. 168–181.
12. *O'Connor B. P., Vallerand R. J.* Religious motivation in the elderly: A French-Canadian replication and an extension // Journal of Social Psychology. 1990. Vol. 130. P. 53–59.
13. *Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D.* Choosing to stay religious in a modern world : Socialization and exploration processes leading to an integrated internalization of religion among Israeli Jewish youth // Motivation and Religion. 2005. Vol. 14. P. 105–150.
14. *Sheldon M. K.* Catholic Guilt? Comparing Catholics' and Protestants' Religious Motivations // The International Journal for the Psychology of Religion. 2006. Vol. 76, № 3. P. 209–223.
15. *Гусева Е. С.* Транзактный подход к описанию религиозной личности // Изв. Самар. науч. центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2015. Т. 17, № 1–4. С. 882–885.
16. *Stojković I., Mirić J.* Construction of a Religious Motivation Questionnaire // Psihologija. 2012. Vol. 45, iss. 2. P. 155–170.
17. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2003. 544 с.
18. *Maltby J., Lewis C., Day L.* Religious orientation and psychological well-being : The role of the frequency of personal prayer // British Journal of Health Psychology. 1999. Vol. 4 (4). P. 363–378.
19. *Ясин М. И.* Внутренняя религиозная мотивация у вайшнавов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 100–103.
20. *Гусева Е. С.* Психологические особенности представителей славянского нового язычества // Вестн. Самар. муниципального ин-та управления. 2014. № 2 (29). С. 99–104.

Образец для цитирования:

Ясин М. И. Внутренняя религиозная мотивация у православных христиан // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 463–467. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-463-467>

Orthodox Christian's Intrinsic Religious Motivation

M. I. Yasin

Miroslav I. Yasin, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyannaya Bgstr., Moscow, 117997, Russia, nadsaw@yandex.ru

Intrinsic religious motivation forms the basis of real religiosity as opposed to nominal religiosity which makes persons identify themselves with the definite confession, but it does not follow any religious practices. While studying Orthodox Christians' intrinsic motivation we have used the Questionnaire made by I. Stojkovic and J. Miric, which consists of 50 respondents. This method allows to determine the direction of motivation in five parameters: religion as the highest value; the desire to meet social expectations about religion; religion as a means of fulfilling desires; religion as part of tradition, religion as a source of emotional well-being, ideals and morality. We have found out that followers of Orthodoxy confession have medium-high rates

of intrinsic religious motivation with stronger inter-group variability. Men more frequently tend to be guided by external evaluations of their religious life as compared to women. The perception of religion as a means of wish-fulfillment depends on individual attitudes. Orthodox Christianity is treated by its followers as a part of tradition and national identity, this factor was closely connected with the internal religious motivation. Orthodox Christians see religion as a source of emotional well-being, ideals and morality.

Key words: psychology of religion, religious motivation, intrinsic motivation, Orthodox Christians, gender differences.

References

1. Gudkov L. D., Dubin B. V., Levinson A. G. Fotorobot rossiyskogo obyvatel'ya [A sketch of the Russian citizen]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [Universe of Russia: Sociology, Ethnology], 2009, vol. 18, no. 2, pp. 22–33 (in Russian).

2. Kalashnikova M. B. Osobennosti religioznosti rossiyskoy molodezhi [Features of religiosity of Russian youth]. *Vestn. Novgorod. gos. un-ta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2016, no. 2 (93), pp. 49–54 (in Russian).
3. Idiatullov A. K. Religioznost russkogo naseleniya g. Ulyanovska v nachale XXI veka [The religiosity of Ulyanovsk city Russians in the early 21st century]. *Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, vol. 4, no. 1 (61), pp. 135–138 (in Russian).
4. Stavroyany S. S. Analiz religiyonoy situatsiy v suchasniy Ukraini [Analysis of religious situation in Modern Ukraine]. *Visnik Natsionalnogo tekhnichnogo universitetu Ukraini «Kievskiy politekhnichniy institut»*. Ser. *Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Visnyk of National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics], 2010, no. 3 (30), pp. 75–79 (in Ukrainian).
5. Allport G. W. *The Nature of Prejudice*. Cambridge, 1959. 137 p.
6. Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K. Religious motivations for everyday goals: their religious context and potential consequences. *Motivation and Emotion*, 2011, vol. 35, pp. 75–88.
7. Deci E. L., Ryan R. M. The empirical exploration of intrinsic motivational processes. In: *Advances in experimental social psychology*. Ed. by L. Berkowitz. New York, 1980, pp. 39–80.
8. Neyrinck B., Vansteenkiste M., Lens W., Duriez B., Hutsebaut D. Cognitive, affective and behavioral correlates of internalization of regulations for religious activities. *Motivation and Emotion*, 2006, vol. 30 (4), pp. 321–332.
9. Loewenthal K. M. *Mental Health and Religion*. London, 1995. 248 p.
10. Park C., Cohen L. H., Herb L. Intrinsic religiousness and religious coping as life stress Moderators for catholics versus protestants. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, vol. 59, pp. 562–574.
11. Chan C. S., Rhodes J. E., Perez J. E. A Prospective study of religiousness and psychological distress among female survivors of hurricanes Katrina and Rita. *American Journal of Community Psychology*, 2012, vol. 49, pp. 168–181.
12. O’Connor B. P., Vallerand R. J. Religious motivation in the elderly: A French-Canadian replication and an extension. *Journal of Social Psychology*, 1990, vol. 130, pp. 53–59.
13. Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to stay religious in a modern world: Socialization and exploration processes leading to an integrated internalization of religion among Israeli Jewish youth. *Motivation and Religion*, 2005, vol. 14, pp. 105–150.
14. Sheldon M. K. Catholic guilt? Comparing catholics’ and protestants’ religious motivations. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 2006, vol. 76, no. 3, pp. 209–223.
15. Guseva E. S. Tranzaktnyy podkhod k opisaniyu religioznoy lichnosti [The transactional approach to the description of the religious person]. *Izv. Samar. Nauch. tsentra RAN. Sotsialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 2015, vol. 17, no. 1(4), pp. 882–885 (in Russian).
16. Stojković I., Mirić J. Construction of a religious motivation Questionnaire. *Psihologija*, 2012, vol. 45, iss. 2, pp. 155–170.
17. Ilin E. P. *Differentsialnaya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny* [Differential psychophysiology of men and women]. St. Petersburg, 2003. 544 p. (in Russian).
18. Maltby J., Lewis C., Day L. Religious orientation and psychological well-being: the role of the frequency of personal prayer. *British Journal of Health Psychology*, 1999, vol. 4 (4), pp. 363–378.
19. Yasin M. I. Vnutrennyaya religioznaya motivatsiya u vayshnavov [Vaishnava’s Internal Religious Motivation]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 100–103 (in Russian).
20. Guseva E. S. Psikhologicheskie osobennosti predstaviteley slavyanskogo novogo yazychestva [Psychological characteristics of representatives of new Slavic paganism]. *Vestn. Samar. munitsipalnogo in-ta upravleniya* [The Bulletin of Samara municipal Institute of management], 2014, no. 2 (29), pp. 99–104 (in Russian).

Cite this article as:

Yasin M. I. Orthodox Christian’s Intrinsic Religious Motivation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 463–467. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-463-467>

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.851

О КАЧЕСТВЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПРОФИЛЮ «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

В. И. Игошин

Игошин Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, igoshinvi@mail.ru

В статье отмечается резкое падение уровня общематематической культуры выпускников школ, их математическая малограмотность. В немалой степени этому способствовали реформы высшего образования, проводимые на протяжении последней четверти века и приведшие к падению уровня подготовки будущих учителей математики для средних школ (называемых теперь бакалаврами и магистрами педагогического образования). Предлагается ряд мер, направленных на совершенствование этой подготовки с целью повышения качества и профессиональной компетентности выпускаемых учителей математики.

Ключевые слова: учитель математики, подготовка учителя математики, качество подготовки учителя математики, бакалавр педагогического образования, магистр педагогического образования.

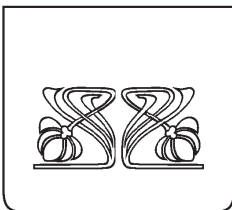
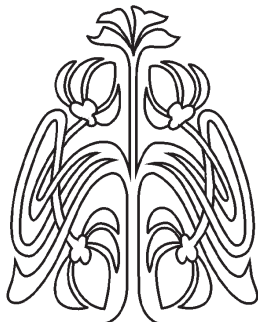
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-468-473>

Введение

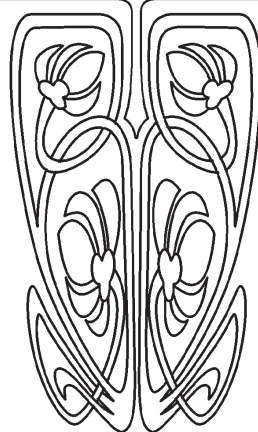
Проблемой качества российского математического образования в настоящее время озабочены все, кто так или иначе с этим образованием связан. В этой проблеме следует выделить две стороны – математическое образование широких народных масс и математическое образование тех, кто в народные массы это математическое образование несет. Другими словами, математическое образование школьников и студентов средних профессиональных и высших учебных заведений и математическое образование будущих учителей школ и преподавателей учреждений среднего профессионального и высшего образования. Таким образом, проблема носит системный характер, а сама система чрезвычайно многокомпонентна. За последнюю четверть века эта система, как и все общество, в котором она функционирует, подверглась поистине революционному переустройству. Проанализируем две компоненты этой системы – математическое образование школьников и математическое образование их будущих учителей математики: как преобразились они за эти четверть века и к каким результатам привели.

Математическое образование школьников

Что касается математического образования школьников, то отмечают резкое падение уровня общематематической культуры выпускников школ, их математическая малограмотность [1, 2], катастрофические пробелы в умениях логически рассуждать, понимать доказательства и самому доказывать, пространственно воображать [3, 4]. Пагубное и разрушительное влияние оказывает на систему

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

российского образования ЕГЭ [5]. Немаловажной причиной падения уровня математической образованности в целом стала эфемерная надежда на всемогущие в сфере образования IT-технологии [6–9]. О падении уровня математического образования говорят не только эмоциональные и яркие факты, приведенные в указанных выше статьях, но и объективные данные, полученные с помощью международных сравнительных оценок. Некоторые такие данные приведены в статьях [10, 11].

Математическое образование будущих учителей математики

В системе математического образования школьников имеется важнейший элемент. Это – учитель, который это образование реально осуществляет. Какого учителя математики создает современная система высшего педагогического образования?

За прошедшую четверть века системе высшего педагогического образования было нанесено три хорошо спланированных и организованных сокрушительных удара, от которых она оказалась в глубоком шоке.

Во-первых, в этой системе на заре XXI в. произошел великий раскол – часть педагогических институтов, осуществлявших подготовку дипломированных школьных учителей, была влита в существовавшие классические университеты (и подготовка учителей математики в них стала осуществляться на механико-математических факультетах), другая часть была реорганизована (переименована) в педагогические университеты и третья (очень малая) часть сохранилась в прежнем виде – в статусе педагогических институтов.

Во-вторых, все высшее образование России приняло Болонскую концепцию двухуровневой подготовки специалистов. В нем введены два образовательных уровня – бакалавра и магистра. Учителя математики в этой системе получили наименование: направление «Педагогическое образование», профиль «Математическое образование». Переход на двухступенчатую систему подготовки специалистов в этой важнейшей для общества профессии внес в эту подготовку невероятный сумбур.

В-третьих, высшее образование начало осуществлять еще один переход – от знаниевой парадигмы подготовки будущих специалистов к компетентностной. Это нововведение еще более усилило хаотичность образовательного процесса подготовки специалистов.

Невразумительные попытки выразить суть компетентностного подхода в каких-либо реаль-

ных образовательных категориях приводят к стремительной смене одного образовательного стандарта другим [12]. Неизменным остается одно – не учить будущих специалистов знаниям, умениям и навыкам, а формировать у них компетенции. При этом содержание обучения никак не регламентируется, оно напрочь отсутствует. Описания того самого, чему именно нужно учить, в стандарте нет. В результате получили фантастический результат – бессодержательное обучение! Составление учебных планов и отбор содержания по направлениям бакалавриата и магистратуры, призванных сформировать у будущих специалистов компетенции, провозглашенные образовательным стандартом, этот стандарт предоставляет в распоряжение вузов.

Если не уничтоженные педагогические вузы еще как-то пытаются сохранить положительные содержательные традиции высшего педагогического образования, то современные классические университеты, в которых бесследно растворились бывшие педагогические институты, не имея опыта подготовки школьных учителей, действуют куда более решительно в худшем смысле этого слова, и действия их напоминают поведение слона в посудной лавке. При составлении учебных планов по собственному разумению резко сокращают курс геометрии, также решительно сокращают, а порой и исключают из образования будущих учителей математики курсы математической логики, теории алгоритмов, дискретной математики. Давно исключен из учебных планов методологически важный для будущих учителей математики курс «Числовые системы». Обоснованием для такой кастрации служит очередная образовательная инновация – переход на так называемый прикладной бакалавриат: учителям не нужна теория, отправим их с первого же курса на практику в школу, пусть учатся коммуницировать (!) с детьми.

В целом можно сказать, что современные молодые учителя, выпускаемые по четырехлетней программе бакалавриата направления «Педагогическое образование» из современных классических университетов, в большинстве своем не владеют методологией математической науки – понятиями аксиоматического метода и аксиоматической теории, теорией определений математических понятий, логических методов доказательства математических теорем, не имеют представления о геометрии как научной теории, о происхождении и значении неевклидовых геометрических теорий, не видят глубинных связей и эквивалентности геометрического и векторного языков и т. д.

Так что можно с полным основанием сказать, что система математического образования школьников и система математического образования их будущих учителей математики превратились и продолжают еще более глубоко превращаться во все более и более открытые системы, подвергаемые все более и более неуправляемому хаосу, уничтожающему единое образовательное пространство страны.

Что же делать с системой подготовки будущих учителей математики?

По замыслу творцов реформы двухуровневая структура высшего образования призвана дать возможность выбора каждому студенту индивидуальной траектории получения образования и тем самым сделать высшее образование более индивидуально направленным. И это, конечно, хорошо. Но в то же время реформаторы не дали четкой характеристики того, чем с государственной точки зрения статус пришедшего в школу бакалавра педагогического образования будет отличаться от статуса магистра педагогического образования. Более того, специалистами уровней бакалавра и магистра в сфере педагогического образования могут быть не только учителя каких-либо предметов, но и всевозможные тьюторы, помогающие учащимся сформировать свою образовательную траекторию, специалисты по внеклассной работе, по связям с общественностью (родителями) и т. п. Конечно, и такие специалисты в школе нужны. Но не они будут определять уровень образования в стране; этот уровень по-прежнему будет определять Учитель. Статус учителя-бакалавра и учителя-магистра в современной школе должен быть определен на государственном уровне. В соответствии с этим статусом должна вестись и их подготовка в высших педагогических учебных заведениях. Некоторые соображения на этот счет высказывались автором [13].

После того как цели подготовки учителя-бакалавра и учителя-магистра по математике определены, следует приступить к разработке учебных планов их подготовки – причем единых для всех педагогических вузов и педагогических отделений классических университетов страны.

Здесь нелишне будет вспомнить о том опыте, который имеется в багаже отечественного математического образования и от которого не только не следует отказываться, но следует изучать и разумно использовать. «В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) поставил перед Наркомпросом задачу повысить уровень общеобразовательной подготовки учащихся. Решение задачи было найдено не на пути инноваций, а на пути восстановления традиций русской школы. Произошел возврат

к предметной системе обучения, “точно очерченному кругу систематизированных знаний” в программах [14, с. 161] и единым *стабильным* учебникам. В 1935 г., выступая на Всероссийском совещании по вопросам преподавания математики в средней школе, инспектор ЦИК СССР проф. Фурсенко доложил: “Приемные испытания в высшую техническую школу Союза ССР и наблюдения над работой студентов 1 и 2 курсов показали, что с *каждым* годом имеется *несомненное* повышение уровня знаний поступающих в высшую школу по математике” [15, с. 32]» [10, с. 43].

Итак, первое, с чего следует начать, – разработать единые для всех педагогических вузов и педагогических отделений классических университетов учебные планы подготовки учителей-бакалавров и учителей-магистров. Эти планы должны быть профессионально педагогически ориентированы и удовлетворять важнейшему педагогическому принципу – принципу преемственности: в них должна быть глубоко продумана преемственная взаимосвязь в образовательных системах двух уровней – бакалавриата и магистратуры – с тем, чтобы подготовка учителя-магистра явилась естественным продолжением, развитием и углублением подготовки учителя-бакалавра в соответствии с теми задачами, которые предстоит решать будущему специалисту в школьном образовательном процессе.

Уровневая дифференциация всей системы образования требует глубокой переработки и рабочих программ изучаемых дисциплин, в частности соответствующей уровневой дифференциации изучаемых предметов. Некоторые соображения на этот счет в части подготовки учителей математики высказывались автором в [16–19].

Об учебниках. Конечно, сейчас не 1929-й год, и говорить о единых учебниках для подготовки учителей математики невозможно и нецелесообразно. За эти годы в Советском Союзе и в России создано большое количество высококачественных учебников для высшей школы по всем разделам фундаментальной математики. Проблема в другом – современные реформаторы пытаются сбросить их с корабля современности и рассылают циркуляры, в которых обязывают использовать в учебном процессе только учебники, изданные в последние 5 (пять) лет. Это не просто забвение истории и лишение исторической памяти; это лишение или даже грабеж того интеллектуального богатства, которое создано страной и ее народом за много десятилетий. Эти циркуляры должны быть отменены. Профессор педагогического вуза, ведущий подготовку буду-

щих учителей математики, в состоянии сам, без указания из министерства, определить, по каким учебникам наиболее эффективно организовать учебный процесс.

Теперь о компетенциях будущих учителей-бакалавров и учителей-магистров математики. Необходимо прекратить эту совершенно бессмысленную и порочную деятельность – вгонять в прокрустово ложе компетентностных формулировок конкретные знания, умения и навыки по конкретным математическим дисциплинам, которыми должен овладеть будущий учитель математики за годы учебы в педагогическом вузе. Ничто не прибавляет к образовательному процессу выражение новоявленными названиями знаний определений предела, производной, интеграла, определителя, ранга матрицы, скалярного или векторного произведения векторов, кривизны кривой или поверхности и т. д. и т. п., умений понимать доказательства и доказывать теоремы. То же относится к умению вычислять по формулам и алгоритмам значения различных величин и выражений.

Что же касается проблемы логической строгости математических доказательств, то думается, что преподавание математических курсов в педвузе будущим учителям математики должно быть преимущественно строго доказательным. Те, кто в недалеком будущем сами будут обучать математике других, должны как можно большую часть своего предмета изучить обстоятельно и с логически строгими доказательствами. Материал, входящий в школьный курс математики, должен быть весь обоснован с полной логической строгостью. Материал математических курсов, выходящий за рамки школьного курса математики, должен быть профессионально ориентирован на школьный курс, тесно с ним связан, и его преподавание должно вестись на уровне разумной строгости. При этом знание основ логики – необходимый инструмент будущего учителя математики. Он, во-первых, научит отличать логически строгие доказательства от нестрогих, эвристических. Во-вторых, он создаст основу для будущей методической работы над школьным курсом математики, когда самостоятельно придется решать вопрос об уровне строгости преподавания этого курса в конкретных условиях учебного процесса.

Об использовании IT-технологий в образовании будущих учителей математики. В связи со все более широким и стремительным проникновением этих технологий во все сферы действительности современная молодежь осваивает их стихийным образом значительно быстрее, чем

они проникают в формальный образовательный процесс. А вот реальных фундаментальных и системных знаний по конкретным наукам самостоятельно они, как показывает практика, получить из интернета и сформировать в себе не могут. Поэтому вывод таков: чем шире будут внедряться в нашу повседневную жизнь компьютерные технологии (а именно так и происходит и будет происходить в будущем), тем выше роль и значение фундаментальных и системных знаний по предметам, которые должны получить будущие учителя математики в педагогическом вузе. Следовательно, тем меньше времени в образовательном процессе вуза должно быть отведено работе с компьютером и тем больше времени отведено для работы над формированием умственных и интеллектуальных качеств будущих учителей математики под руководством вузовского педагога.

О компетенциях и едином государственном экзамене (ЕГЭ). Конечно, в какой-то части педагогического образования будущих учителей может быть и уместно говорить об их компетенциях. Например, умение работать с детьми с учетом возрастной физиологии и психологии, умение организовать детей на какие-то культурно-массовые мероприятия, умение общаться (или, как говорят сейчас, коммуницировать) с родителями и т. п.

Наконец, ЕГЭ в его современном виде, конечно же, должен быть упразднен. По крайней мере, его сфера и влияние на образовательный процесс, на судьбу выпускников школ, на оценку качества труда учителя должны быть резко ограничены.

Заключение

Кратко вывод можно сформулировать так: двухступенчатой системе высшего педагогического образования – да; компетентностной парадигме высшего педагогического образования – нет; единому государственному экзамену (ЕГЭ) – нет.

В 2017 г. при Министерстве образования и науки РФ обновлен состав Научно-методического совета по математике (секция педагогических вузов). Хочется надеяться, что новый совет при поддержке широкой общественности педагогических вузов направит свою работу на совершенствование высшего педагогического образования в нашей стране, новое Министерство высшего образования примет на вооружение рекомендации совета, а педагогические вузы и классические университеты будут выпускать из своих стен учителей математики, достойных нового времени.

Список литературы

1. Богомолова Е. П. Диагноз : математически малограмотный // Математика в школе. 2014. № 4. С. 3–9.
2. Богомолова Е. П. От математической малограмотности к математическим компетенциям // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Пед. образование. 2015. № 3. С. 3–20.
3. Клековкин Г. А. Обучение геометрии и логическая грамотность // Стандартизация математического образования : проблема внедрения и оценка эффективности : материалы XXXV Междунар. науч. семинара преподавателей математики и информатики ун-тов и пед. вузов. Ульяновск, 2016. С. 197–200.
4. Козеренко К. В. Точки разрыва в математическом образовании // Математическое образование. 2017. № 4 (84). С. 2–7.
5. Малинецкий Г. Г., Подлазов А. В. ЕГЭ как катализатор кризиса российского образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Пед. образование. 2011. № 3. С. 18–59.
6. Розов Н. Х. Некоторые проблемы применения компьютерных технологий при обучении в средней школе // Вестн. МГПУ. Сер. Информатика и информатизация образования. 2003. № 1. С. 102–106.
7. Тестов В. А. Математическое образование в условиях сетевого пространства // Образование и наука. 2013. № 2 (101). С. 111–120.
8. Клековкин Г. А. Проблемы обучения в условиях открытого информационного пространства // Образование и наука. 2014. № 7 (116). С. 4–23.
9. Громыко Н. В. Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования // Вопр. философии. 2001. № 2. С. 175–180.
10. Костенко И. П. Кризис отечественного математического образования // Педагогика. 2012. № 7. С. 41–49.
11. Чошанов М. А. Образование и национальная безопасность : системные ошибки в математическом образовании России и США // Образование и наука. 2013. № 8 (107). С. 14–31.
12. Сухомлин В. А. Полная победа инноваций над российским образованием (размышления российского профессора о реформах высшего образования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 16–40.
13. Игошин В. И. О подготовке бакалавров и магистров педагогического образования по профилю «математическое образование» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 103–106.
14. Колягин Ю. М. Русская школа и математическое образование. М., 2001. 320 с.
15. Материалы Всероссийского совещания преподавателей математики средней школы. М., 1935. 153 с.
16. Игошин В. И., Капитонова Т. А., Лебедева С. В. Содержательно-методические аспекты предметной подготовки бакалавров педагогического образования (профиль – математическое образование) // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1 (9). С. 14–17.
17. Игошин В. И. Подготовка будущих учителей математики и информатики в области дисциплин дискретной математики в условиях бакалавриата и магистратуры // Образование и наука. 2013. № 7 (106). С. 85–100.
18. Игошин В. И. Курс числовых систем в формате двухуровневой подготовки учителей математики // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 1. С. 82–104.
19. Игошин В. И. О точках и векторах в геометрии // Математическое образование (журнал фонда мат. образования и просвещения). 2017. № 2 (82). С. 27–43.

Образец для цитирования:

Игошин В. И. О качестве подготовки бакалавров и магистров педагогического образования по профилю «Математическое образование» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 468–473. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-468-473>

On Quality of Training Bachelors and Post-graduate Students of Pedagogical Education (Mathematical Education)

V. I. Igoshin

Vladimir I. Igoshin, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, igoshinvi@mail.ru

The article notes a sharp drop in the level of general mathematical culture of school graduates, their mathematical illiteracy. The reforms of higher education carried out during the last quarter of the century, which led to a decline in the level of training of future teachers of mathematics for secondary schools (now called bachelors and masters of pedagogical education), contributed to this in no small measure. A number of measures aimed at improving this training with the aim of improving the quality and professional competence of graduate teachers of mathematics are proposed.

Key words: teacher of mathematics, training of mathematics teacher, quality of training of mathematics teacher, bachelors of pedagogical education, master of pedagogical education.

References

1. Bogomolova E. P. Diagnost: matematically malogramotniy [Diagnosis: mathematically illiterate]. *Matematika v shkole* [Mathematics in School Journal], 2014, no. 4, pp. 3–9 (in Russian).
2. Bogomolova E. P. Ot matematically malogramotnosti k matematically kompetencyam [From mathematical illiteracy to mathematical competencies]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* [Moscow University Bulletin, Ser. 20. Pedagogical Education]. 2015, no. 3, pp. 3–20 (in Russian).

3. Klekovkin G. A. Obuchenie geometrii i logicheskaya gramotnost [Learning geometry and logical literacy]. *Standartizatsiya matematicheskogo obrazovaniya: problema vnedreniya i ocenka effektivnosti* [Standardization of mathematical education: the problem of implementation and evaluation of efficiency]. Uliyanovsk, 2016, pp. 197–200 (in Russian).
4. Kozerenko K. V. Tochki razryva v matematicheskom obrazovanii [Break points in mathematical education]. *Matematicheskoe obrazovanie* [Mathematical Education Journal], 2017, no. 4 (84), pp. 2–7 (in Russian).
5. Malineckiy G. G., Podlazov A. V. EGE kak katalizator krizisa rossiyskogo obrazovaniya [USE as a catalyst for the crisis of Russian education]. *Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* [Moscow University Bulletin, Ser. 20. Pedagogical Education], 2011, no. 3, pp. 18–59 (in Russian).
6. Rozov N. Kh. Nekotorye problemy primeneniya komputernikh tekhnologiy pri obuchenii v sredney shkole. [Some problems of computer technologies application in secondary school]. *Vestn. MGPU. Ser. Informatika i informatizatsiya obrazovaniya* [Vestnik of Moscow State Pedagogical University, Ser. Informatics and Informatization of Education], 2003, no. 1, pp. 102–106.
7. Testov V. A. Matematicheskoe obrazovanie v usloviyakh setevogo prostranstva [Mathematical education in the conditions of network space]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2013, no. 2 (101), pp. 111–120 (in Russian).
8. Klekovkin G. A. Problemy obucheniya v usloviyakh otkrytogo informatizatsionnogo prostranstva [Problems of learning in the open information space]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2014, no. 7 (116), pp. 4–23 (in Russian).
9. Gromyko N. V. Internet i postmodernism – ikh znacheniye dlya sovremennogo obrazovaniya [Internet and postmodernism-their importance for modern education]. *Voprosy Filosofii* [Voprosy Filosofii], 2001, no. 2, pp. 175–180 (in Russian).
10. Kostenko I. P. Krizis otechestvennogo matematicheskogo obrazovaniya [The crisis of Russian mathematics education]. *Pedagogika* [Pedagogic Journal], 2012, no. 7, pp. 41–49 (in Russian).
11. Tchoshanov M. A. Obrazovanie i nacionalnaya bezopasnost: sistemnye oshibki v matematicheskom obrazovanii Rossii i SShA [Education and national security: system errors in mathematical education in Russia and in USA]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2013, no. 8 (107), pp. 14–31 (in Russian).
12. Sukhomlin V. A. Polnaya pobeda innovatsiy nad rossiyskim obrazovaniem [The complete victory of innovations over the Russian education]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* [Moscow University Bulletin, Ser. 20. Pedagogical Education], 2009, no. 1, pp. 16–40 (in Russian).
13. Igoshin V. I. O podgotovke bakalavrov i magistrrov pedagogicheskogo obrazovaniya po profilyu “matematicheskoe obrazovaniye” [About learning of bachelors and post-graduated students of pedagogical education (mathematical education)]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology, Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 103–106 (in Russian).
14. Kolyagin Ju. M. *Russkaya shkola i matematicheskoe obrazovaniye* [Russian School and Mathematical Education]. Moscow, 2001. 320 p. (in Russian).
15. *Materialy Vserossiiskogo soveschaniya prepodavatelei matematiki srednei shkoly* [Materials of the all-Russian meeting of teachers of secondary school mathematics]. Moscow, 1935. 153 p. (in Russian).
16. Igoshin V. I., Kapitonova T. A., Lebedeva S. V. Soderzhatelno-metodicheskie aspekty predmetnoi podgotovki bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya (profil – matematicheskoe obrazovaniye) [The contain-metodical aspects of subject training for bachelors in pedagogics (mathematical education type)]. *Gumanitarnie nauki i obrazovanie* [Humanitary Sciences and Education Journal], 2012, no. 1 (9), pp. 14–17 (in Russian).
17. Igoshin V. I. Podgotovka buduschich uchitelei matematiki i informatiki v oblasti disciplin diskretnoi matematiki v usloviyakh bakalavriata i magistraturi [Bachelors and post-graduated education of mathematics and informatics teachers in discrete mathematical science]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2013, no. 7 (106), pp. 85–100 (in Russian).
18. Igoshin V. I. Kurs chislovikh system v formate dvukhurovnevoy podgotovki uchiteley matematiki [Subject “Number systems” in two-leveled format preparation teachers of mathematics]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2017, vol. 19, no. 1, pp. 82–104. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-1-81-102 (in Russian).
19. Igoshin V. I. O tochkakh i vektorakh v geometrii [About points and vectors in geometry]. *Matematicheskoe obrazovanie* [Mathematical Education Journal], 2017, no. 2 (82), pp. 27–43 (in Russian).

Cite this article as:

Igoshin V. I. On Quality of Training Bachelors and Post-graduate Students of Pedagogical Education (Mathematical Education). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 468–473. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-468-473>

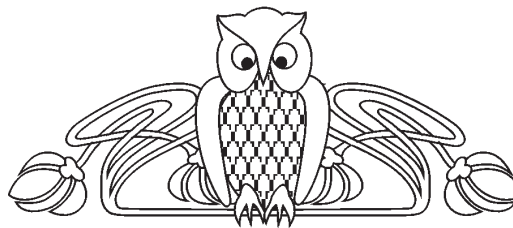

УДК 37.01

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е. В. Листвина

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, listvamer@yandex.ru

В статье анализируется соотношение понятий образовательного пространства и образовательной среды, характеризующейся синкретичностью, внутренней целостностью; предпринята попытка определить связь образовательной среды с ролью культуры в образовании. Отмечая такие тенденции в современном образовании, как детерриторизированность, деинституционализированность, автор считает, что усиливается необходимость активизации символического начала в образовательном процессе. Автор опирается на различие в определении понятий «образовательное пространство» и «образовательная среда», указывая на тотальность, динамичность, подвижность как важные качества образовательной среды. Рассматривается основополагающая роль в процессе получения образования культурного, ментального компонента, вписанного в структуру образовательной среды. В различных системах образования индивид так или иначе вынужден соприкасаться с сопутствующими процессу обучения коммуникативными, дискурсивными, культурными практиками, элементами культуры повседневности, выступающими двусторонним фильтром: как со стороны обучающегося, так и с принимающей его стороны. В условиях унификации элементов образовательного процесса образовательная среда способствует сохранению социокультурных устойчивых форм, сложившихся на основе культурных традиций.

Ключевые слова: образовательная среда, образовательное пространство, культура, ментальность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-474-477>

В современных условиях развития образования все большую роль начинает играть понятие образовательной среды. Когда образование становится детерриторизированным, деинституционализированным, когда сам процесс обучения и восприятия материала становится размытым и не привязанным к конкретным топосам, тема среды начинает вызывать интерес. Так как образовательный процесс требует определенной локализации, если не территориальной, то символической, то можно сказать, что феномен среды отвечает этим требованиям.

Следует различать понятия образовательной среды и образовательного пространства: второе чаще понимается как «результат возможной интеграции существующих элементов системы образования»; в значении одного из уровней соци-

ального пространства (наряду с экономическим, политическим, культурным пространством); как явление в общественных отношениях стран, как специфическое качество единства; как результат конструктивной деятельности» [1, с. 37]. Авторы отмечают, что «образовательное пространство <...> представляет собой совокупность педагогических условий для воспитания личности, способной к творческому преобразованию окружающей среды, осуществлению культуросоздающей функции» [2, с. 234]. Характеристика образовательной среды включает в себя воздействие на все чувства и все органы обучающегося, наличие главной и периферийной информации, символическое и психологическое значения, присутствие адаптивной и социализирующей функций, воздействие как единого целого [3, с. 138]. Так, С. В. Тарасов под образовательной средой понимает, прежде всего, «подсистему социокультурной среды, совокупность исторически сложившихся факторов, обстоятельств, ситуаций, то есть целостность специально организованных педагогических условий развития личности» [4, с. 133]. Рассматривая образовательную среду как сложный и многозначный феномен, можно согласиться с В. И. Слободчиковым, который отмечал, что «образовательную среду нельзя считать чем-то однозначным, наперед заданным. Среда начинается там, где происходит встреча образующего и образуемого, где они совместно что-либо проектируют и строят. Такую среду можно рассматривать и как предмет, и как ресурс совместной деятельности» [5, с. 172–176].

В настоящее время можно отметить стремление к созданию тотального образовательного пространства без условностей и привязок к государственным и иным системам. Представляется, что чем больше обучающийся открыт в процессе принятия знаний, тем продуктивнее будет результат. Есть распространенная в научной среде точка зрения, что существует тотальная образовательная среда, которая не разделена границами, что сравнимо с образовательным пространством, например, средневековой Евро-

пы, позволявшим студентам перемещаться вне зависимости от политических границ. Но опыт последних десятилетий свидетельствует, что эти широкие возможности приводят к несколько неожиданным результатам.

Погружаясь в различные системы образования, даже в наиболее унифицированную Болонскую систему единого европейского пространства высшего образования, индивид так или иначе вынужден соприкасаться с сопутствующими процессу обучения коммуникативными, дискурсивными, культурными практиками, элементами культуры повседневности, выступающими двусторонним фильтром: как со стороны обучающегося, так и с принимающей его стороны. Поэтому современные исследователи выделяют такие структурные компоненты образовательной среды, как пространственно-семантический, содержательно-методический, коммуникационно-организационный [1, с. 135–136].

Культура, несомненно, является неотъемлемой частью образования в целом и образовательной среды в частности. Если обратиться к различным определениям культуры, наиболее отвечающим нашему исследованию будет определение В. С. Степина, который обозначает ее как систему исторически связанных, развивающихся надбиологических программ, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [6]. Следуя за В. С. Степиным, мы можем сказать, что культура создает свой особый «контейнер» для того, что называется социализацией и инкультурацией. Практически все, что человек получает в качестве знания как формы социальной и индивидуальной памяти, свернутой схемы деятельности и общения, результата обозначения, структурирования и осмысления объектов в процессе познания, по мнению И. Т. Касавина, при всей своей универсальности «окрашено» в особые культурные, ментальные тона [7, с. 138].

В любом случае накопление знания и информации осуществляется через призму понятия культуры, т. е. формируется восприятие образования как «культурного процесса, осуществляющегося в культурообразной образовательной среде, все компоненты которой наполнены человеческим смыслом, служат человеку, свободно проявляющему свою индивидуальность и способному к культурному саморазвитию и самоопределению в мире культурных ценностей» [7, с. 59]. Накопление знаний и информации осуществляется и благодаря ментальным компонентам, представляющим собой глубинный уровень сознания, включающий, в том числе, и бессознательное, нерасчлененную устойчивую

совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир и себя в мире определенным образом. Известно, что ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, в то же время оказывая большое влияние на их формирование. Но нам важнее отметить синкретичность, переплетенность рациональных и иррациональных факторов ментальности, которые создают основу для восприятия любого информационного, образовательного действия. И тогда важную, основополагающую роль в процессе получения образования начинает играть специфический культурный, ментальный компонент, который оказывается органично вписанным в структуру образовательного пространства и в целом – образовательной среды.

Образовательная среда представляется нам целостным, синкретическим явлением, в которое обучающийся погружен полностью. Это полное состояние отданности, растворенности в процессе, когда он уже не членится в сознании обучающегося на отдельные операции, уроки, лекции, занятия, а воспринимается как некий естественный континуум. Образовательная среда захватывает обучающегося с момента вхождения его в образовательную систему, даже если это не конкретное учреждение, помещение, комплекс со своими специфическими территориальными и пространственными характеристиками. Это погружение в образовательную среду оказывается одним из основополагающих элементов степени усвоения материала, потому что, как бы мы ни старались опираться только на рациональное начало в получении знания, усвоение его проходит сквозь ментальные конструкции. И здесь на первое место выходит образовательная среда, которая включает специфику подачи, структурирования материала, формирования психологического состояния обучающегося.

Принцип организации современного образовательного процесса – это, в первую очередь, принцип единства образования, жизни, профессиональной деятельности [3, с. 136]: устойчивое и, если так можно выразиться, комфортное единство создает именно образовательная среда. Она включает в себя все элементы культуры, которые создают образовательный процесс, – от межпоколенческих коммуникаций участников этого процесса до подбора примеров для тестирования. Даже если обучающийся не стремится к этому и хочет находиться как бы вне ментальных конструкций, ему все же приходится их впитывать, чтобы получить желаемый результат образовательного процесса.

Большую роль в формировании образовательной среды на основе единства образования и жизни играют элементы коллективной памяти, которые способствуют созданию особого коллективного поля, объединяющего группы учащихся и включающих в себя те самые межпоколенческие связи. Коллективная память и созданные ею социальные рамки, по мнению М. Хальбвакса, скрепляют сообщество весьма прочно и своеобразно, так как «наряду с письменно зафиксированной историей существует живая история» [8], которая фиксируется коллективной памятью, скрепляющей сообщество весьма прочно. Помимо коллективной памяти нации, которая ложится в фундамент образовательной среды в целом, каждое учебное заведение, каждая группа учащихся ежедневно создают специфическое пространство коллективной памяти, скрепляющей гораздо сильнее, нежели прописанные правила и уставы. В этом смысле образовательная среда является своеобразным генератором, усиливающим коллективную память, оживляющим и инкультурирующим ее ключевые факты и события. Образовательная среда пронизана коллективной памятью, ее отдельными, наиболее яркими событиями, которые становятся со временем узловыми и позволяют объединять обучающихся в ходе образовательного процесса помимо усвоения собственно образовательной программы.

Коллективная память способствует более комфортному погружению в безусловное пространство образовательной среды, помогая передавать межпоколенческие традиции. Более того, она помогает моделированию образовательной среды, расставляя необходимые акценты и прокладывая трендовые траектории, по которым будут двигаться обучающиеся, усваивая конкретные знания и одновременно с этим постигая ментальные основания культуры, в рамках которой осуществляется образовательный процесс [9, с. 41–47].

В результате, можно сказать, что благодаря формированию через коллективную память образовательной среды в определенной мере можно решить проблему кризиса идентичности молодого поколения, которая сейчас охватывает различные уровни и слои социальной структуры и создает условия социокультурной напряженности. По мнению В.С. Степина, «социокультурным последствием кризиса идентичности является тенденция к размыванию интересубъективной смысловой структуры, постмодернистская игра со смыслами культурных универсалий. Культурное сообщество с размытой социальной структурой тяготеет к стратегиям бриколажа и

деконструкции, к социально безответственной игре с культурными смыслами» [10]. Образовательная среда в этой ситуации оказывается противостоящим началом этим размывающим тенденциям, элементом, скрепляющим и цементирующим личность, которая становится способной выжить в сложных, постоянно меняющихся условиях современности.

Несмотря на формализацию и унификацию отдельных ступеней и элементов образовательного процесса, образовательная среда естественным образом сохраняет и укрепляет социокультурные устойчивые формы, сложившиеся на основе культурных традиций и ментальных представлений. В этом можно увидеть один из ресурсов современного образования, который обогащает процесс получения знания и дает возможность его наиболее полного и глубокого усвоения и закрепления.

Список литературы

1. *Леонова О. А.* Понятие «образовательное пространство» и его региональная интерпретация // Педагогика. 2008. № 6. С. 36–41.
2. *Александрова Е. А.* Образовательное пространство : на перекрестке субкультур // Народное образование. 2009. № 8. С. 234–238.
3. *Беккер И. Л., Журавчик В. Н.* Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Общественные науки. 2009. № 12 (16). С. 132–140.
4. *Тарасов С. В.* Образовательная среда : понятие, структура, типология // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 3, № 3. С. 133–138.
5. *Слободчиков В. И.* Образовательная среда : реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования : культурные модели школ. М., 1997. Вып. 7. С. 177–184.
6. *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. 408 с.
7. *Никифоров А. Л., Филатов В. П., Касавин И. Т.* Обсуждаем статью «Знание» // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2004. № 1. С. 131–140.
8. *Бондаревская Е. В.* Теория и практика личностно ориентированного образования. Ростов н/Д, 2000. 351 с.
9. *Halbwachs M.* The Collective Memory. N.Y., 1950. P. 14.
10. *Подзорова С. В.* Образовательная среда – актуальное понятие действительности // Вестн. гум. науч. образования. 2011. № 1. С. 41–47.
11. *Пирожков В. В.* Обсуждение книги академика В. С. Степина «Цивилизация и культура» (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2014. № 1. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=877&Itemid=52 (дата обращения 08.08.2018).

Образец для цитирования:

Листвина Е. В. Образовательная среда: социокультурный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 474–477. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-474-477>

Educational Environment: Socio-Cultural Aspect

E. V. Listvina

Evgeniya V. Listvina, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, listvamer@yandex.ru

The article analyzes the relationship between the concepts of educational space and the educational environment characterized by syncreticity, internal integrity, and attempts to determine the relationship of the educational environment with the establishment of the role of culture in education. Noting such trends in modern education as de-territorialization, de-institutionalization, the author believes that there is an increasing need to activate the symbolic principle in the educational process. The author relies on the difference in the definition of “educational space” and “educational environment”, pointing to the totality, dynamism, mobility as important qualities of the educational environment. The author considers the fundamental role in the process of education of cultural, mental component, inscribed in the structure of the educational environment. The article notes that in various educational systems the individual is somehow forced to come into contact with the accompanying process of learning communicative, discursive, cultural practices, elements of everyday culture, acting as a two-way filter: both on the part of the student and the host side. In terms of unification of the elements of the educational process, the educational environment contributes to the preservation of socio-cultural sustainable forms that have developed on the basis of cultural traditions.

Key words: educational environment, educational space, culture, mentality.

References

1. Leonova O. A. Ponyatie «obrazovatelnoe prostranstvo» i ego regionalnaya interpretatsiya [The concept of «educational space» and its regional interpretation]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2008, no. 6, pp. 36–41 (in Russian).
2. Aleksandrova E. A. Obrazovatelnoe prostranstvo shkoly: na perekrestke subkultur detey i vzroslykh [Educational environment: at the crossroads of subcultures]. *Narodnoe obrazovanie* [Public Education], 2009, no. 8, pp. 234–238 (in Russian).
3. Bekker I. L., Zhuravchik V. N. Obrazovatelnoe prostranstvo kak sotsialnaya i pedagogicheskaya kategoriya [Educational space as a social and pedagogical category]. *Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo. Obschestvennye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Social Science], 2009, no. 12 (16), pp. 132–140 (in Russian).
4. Tarasov S. V. Obrazovatel'naya sreda: ponyatie, struktura, tipologiya [Educational environment: concept, structure, typology]. *Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Leningrad State University named after Pushkin], 2011, vol. 3, no. 3, pp. 133–138 (in Russian).
5. Slobodchikov V. I. Obrazovatel'naya sreda: realizatsiya tseley obrazovaniya v prostranstve kultury [Educational environment: realization of educational goals in the cultural space]. *Novyye tsennosti obrazovaniya: kulturnye modeli shkol* [New values of education: cultural models of schools], Moscow, 1997, iss. 7, pp. 177–184 (in Russian).
6. Stepin V. S. *Tsivilizatsiya i kultura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, 2011. 408 p. (in Russian).
7. Nikiforov A. L., Filatov V. P., Kasavin I. T. Discussing the article “Knowledge” [Obsuzhdaem statyyu “Znanie”]. *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2004, no. 1, pp. 131–140 (in Russian).
8. Bondarevskaya E. V. *Teoriya i praktika lichnostno orientirovannogo obrazovaniya* [Theory and practice of personality-oriented education]. Rostov-on-Don, 2000. 351 p. (in Russian).
9. Halbwachs M. *The Collective Memory*. New York, 1950. P. 14.
10. Podzorova S. V. Obrazovatel'naya sreda – aktualnoe ponyatie deystvitelnosti [Educational environment-actual concept of reality]. *Vestn. gum. nauch. obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2011, no. 1, pp. 41–47 (in Russian).
11. Pirozhkov V. V. Obsuzhdenie knigi akademika V. S. Stepina «Tsivilizatsiya i kultura» (materialy «kruglogo stola») (Discussion of academician V. S. Stepin's book «Civilization and culture» {materials of the round table}). *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2014, no. 1. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=877&Itemid=52 (accessed 8 August 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Listvina E. V. Educational Environment: Socio-Cultural Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 474–477. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-474-477>

УДК 37.013.46

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

А. З. Гусейнов

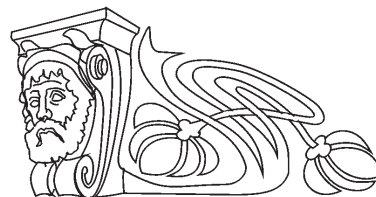
Гусейнов Али Зульфигарович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, guseynovaz@mail.ru

В статье раскрываются теоретические проблемы современного педагогического творчества как интегративной характеристики его процессов «самости», среди которых системообразующими компонентами выступают самопознание, творческое самоопределение, самоуправление, самосовершенствование и творческая самореализация личности педагога в его профессионально-творческом становлении. В свою очередь, методологический анализ научных представлений позволяет определить основные подходы к исследованию данного феномена, целостно взглянуть на профессиональную деятельность педагога. Педагог как творчески саморазвивающаяся личность, являясь субъектом педагогического процесса, создает эффективные условия для инновационной деятельности, поддерживает активность, инициативность и самостоятельность обучающихся. Творческий потенциал личности, образование и наука становятся в современных условиях важнейшей ценностью, духовным достоянием государства, нации. Творческие способности являются совокупностью общих и специфических качеств, представляющих собой сложное структурное образование. Они обнаруживаются не столько в конкретных знаниях, умениях и навыках, сколько в реальной эвристической созидательной деятельности. Важнейшее средство развития творческих способностей обучающихся – предельно раннее их включение в креативную, личностно и социально значимую познавательную деятельность. Успешное формирование творческой личности осуществляется при использовании комплекса инновационных развивающих дидактических средств. Существенное влияние на формирование творческого потенциала личности обучающегося оказывает обобщенная информация, отбираемая для учебных курсов на модульно-синергетической основе. Исследование фундаментальных позиций педагогического творчества показывает его место в учебном процессе и определяет его как ресурс качества образования в целом.

Ключевые слова: профессиональная деятельность педагога, педагогическое творчество, педагогические концепции, образовательная парадигма, креативность личности, познавательная активность, творческая самостоятельность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-478-482>

Современный этап развития высшей школы в России характеризуется существенными изменениями содержания и процессуальных основ образования. В условиях социокультурной ситуации возникает потребность в новых подходах к профессионально-личностному становлению педагога. Общество сегодня требует от образования формирования самостоятельной, ответственной

личности, способной к решению педагогических и социальных проблем в соответствии с нормами новой образовательной парадигмы; личности, способной максимально полно раскрыться в жизни, привнося в нее творчество и индивидуальность.

Ключевыми принципами государственной образовательной политики в России становятся приоритет интересов личности и удовлетворение личностных образовательных потребностей. Овладение профессиональной культурой педагога как необходимое условие эффективности его профессиональной деятельности отражено в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (Приказ от 4 декабря 2015 г. № 1426), что позволяет рассматривать формирование профессиональной культуры у студентов как цель образовательного процесса в высшей школе и как актуальное направление научных исследований. Одной из важных профессиональных компетенций педагога в новом ФГОС ВО является способность поддерживать активность, инициативность и самостоятельность обучающихся, развитие их творческой способности.

Это направление современных научных исследований привлекает внимание ученых различных профилей: педагогов, психологов, философов, социологов, политиков, экономистов. Ибо от сегодняшнего педагога требуется умение пристально наблюдать, изучать учеников, внимательно их слушать, уважать их точку зрения, доброжелательно и ненавязчиво корректировать ошибочные взгляды и суждения. Поэтому важной составляющей педагогической деятельности является всестороннее и вдумчивое изучение личности ученика, учет особенностей его развития и выбор адекватных высокоэффективных дидактических средств.

Именно сейчас общее и профессиональное образование призвано обеспечить благоприятные условия для полноценного духовно-нравственного и интеллектуального развития каждого обучающегося, воспитание у него культуры речи, навыков общения, исторического мышления, бережного отношения к природе. Поэтому сегодняшний педагог – это, прежде всего, организатор разнообразной полноценной жизни обучающихся.

Такой педагог должен сам обладать как развитым интеллектом, так и глубоким, творческим профессионально-педагогическим мышлением. Не случайно К. Д. Ушинский придавал большое значение развитию самостоятельного, творческого, профессионального мышления педагога. Он справедливо отмечал, что педагогика как научная дисциплина очень сложна для восприятия, что ее изучение предполагает уже некоторое предварительное знакомство с устройством человеческого организма (как телесного, так и душевного), что предмет педагогики очень обширен.

На современном этапе своего развития педагогика остро нуждается в качественном обновлении своего методологического фундамента. Необходимость такого обновления объясняется целым рядом причин.

1. Разработка методологических основ педагогических концепций опирается, как правило, на какое-то одно философское направление. Сейчас этого явно недостаточно. Приоритет отдается не одной какой-либо философской школе, а осуществляется синтез, на первый взгляд, даже и несовместимых концепций, помогающих осмыслить основы логики и структуры педагогического процесса.

2. Образование приобретает все большую социокультурную направленность. На первое место выходят общие философские, антропологические, экзистенциальные, прагматические аспекты образовательной программы. Поэтому качественно меняются методологические представления о сущности многих педагогических процессов, о категориях педагогики. Если раньше наибольший интерес представляли понятия абстрактного и конкретного, субъективного и объективного, то сейчас приоритет отдается категориям свободы и принуждения, коммуникации и отчуждения, технического и гуманитарного и т. п. Необходим своеобразный методологический подход к анализу педагогических явлений, которые выпадали раньше из поля зрения классического рационализма.

3. Однобокость философского истолкования сущностных сторон педагогического процесса отчетливо выявляет существенный недостаток теоретического анализа процесса, методики обучения и воспитания. Этот недостаток отчетливо вырисовывается при теоретической трактовке принципов дидактики. Каждый принцип, учит философия, имеет внутреннюю определенность, каждый – субстанционален. Так, принцип наглядности фактически призван раскрыть механизмы соотношения материального и идеального в процессе познания. Однако именно этот механизм и не находит своего достаточно полного освещения.

4. Главная цель педагогического знания заключается в обогащении научных представлений, необходимых для осмысления закономерностей учебно-воспитательного процесса; развивающих желание сознательно и творчески заниматься педагогической деятельностью и профессиональным самообразованием.

В ходе педагогического процесса отчетливо проявляются две закономерности. Первая из них – руководящая роль преподавателя. Процесс обучения проходит под его руководством, и характер познавательной деятельности обучающихся в значительной мере зависит от того, как построено занятие. Методические приемы преподавателя могут настраивать обучающихся на творческие виды учебной деятельности или, наоборот, снижать познавательные интересы. Преподаватель планомерно поднимает познавательную деятельность обучающихся на качественно новые ступени, основываясь на ранее достигнутых успехах. При этом он оказывает определенное эмоциональное воздействие на учащихся, используя индивидуальный подход, организует связь обучения с жизнью.

Вторая закономерность – воспитывающий характер обучения. Личность преподавателя всегда оказывает сильное духовно-нравственное воздействие на обучающихся. Не случайно их отношение к той или иной учебной дисциплине формируется в большей степени через его отношение к педагогу. В процессе обучения преподаватель выполняет целый комплекс воспитательных функций: воспитывает познавательные интересы, развивает мышление, осуществляет нравственное, эстетическое воспитание. Таким образом, процесс обучения объективно, по своей природе является воспитывающим. Это значит, что он своим содержанием, методикой и организацией способствует как усвоению знаний, умений и навыков, так и формированию личности в целом. Но следует иметь в виду, что воспитание в процессе обучения во многих случаях зависит от личностных качеств педагога, от его знаний, справедливости, требовательности, от его моральных качеств. Преподаватель создает те условия, которые обеспечивают успех педагогического воздействия обучения на студентов и учащихся.

Движущие силы процесса обучения – противоречия между выдвигаемыми ходом изучения того или иного учебного предмета более сложными дидактико-методическими задачами и достигнутым обучаемыми уровнем знаний, умений и навыков, уровнем их научного, профессионального и системного мышления [1, с. 101]. Педагог – носитель культуры, субъект прогрессивного развития, сеятель разумного,

доброе, вечного. Работа педагога – это наукоемкая творческая деятельность, в структуру которой входят различные компоненты.

Педагогическое творчество долгие годы рассматривалось преимущественно с гносеологических позиций. Сейчас такого подхода недостаточно. Творчество становится более индивидуализированным и личностным. Оно обретает ярко выраженные экзистенциально-антропологические черты.

Каковы же критерии педагогического творчества? Чаще всего называют следующие: создание нового, решение сложных задач, склонность к инновационной деятельности. На наш взгляд, важнейшим критерием творчества является степень развития внутренних сил человека. Выгода многообразна, и в современных условиях прагматизм творчества является, по-видимому, высшей формой прагматизма, позволяющей по-новому взглянуть на проблему смысла жизни.

Педагогическое творчество является модусом творчества вообще и противостоит формализму в обучении, как оптимальная форма его организации противостоит формальной форме. Единство формы и содержания в обучении будет достигнуто в том случае, если творчество станет нормой образовательного процесса, а не редким исключением из правил. Для этого необходимо, чтобы реальная жизнь максимально требовала творчески мыслящих педагогов, а не простых исполнителей формальных правил. Социокультурный подход к образованию становится важным условием воспитания творческих качеств личности педагога – как исследователя, так и практика.

Проблема развития творческих способностей педагога приобретает особую актуальность и социальную значимость, становится не только средством повышения эффективности педагогического процесса в вузе, но и важной целью обучения. Далеко не случайно во многих странах мира (США, Англии, Франции и др.) особенно интенсивно ведутся исследования проблем креативности, развития творчества. Результатами этих исследований явились как эмпирические находки, так и гипотезы, и концепции, заслуживающие самого пристального внимания современных педагогов. Само понятие творчества подвергается существенному переосмыслению. На наш взгляд, «новое» должно быть социально и личностно значимым, полезным.

Большинство зарубежных ученых (С. Парне, А. Осборн, А. Кестлер, Б. Олмо, Дж. Гилфорд и др.) утверждают, что творческое мышление необходимо развивать у человека со школьной скамьи.

Нужно постоянно искать такие эффективные методы, которые побуждали бы обучающегося к активному творческому мышлению, заставляли бы его проявлять гибкость суждений. Так, во многих работах последних лет все чаще подчеркивается мысль о том, что разработка и внедрение развивающих методов обучения имеет исключительно важное значение для социально-экономического развития каждой страны.

Творческие способности обнаруживаются не в знаниях, умениях и навыках, а в динамике их приобретения и использования в нестандартной деятельности. Развивающее влияние на личность оказывают лишь действенные знания.

Творческие способности представляют собой совокупность психических свойств. Среди них выделяется группа общих качеств, отвечающих требованиям не одного, а многих видов творческой деятельности – художественного, научного, конструкторского и т. д. Среди них можно назвать такие, как умение видеть проблему, осуществлять исследовательскую деятельность, формулировать гипотезы, определять предмет исследования, выбирать адекватные исследовательские методы, проводить эксперименты и т. д. Выделяются и специальные качества креативной личности. Так, педагогические способности предполагают: высокий уровень морально-эстетических чувств, умение масштабно мыслить, проявлять интерес к внутреннему миру людей.

Знание специальных общих качеств креативной личности чрезвычайно важно для педагога, так как именно он призван создавать благоприятные условия для их развития. Как справедливо отмечает В. И. Андреев, творческое саморазвитие учителя – это интегративная характеристика его процессов «самости», среди которых системообразующими компонентами выступают самопознание, творческое самоопределение, самоуправление, самосовершенствование и творческая самореализация личности учителя в его профессионально-творческом становлении [2, с. 142]. Учитель не приемлет рутины и однообразия, а поэтому всегда ищет и находит нечто новое, оригинальное. Он изначально мотивирован и на творчество. Созидать, творить, выдумывать, пробовать – это его обычное профессиональное состояние.

Исследования показали, что творческий потенциал пробуждается только тогда, когда субъект самостоятельно проникает в сущностные связи в объективном мире. Речь идет, как видим, о широком взгляде на современный мир, об идее, которую можно положить в основу концепции содержания современного образования.

Человек начинается тогда, когда он осмысливает мир. Человека создает разум. Эти глубинные познания сущего и созидания человечности в человеке прозрели отдельные мыслители в различные исторические эпохи. Демокрит писал, что простое многознание еще не есть ум и понимание. Аристотель подчеркивал, что тот, кто знает общее, тот лучше знает нечто как присущее, чем тот, кому известно только частное. О человеко-созидающей значимости ведущих идей писали такие философы, как Б. Спиноза, В. Гегель, А. Шопенгауэр, В. Соловьев и другие. Философы отмечали, что общие идеи формируют не просто рассудок, а разум. Рассудок вносит порядок, объединяет данные чувства по присущим ему самому законам. Но наше познание стремится выйти за узкие пределы, положенные ему природой. Оно стремится постигнуть вещи, какими они являются сами по себе. Это область разума. «Ум, хорошо устроенный, – писал еще М. Монтень, – стоит дороже ума, хорошо исполненного».

Аристотель написал «Органон», заложив основы дедуктивной логики. Ф. Бэкон – «Новый органон», высветивший особенности индуктивного мышления. Р. Декарт оставил потомкам «Правила для руководства ума». К. Гельвеций – солидный трактат «Об уме». И. Кант создал фундаментальный труд «Критика чистого разума». Г. В. Гегель – «Науку логики», где раскрыл закономерности диалектического мышления. Но человечество все-таки мало продвинулось в ответе на вопросы: Что такое хорошо устроенный ум? Как развивать мышление в процессе обучения? Как учебный процесс влияет на формирование творческого потенциала личности?

Отдельные догадки ученых, начиная с Сократа и заканчивая Сухомлиным, не меняют сути дела. Стало ясно, что зазубривание логически мало связанного материала иссушает мозг, притупляет чувства. Только самостоятельное познание глубинных, существенных связей развивает интеллект и облагораживает сердце. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты достижений когнитологии и когнитивной психологии.

Исследователи (Д. Бредбент, С. Стернберг, Ж. Сперлинг, Р. Аткинсон, Г. Бауер, Р. Шекард, У. Найссер, Л. Венкер и др.), выявляя аналогии между процессами переработки информации у человека и в вычислительном устройстве, выделили многочисленные структуры, составляющие познавательных и исполнительных процессов, обнаруживающих существенную роль обобщенного знания в развитии духовных качеств человека. О лично-значимой роли системообразующего

знания писали многие отечественные дидакты и психологи (И. С. Якиманская, М. И. Махмутов, А. М. Матюшкин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, Л. В. Занков). Так, Л. В. Занков ведущую роль теоретических знаний считал важнейшим принципом развивающего обучения. Идея о необходимости отказаться от стабилизации предметоцентризма в обучении и заменить традиционные дисциплины интегрированными учебными курсами – человек, общество, природа – ноосфера, актуализирована сегодня, и она не нова.

Модульно-синергетический подход к разработке содержания интегративных учебных дисциплин позволяет усилить личностную направленность изучения каждой учебной дисциплины. Такой подход ориентирует на отбор «ядра» научной информации по каждой учебной дисциплине. Отбор «ядра» проводится посредством всестороннего анализа понятийного аппарата соответствующих отраслей научного знания, выявления внутренних связей между понятиями, законами и принципами.

Данный подход позволяет не только интегрировать содержание, но и пересмотреть структуру учебных предметов.

Модульное построение учебных дисциплин протекает в два этапа.

Первый этап – разработка инвариантной модели учебного предмета. Каждая учебная дисциплина не только содержит творческий материал, но и представляет собой неразрывное единство предметно-содержательной, практической информации. Теоретические и практические компоненты каждого курса находятся в органической взаимосвязи. Недооценка одного из них, как правило, обрекает учебный процесс на неудачу, снижает уровень его качества.

Подготовка инвариантной модели учебных курсов делает процесс обучения логически стройным и подлинно управляемым. Наличие подобных моделей может оказать существенное влияние на разработку учебников, учебных и методических пособий нового поколения.

Второй этап – выделение ключевых идей в рамках конкретных модулей. Каждая учебная дисциплина представляет собой группу таких модулей, т. е. относительно независимых, логически стройных, внутренне завершенных и дидактически цельных отрезков предельно обобщенной информации.

Нужны четкие принципы ее отбора. Принципами отбора ключевой информации являются: информационная емкость и прогностическая ценность изучаемого материала, системообразующая функция, конструктивно-практическая

значимость. Сознательное руководство данными принципами позволяет создать качественно новые учебные курсы, обладающие потенциальными образовательно-воспитательными возможностями. Уже есть результаты таких обновлений. Переработка в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского рабочих программ на основе новых требований ФГОС ВО яркое тому подтверждение. Уровень развития самостоятельного творческого мышления обучающихся зависит от творческого

потенциала педагога, характера его профессионально-педагогической творческой деятельности, способности предлагать нестандартные решения учебных задач.

Список литературы

1. Гусейнов А. З. Сущностные характеристики дидактики педагогического образования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 100–103.
2. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс 1. Казань, 1996. 567 с.

Образец для цитирования:

Гусейнов А. З. Теоретические проблемы современного педагогического творчества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 478–482. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-478-482>

Theoretical Problems of Modern Pedagogical Creativity

A. Z. Guseynov

Ali Z. Guseynov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, guseynovaz@mail.ru

The theoretical problems of modern pedagogical creativity as integrative characteristics of its processes of “selfhood” are disclosed, among which system self-knowledge, creative self-determination, self-management, self-improvement and creative self-realization of the teacher’s personality in his professional and creative development are given as the essence of pedagogical creativity. In turn, the methodological analysis of scientific concepts allows us to determine the main approaches to the study of this phenomenon, to look wholeheartedly at the professional activity of the teacher. The teacher as a creator of self-developing personality, being the subject of the pedagogical process, creates effective conditions for innovative activity, supports the activity, initiative and independence of the students. The creative potential of individuals, education and science become in modern conditions the most important value, the spiritual heritage of the state, the nation. Creativity is a combination of general and specific qualities, representing a complex structural formation. They are found not so much in specific knowledge, skills and skills, as in real heuristic creative activity. The most important means of

developing the creative abilities of students are their extremely early inclusion in a creative, personally and socially significant cognitive activity. Successful formation of the creative personality is carried out using a set of innovative developing didactic means. Essential influence on the formation of the creative potential of the learner’s personality renders extremely generalized information, selected for training courses on a modular-synergetic basis. The study of the fundamental positions of pedagogical creativity shows its place in the educational process, and defines it as a resource of the quality of education in general.

Key words: professional activity of the teacher, pedagogical creativity, pedagogical concepts, educational paradigm, creativity of the person, cognitive activity, creative independence.

References

1. Guseynov A. Z. Sushchnostnye harakteristiki didaktiki pedagogicheskogo obrazovaniya [Essential characteristics of the didactics of teacher education]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 100–103 (in Russian).
2. Andreev V. I. *Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiya. Innovacionnyj kurs 1.* [Pedagogy of creative self-development. Innovation course 1]. Kazan, 1996. 567 p. (in Russian).

Cite this article as:

Guseynov A. Z. Theoretical Problems of Modern Pedagogical Creativity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 478–482. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-478-482>